

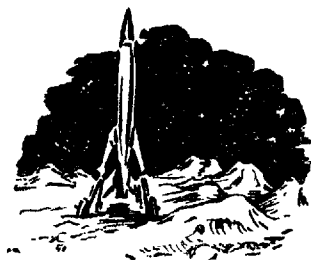
А. КНОПОВ

Проданная
ЛУНА

А. КНОПОВ

Проданная ЛУНА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ХАРЬКОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1960

А. Е. Кнопов в научно-фантастической повести «Проданная Луна» рассказывает о событии, которое в ближайшем будущем станет реальной действительностью, — о полете человека на Луну, а также о том, как капиталистические дельцы вымышленной страны Альберии, привыкшие из всего извлекать прибыль, пытались продать Луну и что из этого вышло.

Глава I

Граждан Альберии и жителей многомиллионного Бабеля трудно было удивить даже самой необычной рекламой. И все-таки, когда на одном из небоскребов делового квартала города вспыхнули, четко выделяясь на темно-синем фоне вечернего неба, громадные неоновые буквы, тысячи бабельцев с недоумением прочли:

СПЕШИТЕ КУПИТЬ ЛУННЫЕ УЧАСТКИ
ТОЛЬКО У НАС!
«АЛЬБЕРИЯ — ЛУНА»

По временам огненная надпись исчезала, чтобы неожиданно вынырнуть из темноты и, пробежав красноватой змеей, вновь исчезнуть во мгле. А спустя час заинтересованные горожане с лихорадочным нетерпением разворачивали вечерние газеты в поисках подробностей. И не только бабельские, но и все альберийские газеты запестрели удивительными объявлениями.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ
БЛИЗОК К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ!
ВЫ МОЖЕТЕ ДЕШЕВО КУПИТЬ У НАС
ЛЮБОЙ УЧАСТОК ЛУННОЙ ПОВЕРХНОСТИ!
ВСЕГО 5 ДИАРХОВ ЗА АКР!
ОБРАЩАТЬСЯ: БАБЕЛЬ, 57, УЛИЦА 201.
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «АЛЬБЕРИЯ — ЛУНА»

«ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ, БЛАГОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ,
РЕДКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ, НЕВИДАННЫЕ МИНЕРАЛЫ
СКРЫВАЮТ ЛУННЫЕ АЛЬПЫ И ЛУННЫЙ КАВКАЗ,

ЗА БЕСЦЕНОК ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ ЛЮБОЙ ИЗ КРАТЕРОВ ЛУНЫ!
ЦЕНЫ УКАЗАНЫ В НАШИХ ПРЕЙСКУРАНТАХ!
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «АЛЬБЕРИЯ—ЛУНА»
ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ,
ЧТО К УСЛУГАМ ПОКУПАТЕЛЕЙ ИМЕЮТСЯ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ
С ОПИСАНИЕМ РЕЛЬЕФА ЛУННОЙ ПОВЕРХНОСТИ.
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ БЕСПЛАТНЫМИ КОНСУЛЬТАЦИЯМИ НАШЕГО
СПЕЦИАЛИСТА-СЕЛЕНОГРАФА!

Необычные объявления стали в центре внимания альберийских обывателей; высказывалось множество предположений, догадок; наиболее осторожные подозревали в этой шумихе аферу.

Вся затея казалась не столько смелой, сколько безрассудной, противной здравому смыслу.

Действительно, в течение многих лет успехи Альберии в космических исследованиях были весьма скромными. Она приступила к космическим исследованиям позже, чем Советский Союз и другие великие державы. Лишь последние годы ценой огромных усилий в альберийской ракетной технике наметились некоторые достижения, которые на фоне удивительных научно-технических побед Советского Союза не могли производить сильного впечатления.

С тех пор как Советский Союз запустил первые искусственные спутники Земли и ракету, достигшую впервые в мире поверхности Луны, альберийские обыватели свыклись с мыслью о ведущей роли советской науки. Величайшим триумфом ее в тот период было создание автоматической межпланетной станции, сфотографировавшей невидимую часть лунного шара и передавшей изображение по радио на Землю.

Наступило время, когда каждое крупное событие в науке, идущее из Советского Союза, альбериец воспринимал как должное.

И вдруг эта дерзкая затея!

Однако желание совершить выгодную сделку — желание, которым альберийцы одержимы чуть ли не с детского возраста, было столь сильным, что у дома 201 постоянно толпился народ.

Небольшая медная дощечка на дверях конторы, расположенной на 37-м этаже, придавала ей самый обычный вид.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«АЛЬБЕРИЯ — ЛУНА»
ПРОДАЖА И ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЛУННЫХ УЧАСТКОВ —

значилось на вывеске.

Взглянув на нее, альбериец проникался уверенностью в том, что, несмотря на довольно странный объект продажи, в основе деятельности общества лежат трезвые коммерческие расчеты, вполне реальные, как и в любом respectableм предприятии.

Как ни странно, но уверенность эта не исчезала и после того, как посетитель убеждался, что контора занимает сравнительно скромную площадь и состоит из совершенно незначительного штата. Вероятно, тут была заслуга директора общества господина Манозля Оливейра, обладающего удивительным умением вносить во все, за что бы он ни принимался, дух практицизма и деловитости.

В приемной директора, уставленной массивными кожаными креслами (дирекция полагала, что здесь будут ожидать приема многочисленные акционеры), внимание посетителя привлекала большая картина, висевшая над столом девушки-секретаря. Картина изображала космический корабль, взлетающий с огромной эстакады. Мощные ослепительные струи газов, выбрасываемые из сопел, свидетельствовали о стремительности, с которой ракета покидала Землю.

Но следует сказать, что при взгляде на обворожительного секретаря у посетителя пропадало всякое желание расставаться с Землей.

В обязанности Мерседес, так звали девушку, входило оформление документов по продаже лунных «земель», и благодаря этому она неплохо разбиралась в лунной орографии*. Кроме того, в отсутствие господина Оливейра она должна была торжественно вручать покупателю удостоверение на право владения лунным участком и поздравлять нового космического собственника.

Перспектива получить этот документ из рук Мерседес была настолько привлекательной, что многие не могли устоять и покупали по нескольку участков, а один торговец москательным товаром приобрел уже три кратера, Господин Оливейра был доволен своим секретарем.

* Раздел географии, занимающийся описанием внешних форм земной поверхности.

Блестящая пластмассовая дверь с табличкой «Директор» невольно внушала почтение: еще бы, ведь за ней скрывался человек, руководивший совершенно новым, невероятно дерзким предприятием.

Получив разрешение секретаря, посетитель входил с трепетом, словно вступал на новую планету.

В глубине обширного кабинета, стены которого были увешаны таблицами, картами и крупными фотографиями Луны во всех ее фазах, за большим полированным столом восседал человек средних лет с крупным мясистым лицом. Слегка приплюснутый нос делал его похожим на бывшего боксера, хотя Оливейра никогда не увлекался этим видом спорта и знак этот получил еще в молодости от одного вспыльчивого компаньона.

Прекрасный цвет лица и безупречный светлый костюм из шотландской шерсти придавали господину Оливейра вид типичного преуспевающего дельца. Некоторых наивных посетителей, ожидавших увидеть отважного мужа науки, дерзновенного покорителя космических пространств, разочаровывала внешность Оливейра, и это разочарование было вполне обоснованным: господин Оливейра действительно не имел никакого отношения к науке и тем более к проблемам астронавтики. Но он и не считал это нужным — он обладал хорошими организаторскими способностями, превосходно знал так называемый деловой мир и имел весьма приличный капитал. В своих многочисленных комбинациях Оливейра никогда не проявлял излишней щепетильности, и потому они, как правило, завершались ростом его текущего счета в банке.

Последняя его комбинация была особенно удачной. На скупленных им за бесценок у крестьян провинции Кордоба землях были обнаружены залежи урановой руды. Он продал эти участки альберийскому правительству за цену, которая его вполне удовлетворила.

А теперь Оливейра увлекся новой, весьма рискованной, по мнению дельцов, комбинацией. Причиной, побудившей его заняться этим необычным предприятием, было его знакомство с неким Себастьяном Линье — молодым, но уже довольно известным конструктором, страстно увлеченным идеей космического полета.

Линье создал проект двухступенчатой космической ракеты, рассчитанной на экипаж из трех человек. Около двух лет он безуспешно пытался заинтересовать своим

проектом некоторых влиятельных лиц. Его выслушивали, восхищались смелостью и оригинальностью идей, но и только.

Трезвые альберийцы не собирались рисковать ради романтики своими доходами, и у них были для этого основания. Ракета Линье могла осуществить перелет на Луну только при наличии в космосе искусственного спутника Земли, играющего роль пересадочной станции для межпланетных кораблей.

Идея создания межпланетной станции в космосе не нова: ее предложил знаменитый русский ученый Циолковский. Альберийское правительство только приступило к ее строительству. А для того чтобы лететь прямо на Луну без промежуточной станции, нужна была многоступенчатая ракета, над конструированием которой напрасно бился Линье. Перед ним стояли почти непреодолимые трудности. Неумолимые расчеты показали, что многоступенчатая ракета, способная доставить на Луну экспедицию из трех человек со всей необходимой аппаратурой, запасом пищи, воды и кислорода, должна иметь вес миллионы тонн, причем, главная доля этого веса пришлась бы на топливо. Линье понимал, что нечего рассчитывать на сооружение подобной ракеты. Легче уж создать межпланетную топливо-заправочную базу, на которой астронавты могли бы пополнить запасы топлива и продолжать путешествие.

Кроме того, с искусственного спутника, вращающегося вокруг Земли в безвоздушном пространстве, значительно легче достигнуть Луны и других планет. Ракете, отправляющейся на Луну, Венеру или Марс с искусственного спутника, достаточно развить скорость от 3,1 до 3,6 километра в секунду. Объясняется это тем, что уже сама станция обладает скоростью около 8 километров в секунду.

К этому времени вокруг Земли вращалось на различных высотах более двухсот спутников. Большинство из них было запущено Советским Союзом, открывшим эпоху покорения космоса. Здесь были различные конструкции — от небольших орбитальных спутников в несколько десятков килограммов до гигантских летающих лабораторий весом в несколько тонн. Они обегали земной шар за два, три и более часов, в зависимости от орбиты, по которой вращались. Эти замечательные автоматические лаборатории имели совершенную научную аппаратуру.

Они добросовестно сообщали по радио обо всем, что им поручалось: об интенсивности космических лучей, о полярных сияниях, о давлении и составе атмосферы, о магнитном поле Земли, о направлении воздушных течений, о степени ионизации ионосферы и о множестве других вопросов.

За год до описываемых событий Советский Союз закончил сооружение стационарного искусственного спутника на высоте 35 800 километров. Спутник, вращающийся на таком расстоянии в плоскости экватора, облетает Землю за 24 часа и поэтому виден всегда в одном и том же месте над Землей. Он предназначался для ретрансляции телевизионных передач. Как известно, передача телевизионных программ ведется на ультракоротких волнах, распространяющихся лишь в пределах прямой видимости, вследствие чего радиус действия телевизионных передач незначителен. Ретрансляционная станция спутника, расположенного на такой высоте, могла обслуживать почти половину земного шара.

Запуск спутника был осуществлен с территории свободного африканского государства Сомали в пункте, расположенном на экваторе. Эта точка земного шара оказалась наиболее удобной для того, чтобы ракета выходила на орбиту в нужном месте, двигаясь с запада на восток, то есть по направлению вращения Земли. Выходящие на орбиту последние ступени ракет представляли отдельные части станции, которая монтировалась уже в пространстве. Помимо аппаратуры ретрансляционной станции, на спутнике размещалась обсерватория, все необходимое для пребывания экипажа из пяти человек. Необходимую электрическую энергию станция получала непосредственно от Солнца, используя полупроводниковые «солнечные» батареи. Для удобства перемещения в условиях невесомости внутри станции были проложены магнитные настилы, а команда надевала обувь с железными подошвами. В дальнейшем предполагалось создать искусственную тяжесть, придав станции вращение. Каждые две недели специальная ракета доставляла на спутник очередную смену экипажа и все необходимое для существования людей. Это изумительное сооружение, свидетельствующее о высочайшем уровне техники страны коммунизма, было первым выходом человека в космос. Станция, справедливо получившая наименование «Друж-

ба», висела над экватором в 70° восточной долготы, то есть над самым центром восточного полушария. Такое расположение позволяло обслуживать телепередачами население четырех континентов — Азии, Европы, Африки и Австралии.

С некоторых пор альберийское правительство предпринимало энергичные меры, чтобы ускорить сооружение межпланетного вокзала. В печати сообщалось, что он строится для осуществления космических перелетов, но основное назначение спутника было совсем другим. Каким — об этом альберийские газеты пока умалчивали.

Крупнейшие альберийские миллионеры, в том числе и господин Оливейра, финансировали строительство этого грандиозного сооружения.

Почти ежедневно на орбиту спутника, находящуюся на расстоянии 1730 километров от Земли, прибывали трехступенчатые грузовые ракеты. Там корпуса сваривали. Этому не мешала огромная скорость, с которой ракеты двигались относительно Земли: относительно друг друга куски ракет едва перемещались.

С каждым днем сооружение росло; сваренные ракеты образовывали гигантское кольцо.

По вечерам и на рассвете, когда новая звезда в течение нескольких минут пересекала небосвод, в телескоп можно было наблюдать огни гелиосварки. При помощи вогнутых зеркал и линз для сварки использовалась солнечная энергия. Там, за атмосферой, изобилие солнечной энергии: ее могучие потоки не ослабляются рассеиванием и поглощением воздуха.

Партия гелиосварщиков торопилась закончить солнечную электростанцию, чтобы дать космическому острову ток. Строительство межпланетной станции близилось к концу.

Вот в это самое время судьба и свела Линье с господином Оливейра. И к удивлению конструктора он встретил неожиданное внимание к своему проекту со стороны расчетливого дельца. Не следует думать, что Оливейра вдруг заинтересовался волнующими проблемами космонавтики. Он просто сообразил, что сможет получить большую прибыль, если, конечно, возьмется за дело с умом.

Эта мысль целиком завладела им после случайной беседы на одном банкете в «Клубе промышленников»

с неким генералом Рамиресом. Генерал с упорством фанатика не желал признавать ведущую роль Советского Союза в покорении космоса.

— Не сомневайтесь, Оливейра, что вся эта трескотня с космическими ракетами — просто хитроумная советская пропаганда,— говорил он раскатистым басом.— Мы слишком много позволяем болтать о нашем отставании и нашей слабости. Это парализует волю нации. Нам нужен человек, который уже одной дерзостью своего предприятия поставил бы под сомнение успехи русских.

Он залпом опорожнил бокал с вином и, потянувшись через весь стол за большим омаром, многозначительно добавил:

— Ваша идея продать Луну — именно то, что нам нужно сейчас.

— Да, но как воспримет это рядовой альбериец? Он утратил веру в наши возможности,— неуверенно возразил Оливейра.

— Уже одна постановка вопроса — считать Луну собственностью Альберии — перестроит мышление обывателя и вселит в него веру в наши силы,— решительно объявил генерал.— Больше уверенности — и мы вас поддержим!

Слова выпившего и расхрабрившегося Рамиреса «перестроить мышление обывателя» заставили задуматься дельца. Прекрасно зная психологию альберийцев, Оливейра решил, что он способен, как никто другой, «обработать мозги» и начал с того, что создал шумную рекламу.

На знаменитой бабельской бирже появились рядом с ценами на кожу, кофе, мясо, хлопок, нефть, шерсть цены на лунные участки. Здесь же висел список названий лунных кратеров — Аристарха, Эндимиона, Тихо, Гиппарха и других; морей Изобилия, Нектара, Влажности, Кризисов. Правда, последнее название вызвало у биржевых спекулянтов неприятные ассоциации, и потому главный маклер биржи потребовал его удаления.

И вот толпы осаждают контору. Все взволнованы, возбуждены, подозрительно приглядываются друг к другу. Как бы не прогадать, как бы не продешевить. Ведь покупать лунный участок — все равно, что покупать кота в мешке. Хотя господин Оливейра предоставляет каждому возможность изучать карту лунного ландшафта, все же сделка продолжает оставаться довольно туманной. Но

цена—цена доступная, и обещания господина Оливейра сулят столько благ, что удержаться от покупки просто нет никакой возможности. И многие альберийцы, которые приходят к конторе просто из любопытства, вдруг становятся самыми ревностными компаньонами.

Господин Оливейра спал четыре часа в сутки, а бедняжка Мерседес вконец измучилась от выписывания бесконечных бланков, от бесконечных поздравлений. Оливейра уже стал подумывать о том, чтобы расширить штат, хотя это вначале вовсе не входило в его расчеты, так как делец был скуп, как вдруг шум, поднятый вокруг продажи лунных участков, стал стихать. Вот уже несколько дней в контору заглядывают лишь одиночные посетители. Мало того, нашлись даже такие, которые пытались получить обратно свои деньги.

Причиной этого затишья было появление в одной из наиболее популярных в Альберии газет статьи известного астрофизика доктора Перейра. Ученый этот, охваченный в старости мистическими настроениями, очень безнадежно оценивал перспективы, ожидающие будущих космических путешественников. По его словам, их ежесекундно подстерегают опасности.

«Вспомните об огромном числе метеоритных тел, врывающихся в нашу атмосферу,— писал доктор,— за сутки их насчитывается миллионы, даже миллиарды. Лишь земная атмосфера, в которой они сгорают, спасают нас от ужасной бомбардировки. Только ей мы обязаны тем, что поверхность Земли не раздроблена в пыль, как раздробили метеориты в пыль поверхность Луны. Мировое пространство кишит метеорными телами, несущимися со скоростью десятков километров в секунду. Может ли космический корабль пробиться сквозь такой огневой шквал и избежать столкновения? Я решительно утверждаю, что это невозможно. К чему приведет столкновение? Небольшой метеор, величиной с орех, столкнувшись с кораблем, мгновенно взорвется и испарится. То же произойдет и с частью обшивки корабля, подвергнувшейся удару. Возникшая взрывная волна разрушит ракету.

А если даже астронавты благополучно достигнут Луны, то как спасутся они от непрерывной метеорной бомбардировки? Прогулки по Луне — это игра со смертью. Рано или поздно путешественник погибнет, сраженный метеорной песчинкой, обладающей энергией пули

крупнокалиберного пистолета. Добавьте к сказанному смертельное действие мощных космических и ультрафиолетовых лучей, от которых на Луне, лишенной атмосферы, нет защиты, и вы поймете безумие людей, осмелившихся покинуть родную планету. И, наконец, сможет ли нервная система человека совладать с напряжением, таинственностью и странностью такого рискованного предприятия? Сойти с ума и погибнуть — вот удел космических путешественников».

Настойчивость, с которой Перейра твердил о метеорной опасности, казалась странной и противоречащей данным последних лет: ведь искусственные спутники благополучно бороздили пространство, и ни один из них не был сбит метеоритом. Тем не менее мрачные предсказания настроили многих альберийских обывателей весьма недоверчиво к деятельности общества «Альберия — Луна». На бабельской бирже курс акций общества резко понизился, что вызвало сильное беспокойство у господина Оливейра.

Даже очаровательная Мерседес не на шутку встревожилась, хотя она отнюдь не собиралась отправляться в космический рейс. Вероятно это объяснялось тем, что молодой Линье, мысли которого были сосредоточены на межпланетном пространстве и космическом полете, не остался слеп и к земным объектам. Всякий раз, когда он проходил мимо девушки, у него почему-то засорялась трубка. Он останавливался, старательно прочищал ее и, обменявшись несколькими шутивными замечаниями с Мерседес, уходил, а Мерседес портила очередной бланк удостоверения на право владения лунным участком.

Вот уже три дня Линье находился на космическом острове. Строительство еще не закончилось, но его можно было уже использовать как межпланетную станцию. Большинство баков заполнили горючим. На искусственной Луне отсутствовала тяжесть. Люди, работающие на ней, переносили состояние невесомости безболезненно, но требовалась известная тренировка, чтобы организм приспособился к необычным условиям. Естественно, что Линье и его будущий попутчик, радист Альварес, прежде чем отправиться в полет на Луну, использовали для тренировки станцию вне Земли — эту идеальную лабораторию невесомости.

Улетая, Линье обещал скоро вернуться: у него была масса дел на Земле.

Мерседес, все эти три дня с нетерпением ожидавшая возвращения конструктора, увидела в окно знакомую высокую фигуру.

Сегодня конструктор был в отличном настроении и приветствовал Мерседес с большим энтузиазмом, чем всегда.

— Я видел вас вчера, Мерседес,— объявил он неожиданно.

— Меня? — удивилась девушка.— Но вы же были на спутнике!

— И тем не менее я видел вас в тот момент, когда вы входили в метро. Вы забыли, что вчера спутник пролетал над Бабелем в 8 часов 40 минут. Впрочем, вот снимок, который рассеет ваши сомнения,— и Линье протянул девушке фотографию.

Она зарделась от удовольствия, узнав без особого труда себя в толпе на снимке, и, чтобы скрыть смущение, спросила Линье, как он себя чувствовал в пространстве.

— Отлично! — последовал восторженный ответ.— Великолепное ощущение. И вряд ли его можно передать словами. Когда плаваешь в космосе, плаваешь, черг возьми, в неизмеримой бездне мирового пространства, чувствуешь с необыкновенной остротой безграничность Вселенной. Мы облетали вокруг Земли сорок восемь раз. Кажется, что находишься в грандиозном кинематографе, с такой стремительностью мелькают перед глазами целые континенты, государства, острова, горные системы, моря, океаны, пустыни. Сеанс длился полтора часа, и за это время мы успевали просматривать нашу старушку-Землю.

— Вы уже знаете о статье доктора Перейра? — спросила Мерседес.— Неужели космический полет настолько опасен?

— Да, я ознакомился с ней,— ответил Линье, выбивая трубку.— Опасности? — произнес он, задумавшись, словно впервые вспомнив о них.— Каждому ясно, что они есть. Но их не больше, чем было, например, перед Колумбом или Магелланом. Все неизвестное таит опасность. Не пойму только, зачем понадобилось старику так сгущать краски.

— Вы так находите? Но что можно возразить против метеорной опасности?

— Очень многое,—произнес Линье.—Метеорная опасность существует, но доктор сильно ее преувеличил. Во-первых, подавляющая часть всех метеорных тел имеет столь ничтожные размеры, что столкновение с ними для межпланетной ракеты не страшно. Обшивка корабля надежно защищает от метеорной пыли. Во-вторых, метеорные частицы рассеяны в гигантском пространстве: метеорные тела с массой около грамма, представляющие опасность для ракеты, находятся друг от друга на расстоянии примерно 1000 километров. Для космического корабля длиной всего в несколько десятков метров и почти не имеющего собственного поля тяготения вероятность столкновения с метеоритом ничтожна.

— Но она все-таки существует? — допытывалась Мерседес.

— Существует, но столкновение с метеоритом, который может пробить оболочку корабля, менее вероятно, чем попадание в человека молнии. Оно будет происходить не чаще одного раза в десять лет, хотя может произойти в течение этого срока в любой момент — все дело в случайности. Кроме того, с метеорной опасностью есть способы борьбы, а об этом доктор ничего не сказал. Метеорные тела распространены в пространстве неравномерно. Изучены метеорные рои, орбиты, по которым они двигаются. Следовательно, перед астронавтикой есть большие возможности в выборе траектории и времени полета. Мы, например, вылетим на Луну и возвратимся обратно во время, так сказать, метеорного штиля, который определяется довольно точно. Наконец, если я еще добавлю, что крупные метеоры можно обнаружить радиолокатором, установленным на корабле, и избежать столкновения, то вы согласитесь — нет оснований впадать в панику.

Объяснения Линье рассеяли тревогу Мерседес, и она радостно улыбнулась. Конструктор почувствовал, как от этой улыбки в груди у него разлилась теплота. Он шутя заявил, что готов ради такой улыбки встретиться с опасностями в несколько раз серьезнее, чем те, которые перечислил Перейра. Но, заметив смущение девушки, тотчас же переменял тему.

— Я думаю,— заметил он,— что опасения наших ува-

жаемых сограждан можно будет легко рассеять, когда они получат более объективную информацию.

В этот момент открылась дверь директорского кабинета и на пороге появился господин Оливейра. Он был сильно взволнован, на его обычно самодовольном лице застыло выражение испуга и растерянности. Увидев Линье, глава компании удивленно остановился и, попросив его зайти в кабинет, скрылся опять за дверью.

Линье и Мерседес недоуменно переглянулись.

— Не иначе, как с шефом что-то случилось. Он выглядит так, словно все его состояние вылетело в трубу!— произнес инженер и направился в кабинет.

Глава II

Оливейра стоял у книжного шкафа и что-то в нем разыскивал. Конструктор молча сел в глубокое кожаное кресло. Необычное поведение шефа, по-видимому, было вызвано серьезными причинами, и Линье с любопытством ожидал разъяснений.

Оливейра достал том энциклопедии и погрузился в чтение, а затем, захлопнув его, отбросил в сторону.

— Послушайте, Линье, я читал сейчас о вероятности. У меня нет терпения разбирать эту тарабарщину, но я понял, что «вероятность» сыграла со мной скверную шутку.

— Я не совсем вас понимаю,— удивился Линье.

— Не понимаете!—Оливейра бросил свирепый взгляд на конструктора. — Вы знаете, что я долго колебался, прежде чем вложить деньги в строительство спутника. Я решил на это, черт побери, после разговора с вами. Не вы ли доказывали мне, что возможность столкновения с крупным метеоритом исключена?!

— Я не отрицаю этого и сейчас. Но говорите, наконец, что произошло.

— Несколько минут назад я узнал о катастрофе на искусственном спутнике. Он столкнулся с каким-то небесным телом и взорвался вместе с командой.

Линье судорожно сжал подлокотники кресла. С гибелью межпланетной станции рушились все его надежды.

— Как вы узнали о катастрофе? — спросил он глухо.

— Из всей команды спасся только Альварес. Он скрывается от репортеров и звонил, что скоро будет

здесь. Считайте, что вы родились под счастливой звездой. Один день задержки — и вы навсегда остались бы там, — и Оливейра показал пальцем в небо.

Тут он опять вспомнил о своих потерянных миллионах, бросился в кресло и, схватив руками голову, разразился проклятиями по адресу Линье, Альвареса, своих компаньонов.

— И главное — вся торговля Луной пойдет ко всем чертям, — причитал он. — Мы же обещали на днях осуществить перелет. Но теперь неизвестно, сумеем ли мы вообще совершить его. Ни один здравомыслящий альбериец не станет сейчас рисковать и покупать наши акции. Уж я-то знаю их!

Еще только вчера он наблюдал в телескоп небесный остров: на темнеющем фоне сумеречного неба освещенная лучами заходящего Солнца висела гигантская шина диаметром в сто пятьдесят метров. Новая звезда переливалась пульсирующими огнями, светилась то ярче, то слабее.

В телескоп отчетливо различалась вогнутая чаша — громадное зеркало, собирающее солнечную энергию. В центре виднелись котлы солнечной электростанции, а примерно в 100 метрах от станции свободно «плавал» на той же орбите мощный зеркальный телескоп с диаметром зеркала в тридцать метров. Гигантская труба его смотрела на Землю подобно глазу Аргуса, стерегущего свою добычу. Громадный телескоп предназначался не для изучения небесных тел, как об этом торжественно провозглашали газеты, а для непрерывной слежки за Землей. На расстоянии 1730 километров он различал объекты, имеющие размер более 0,1 метра. Несколько фотоаппаратов непрерывно производили съемки.

Наблюдая с Земли, как крошечные фигурки сварщиков укрепляли в центре огромную трубу-космопорт для стоянки космических кораблей, Оливейра с гордостью думал, что он имеет особый нюх и знает, куда вложить деньги. И вдруг этот нелепый случай!

Он с досадой посмотрел на образцы реклам, принесенные накануне художником.

Крикливый заголовок рекламы: «Вы можете стать владельцем астероида...», попавшийся на глаза, показался ему теперь злой иронией, и он в бешенстве швырнул всю пачку на пол. Да, после катастрофы, так убе-

дительно подтвердившей опасения Перейра, не пришлось сомневаться, что от энтузиазма альберийских обывателей не останется и следа.

— Завтра здесь не будет отбоя от акционеров, — угрюмо проговорил Оливейра. — Надо что-то придумать, чтобы успокоить их.

Грустные размышления Оливейра прервались появлением Альвареса. Он вошел не постучав, медленно и тяжело ступая, словно отягощенный каким-то грузом. Полнеющая фигура Альваресса, облаченная в серый помятый костюм, казалась обмякшей.

Линье радостно бросился к нему.

— Наконец-то, мы уж не дождемся тебя! Не иначе, как ты с того света. Но как удалось тебе выскользнуть?

— Вот именно, выскользнуть, — мрачно произнес Альварес.

На крупном бледном лице радиста пугливо бегали маленькие глазки. Дойдя до кресла, он опустился в него и неподвижно застыл.

— Тяжело, — понимающе кивнул Линье. — Мне тоже первые несколько часов после приземления казалось, что к ногам привязаны свинцовые гири.

— Рассказывайте, как все произошло, — потребовал Оливейра.

Уставив неподвижный взор в одну точку, Альварес начал рассказывать хриплым, прерывающимся голосом.

— Вы хотите знать, почему спасся только я. Хорошо. Я все расскажу... В последней партии сварщиков оказалось несколько беспокойных ребят. Накануне катастрофы прибыла грузовая ракета, в которой при разгрузке нашли ящик с ромом. На спутнике предполагалось в ближайшее время открыть ресторан. В тот день за капитана остался первый помощник — Ортис. Капитан вылетел вместе с Линье на Землю.

— Да, да, — подтвердил Линье.

— Был там один парень, который подговорил остальных забрать ящик с ромом, — продолжал Альварес. — Они спрятали его, но помощник узнал об этом. Ребята работали в тот момент в пространстве. Ортис пытался найти ящик, но, не найдя его, вызвал по радио этого парня. Но тот не захотел даже явиться. Тогда помощник надел скафандр и выбрался в пустоту. Но, видно, он так рассердился, что забыл привязать себя к спутнику тросом.

Пара выстрелов из ракетного пистолета доставила его к оранжерее, где работал этот сварщик. Когда помощник приказал ему вернуть ром, тот отказался, и они начали спорить. Ортис был вспыльчив и сразу полез за пистолетом. И тут они схватились. Парень выбил пистолет у него из рук и ударил его металлическим стержнем от решетки оранжереи. От толчка Ортис стал быстро удаляться в пространство, не успев воспользоваться ракетным пистолетом, чтобы вернуться с его помощью к спутнику. Вероятно, удар пришелся по руке, и она была повреждена.

Альварес замолчал и, облизав пересохшие губы, продолжал:

— Я сидел несколько часов в радиорубке, надеясь его обнаружить. Но Ортис не давал пеленга, хотя радиостанция в его скафандре была исправна. В тот же вечер ребята собрались в одной из мастерских и напились до бесчувствия, а в 22 часа 15 минут по бабелскому времени на экране локатора появился сильный всплеск. Он не был похож на точки, мелькавшие на экране, когда на спутник летели мелкие метеорные тела. Последние дни радиолокаторы обнаруживали их довольно часто, и пулеметы расстреливали их. Но тут я сразу понял, что это было огромное метеорное тело. Оно мчалось навстречу спутнику со скоростью около сорока километров в секунду и находилось уже на расстоянии двух тысяч километров. Следовательно, через пятьдесят секунд должно произойти столкновение. Я понял, что на этот раз атомные пулеметы бесполезны. Нужно было немедленно что-то предпринять. Бессмысленно поднимать тревогу: почти все обитатели спутника мертвецки пьяны. Пока я размышлял, прошло пятнадцать-двадцать секунд, оставалось около тридцати секунд. Больше медлить я не мог. Я бросился к планеру, включил двигатель, и спустя пять секунд, когда планер уже стремительно удалялся от спутника, по ослепительной вспышке понял: столкновение произошло. Через три часа я спланировал на Землю.

Альварес, опустив голову, уставился потухшим взором в пол. Наступившее молчание нарушил Оливейра, который с плохо сдерживаемым раздражением спросил:

— Но почему вы не включили аварийные двигатели? Ведь на спутнике установлены мощные ракеты, позволяющие изменить направление движения и тем самым избежать столкновения.

— Это бесполезно,— вяло ответил Альварес.— Станция неповоротлива, и маневрировать такой машиной невозможно, когда располагаешь секундами.

— Но вы должны были сделать все зависящее от вас, чтобы предотвратить катастрофу,— негодуяще возразил Линье.— Ваш поступок — просто трусливое бегство.

— Для меня это был единственный выход,— ответил Альварес и весь сжался под взглядом Линье.

Линье встал и зашагал по кабинету, стараясь подавить в себе вспышку гнева.

— Нет, я не хотел бы иметь вас в своем экипаже,— произнес он металлическим голосом.

— Я и сам не отправлюсь теперь в пространство ни за какие деньги. Испытывать дважды судьбу у меня нет желания,— заявил Альварес.

Линье подошел к Альваресу и, приподняв его за ворот, посмотрел в глаза. Потом отбросил; неуклюжее тело плюхнулось в кресло.

Оливейра, молчаливо наблюдавший всю сцену, вдруг побагровел от бешенства: в человеке, так безвольно сидевшем в кресле, он увидел виновника своего несчастья.

— Негодяй! — вскричал он.— Ты ответишь за гибель спутника перед судом. Я позову сейчас полицию.

Альварес испуганно взглянул на Оливейра, неожиданно поднялся и, тяжело ступая, вышел из кабинета.

— Оставьте его,— махнул рукой Линье.— Он трус, а формально его трудно обвинить.

Господин Оливейра, охваченный новым приступом отчаяния, заметался по комнате, как пойманный хищник.

— Это первый случай, когда я просчитался,— причитал он.

— Перестаньте хныкать — это вам не поможет,— холодно заметил Линье.— Поймите, все происшедшее несколько не противоречит теории вероятности. Такое столкновение может произойти раз в десять лет, и то, что оно произошло именно теперь, — чистая случайность. Случайность и есть то, что может быть и может не быть. Например, мне тридцать лет, и согласно статистике, вероятность того, что я доживу до сорока лет, составляет 89,5 процента. Но до каких лет я доживу в действительности — это как будет угодно случаю. Смотрите на вещи более философски. Случайность существует независимо от нас.

— Ваши рассуждения не возместят мне моих убытков,— угрюмо ответил Оливейра.

— Во всяком случае, они помогут вам более трезво оценить обстановку. А сейчас это особенно необходимо. Я должен сообщить вам еще одну неприятную новость. Вот прочтите, — и Линье, протянув утренний выпуск газеты «Бабельский вестник», указал на громадный заголовок.

Газета сообщала об успешной посадке на Луну автоматической ракеты, управляемой по радио, посланной Советским Союзом. Проект освоения Луны, разработанный советскими учеными, претворялся в жизнь. Прежде чем послать на Луну людей, предполагалось тщательно изучить космическое пространство между Землей и ее спутником и физические условия, существующие на Луне. Только имея эти данные, можно было гарантировать благополучный исход межпланетного путешествия. После посадки ракеты на Луну из нее выехала маленькая танкетка-лаборатория, которая, повинуясь радиокомандам, посылаемым с Земли, начала свое путешествие по лунной поверхности. Над танкеткой помещалась телевизионная камера. Телеглаз, поворачиваясь во все стороны, передавал по радио на Землю все, что попадало в поле его зрения. Ученые на Земле просматривали на экранах своих телевизоров детали лунной поверхности и выбирали путь для безопасного движения танкетки. Подвижная лаборатория была оснащена многочисленной аппаратурой, приборами для изучения лунной поверхности, состава пород, для измерения температуры и даже оборудованном, позволяющим брать пробы грунта с глубины в несколько метров. Последние данные особенно необходимы при выборе будущего космодрома на Луне.

Прочтя заметку, Оливейра раздраженно отбросил газету.

— Русские уже принимают телевизионные передачи с Луны. Так можно работать и готовиться к полету,— произнес Линье с завистью.— Да что тут говорить! В Советском Союзе над проблемами космических полетов работают десятки институтов, сотни физиков, астрономов, математиков, химиков. А разве можно иначе разрешить такую массу сложнейших проблем, стоящих перед астронавтикой!

— Ну, вы начинаете клеветать,— сказал Оливейра —

Не забывайте, что только Альберия могла создать межпланетный вокзал. И если бы не эта катастрофа, космический перелет был бы осуществлен в ближайшее время.

— Вы безнадежно отстали,— усмехнулся Линье.— Межпланетный вокзал — уже вчерашний день космической навигации. Если бы это было иначе, Советский Союз давно бы построил его.

— Что вы хотите этим сказать? — настороженно спросил Оливейра.

— Вы прекрасно знаете,— резко сказал Линье,— что Альберия строила свою «крепость в небе» прежде всего для атомной бомбардировки. Еще бы! Иметь межпланетную военную базу, с которой ракетная артиллерия сможет уничтожить любой город, любую страну! Держать на прицеле всю Планету! Уж я-то знаю, что не бескорыстный интерес к науке заставил альберийских миллиардеров так раскошелиться. Мы затратили неслыханные средства на сооружение спутника и отстали в важных исследованиях. Ведь до сих пор не создана атомная ракета. Известно ли вам, что русские строят сейчас ракету, которая отправится на Марс непосредственно с Земли? Имеются сведения также, что на Луну отправится обычная ракета.

— Ну, еще неизвестно, когда они подготовят полет,— заметил Оливейра.

— На Луну они собираются отправить корабль уже через год. Я не сомневаюсь, что при их размахе они выполнят свой план. Проект космического корабля разработан Рошиным, одним из крупнейших конструкторов.

— Опять Рошин,— поморщился Оливейра.— Автоматическая ракета тоже его конструкции?

— Да. Экспедиция из четырех человек будет возглавляться им. Экипаж уже начал готовиться к перелету.

Лицо Оливейра стало еще мрачнее. Неожиданно он злобно ударил кулаком по столу.

— Они не имеют права отправляться в рейс без моего разрешения!

Линье улыбнулся.

— Почему же?

— Есть определенные международные нормы торгового права. Луна продана, и владельцем ее является акционерное общество «Альберия—Луна». Наши юристы докажут право Альберии. Если хотите, это красный меж-

планетный империализм! — Это определение, по-видимому, показалось Оливейра очень метким, и он повторил его несколько раз.

— Ну, конечно! Русские не посмеют полететь на Луну без разрешения господина Оливейра, — засмеялся Линье и затем, став серьезным, сказал: — Бросьте молоть вздор. У нас развелось слишком много специалистов по «пространственному праву». Вы забыли, как целая свора адвокатишек кричала о нарушении Советами суверенитета Альберии, когда они запустили впервые свои спутники. Но эти смехотворные обвинения ничего не дали. Что толку, если за плату юристы «докажут» наше право на Луну или другую планету! Поговорим-ка лучше о деле. Русские располагают каким-то топливом с колоссальной теплотворной способностью, которого в ближайшее время у нас, по-видимому, не будет. Есть один путь опередить русских: нужно сосредоточить все усилия на создании в кратчайший срок атомной ракеты.

— Ну, так в чем же дело? Что мешало вам построить атомную ракету раньше? — спросил Оливейра.

— Два препятствия, — ответил Линье. — Во-первых, у нас нет достаточно жаропрочных и жаростойких сплавов, а для атомного двигателя это главное. Надеюсь, вам известно, что ракета движется тем быстрее, чем с большей скоростью извергаются газы из сопла реактивного двигателя. Чтобы увеличить скорость истечения газов, необходимо повысить их температуру. В обычном жидкостном реактивном двигателе температура газов и, следовательно, скорость истечения зависит от теплотворной способности топлива. В моей ракете эта скорость достигает четырех километров в секунду. Вот здесь и возникает преграда: температура газов настолько велика, что стенки камеры сгорания и сопла плавятся и испаряются, если не применить интенсивного охлаждения стенок. При этом масса выбрасываемых газов не должна охлаждаться. Если взять атомный реактивный двигатель, то запасы энергии в нем настолько велики, что скорость истечения можно довести до 10—12 километров в секунду. При такой скорости температура газов столь велика, что никакой известный нам материал не может ее выдержать. Вот почему получение устойчивого материала я считаю главной проблемой. Вторая

проблема,— продолжал Линье,— пожалуй, не менее трудная, чем первая,— это создание надежной защиты от радиоактивного излучения.

— Но русские уже используют на своих двигателях сверхтугоплавкие сплавы. Каким удалось получить их? — поинтересовался Оливейра.

— К сожалению, технология приготовления нам неизвестна. Имея такие материалы, Рошин может конструировать ракету!

Линье встал. На его красивом, энергичном лице появилось выражение упорства. Препятствия всегда вызывали у него удесятенные усилия.

Оливейра, неплохо знавший конструктора, подумал, что, быть может, еще не все потеряно, и повеселел.

— Вы что-нибудь придумали? — спросил он с надеждой в голосе.

— Сделать все возможное, чтобы полет состоялся,— решительно произнес Линье.— Теперь о деле. Что касается первого препятствия — жароупорных материалов — мы создадим их, если вы не пожалеете денег. Что касается защиты от радиоактивного излучения — это для меня сейчас главная трудность. И я пока не вижу путей ее преодоления.

Линье задумался.

— Знаете, каким должен быть по моим расчетам вес защитного экрана? Свыше ста тонн. Да, да, свыше ста тонн,— повторил он грустно.— Это почти половина веса моей ракеты.

— Так много? — изумился Оливейра.

— Да, не меньше,— подтвердил Линье.— И ничего, черт возьми, не поделаешь. Иначе ракета превратится в стальной гроб для ее пассажиров, погибших от лучевой болезни. Как-то надо решать вопрос с защитой. И нужны деньги. Много денег.

— Мне нравится ваше упорство, Линье,— Оливейра фамильярно хлопнул конструктора по плечу.— Я готов финансировать вас. Мы объявим акционерам, что полет откладывается. Решайте вопрос с защитой, как хотите, летите хоть без нее — меня это не касается. Но запомните: полет надо совершить как можно скорее, я не желаю больше пускать деньги на ветер. — И господин Оливейра, к которому вновь вернулся его обычный самодовольный вид, многозначительно постучал пальцем по столу.

Глава III

Мысль о страшной действительности обожгла Диаса. Беспощадная правда предстала вдруг с неумолимой ясностью. И все-таки все его существо не могло и не хотело примириться с этим.

Когда произошла авария уранового котла, Антонио Диас сидел поблизости и набрасывал новую схему автомата, управляющего движением кадмиевых стержней. Атомный реактор, отличающийся необычно малыми размерами, был изготовлен по его чертежам, и молодой физик болезненно реагировал на неточную работу отдельных узлов. Впоследствии Диас решительно не мог вспомнить, сколько времени он сидел, углубившись в расчеты.

Работать у котла было небезопасно, но Диас был слишком нетерпелив. Пронзительный крик вошедшего в лабораторию сотрудника заставил его вскочить. Что это... Стрелки многочисленных индикаторов стояли на красной шкале «Опасно», угрожающе светились красные лампы; он вдруг услышал лихорадочное тикание счетчиков Гейгера. Мощный поток нейтронов и гаммалучей проникал в помещение сквозь бетонную стенку котла толщиной в несколько метров. Вероятно, скорость цепной реакции сильно возросла, и слишком высокая температура, возникающая при этом, привела к аварии.

— Но почему же не сработала звуковая сигнализация?

Он бросился к щиту управления и, быстро повернув рычаг, вдвинул в реактор аварийный кадмиевый стержень. Теперь избыток нейтронов, получающийся при делении ядер урана, поглощался кадмием. Бешеная трескотня счетчиков Гейгера стала затихать, а стрелки индикаторов медленно возвращались в прежнее положение.

* * *

Диас машинально отдал подошедшему сотруднику два своих карманных дозиметра, похожих на самопишущие ручки, и пленочный индикатор. Через несколько минут ему сообщили, что показания одного из дозиметров превышают опасный предел. Теперь Диас не сомневался, что подвергся облучению смертельной дозы. В глазах окружающих он видел ужас. Так смотрят на обреченно-

го. Не дожидаясь, пока проявят пленку, чтобы уточнить дозу облучения, Диас выбежал из лаборатории.

Летнее солнце немилосердно жгло. Высоко, в синем безоблачном небе парил кондор, радовали глаз крупные, ярко окрашенные цветы кактусов. Казалось, в мире ничего не изменилось, а все, что произошло, было дурным сном. Диас тяжело опустился на скамью.

Как это странно. Он жив и чувствует себя здоровым; ни один мускул, ни один сустав или орган у него не поврежден. Весь вопрос в том, сколько времени он находился под облучением. Возможно, что несколько секунд, и доза облучения была не больше 100—200 рентген. Лучевая болезнь, вызванная такой дозой, еще не смертельна. В конце концов, показание дозиметра могло быть неверным, — успокаивал он себя. — А если он подвергнулся облучению в течение 10—15 минут? При этой мысли холодный пот выступил у него на лбу. Тогда доза облучения гораздо больше 600 рентген, считающейся смертельной.

С тех пор, как взорвались первые атомные бомбы, о лучевой болезни — этом новом явлении в медицине — написано немало, но лечить ее не научились. Еще долгие годы после ужасных взрывов медленно погибали многие из тех, кто не пострадал непосредственно от ожогов или взрывной волны. Диас хорошо знал все симптомы острого лучевого синдрома. Он знал, что через несколько часов у него появится слабость и сильная головная боль, потеря аппетита, жажда и тошнота. Спустя некоторое время самочувствие его будет нормальным. А затем все эти признаки возникнут вновь, но в более резко выраженной форме. В мозгу Диаса навязчиво стояли чудовищные картины: деятельность всех органов нарушена, в крови резко падает количество белых шариков, и сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям снижается, потом исчезает совсем. Вскоре начнут выпадать волосы, появятся кровотечения и кровоизлияния. И над всем этим — сознание медленной, мучительной смерти.

* * *

На одном из горных плато провинции Алагос, в дикой, пустынной местности разбросаны корпуса крупнейшей военной лаборатории Сан-Луи. Во времена Большой

войны, в которой участвовала Альберия, там работали выдающиеся ученые. Многие из них мечтали после окончания войны поставить на службу человечеству величайшее открытие века — атомную энергию. Эти люди наивно верили в наступление эпохи «атомного изобилия» и невиданного процветания. Однако вскоре их радужным мечтам суждено было померкнуть. Война закончилась, но правительство требовало все новых атомных и водородных бомб. И тогда лучшие ученые стали покидать атомные лаборатории, не желая работать над оружием, несущим гибель человечеству. Но на их место пришла молодежь, соблазненная высокими окладами или обманутая пропагандой.

Диас имел пристрастие к физике еще со школьных лет. Но война с Тонганией задержала его образование. В одном из боев Диас был тяжело контужен и, если бы не умелое лечение врача-негра, поставившего его на ноги, остался бы на всю жизнь инвалидом. Вскоре после излечения он был демобилизован из армии по состоянию здоровья. В то время ему было 21 год. Кроме таланта, настойчивости и желания посвятить себя науке, у него ничего не было. Диас не имел ни богатых родителей, ни богатых родственников, которые оказали бы ему материальную поддержку. Плата за обучение была высока, и, кроме того, надо было жить. С трудом перебиваясь, зарабатывая на жизнь частными уроками или мытьем посуды в ночном ресторане, Диас окончил физический факультет бабельского университета. Ему предложили работать в Сан-Луи. Это считалось почетным назначением и отказ мог отразиться на карьере молодого физика. После небольших колебаний он дал согласие. Диас ехал без особого энтузиазма, так как вынужден был временно расстаться со своей невестой Робертой, заканчивающей факультет иностранных языков. К тому же он не испытывал желания забираться в такую даль. Однако вскоре после приезда проблема, которой ему предложили заняться, захватила его, и он с жаром отдался работе.

Диас работал над созданием атомной бомбы сравнительно небольшой мощности, но вызывающей при взрыве интенсивное и устойчивое заражение местности. Этому вопросу военное ведомство придавало громадное значение.

— Нам нужны атомные артиллерийские снаряды, пос-

ле взрыва которых местность длительное время была бы недоступна противнику, — сказал однажды Диасу сенатор Баррос, довольно часто посещавший лаборатории Сан-Луи в качестве одного из руководителей Комитета национальных ресурсов. Диас не особенно задумывался над тем, действительно ли нужен его стране такой снаряд. Как и многие альберийцы, Диас был напорист и энергичен, когда дело касалось материальной стороны дела, прекрасно знал свою специальность и, вместе с тем, плохо разбирался в вопросах политики, истории, искусства и литературы. Он считал своим долгом уберечь Альберию от коммунистической опасности.

* * *

Диас сидел, подавленный обрушившимся на него несчастьем. В его обычно живых черных глазах было выражение тоски и безнадежности. Мысль, что все кончено, что осталось медленно уйти из жизни из-за нелепой неосторожности, не укладывалась в сознании. Он застонал и в отчаянии сжал голову.

Как сказать об этом Роберте? С тех пор как они пять лет тому назад поженились, она не переставала упрашивать его оставить работу в Сан-Луи. Но разве так просто оставить секретную работу? Мог ли он пойти на риск, оказаться безработным? Ведь у него семья. Он обещал сегодня принести сыну заводную лягушку. Ребенок не успокоится, пока не выполнишь обещания.

Диас поднял голову и увидел бежавшую к нему Роберту. «Ей уже сообщили», — мелькнуло у него в голове. К горлу подкатил комок при взгляде на милое встревоженное лицо. Он не удержался и глухо зарыдал.

— Родной мой, — попыталась утешить его Роберта, прижимая его голову к своей груди и глядя темные волосы. Ей делалось страшно от того, что она не находила слов утешения. Несколько минут тому назад ей сообщили о результатах проявления пленки, взятой у Диаса. Доза облучения насчитывала примерно 550 рентген, что было смертельно.

Диас взял себя в руки.

— Успокойся, дорогая. Еще не все кончено, ведь неизвестно, какой дозе облучения я был подвергнут:

И вообще установить точно дозу облучения очень трудно. Показания дозиметров и пленки весьма ориентировочны. Будем надеяться, что все обойдется хорошо.

Но Роберта видела, что он сам не верит своим словам. Они сидели молча, держа друг друга за руки. Вдруг Диас отстранил жену:

— Отодвинься от меня, Роберта, ведь я радиоактивен. Эта наведенная радиоактивность не очень опасна, но все-таки не следует приближаться ко мне.

— Ты помнишь Педро Гаррета, о котором я тебе не раз рассказывал? — спросил Диас после долгого молчания. — Когда я валялся в госпитале, этот негр был врачом нашей палаты. Он разбирался в контузиях больше, чем любой другой врач.

— Ну, конечно, помню, — отозвалась Роберта и удивленно посмотрела на мужа. Она не могла понять, почему в такую минуту Диас вспомнил о Гаррете.

— Месяц тому назад я встретил его в Арагонской лаборатории, — продолжал Диас, — мы разговорились. Он работает у профессора Ренара. Это имя тебе известно.. Профессор Ренар уже много лет изучает способ лечения лучевой болезни. Гаррет у него ближайший помощник. По его словам, они кое-чего добились.

В глазах убитой горем женщины вспыхнула надежда.

— Я должна непременно увидеть Ренара или Гаррета и упросить приехать сюда кого-нибудь из них.

Диас кивнул головой.

— Пожалуй, это было бы самое лучшее, — медленно проговорил он. — Меня сейчас отвезут в больницу, — указал он на подъезжавшую санитарную машину. — Адрес профессора Ренара узнать не так трудно. Он живет где-то в провинции Кордоба. Тебе придется, дорогая, немедленно вылететь туда самолетом.

Санитарная машина резко затормозила и остановилась возле них. Диас поднялся со скамьи, и Роберта, обняв его, замерла у него на груди.

— Поцелуй сына, — сказал он.

— Только не падай духом, родной мой! Я уверена, что Ренар поможет тебе.

Через минуту санитарная машина увозила Диаса в больницу.

Глава IV

В один из летних вечеров профессор Артур Ренар был обрадован неожиданным посещением своего старинного друга Луиса Гонсало. Друзья не виделись около четырех лет, и теперь, сидя на открытой веранде в шезлонгах, оживленно беседовали. Когда-то они учились вместе в медицинском колледже, но затем жизненные пути их разошлись. Ренар посвятил себя целиком науке, Гонсало же, еще в молодости связавший свою судьбу с коммунистической партией, вел беспокойную и полную опасностей жизнь пропагандиста. Это был человек с ясной и окончательно определившейся жизненной целью. Он приобрел известность как довольно талантливый журналист.

Стагги Гонсало не вызывали восторга у правительства. Небольшой инсценировки, состряпанной полицейским осведомителем из Центрального сыскного бюро, а затем обвинения в «подрывной деятельности» было достаточно, чтобы заключить его на три года в тюрьму.

Бледное, с желтизной лицо журналиста и новый стандартный костюм серого цвета, купленный в универсальном магазине, свидетельствовали о том, что Гонсало освобожден недавно.

Научная деятельность профессора Ренара протекала весьма плодотворно. Он был крупным ученым, хорошо известным в медицинских кругах всего мира.

Совсем недавно общественность отмечала сорокалетие научной деятельности Ренара.

Ренар уже много лет работал над изучением лучевой болезни — общего заболевания организма, вызываемого проникающей радиацией, которая, ионизируя молекулы живых тканей, вызывает их распад.

После взрывов атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки Ренар добился командировки в Японию, где в течение нескольких лет руководил специальными клиниками. Его интересовали больные, пострадавшие от проникающей радиации — потока гамма-лучей и нейтронов, возникающего при атомном взрыве.

За годы, проведенные в Японии, Ренар сделал множество наблюдений над несчастными, пораженными невидимыми лучами. Эти наблюдения оставили у него тяжелое, удручающее впечатление. В сущности, никакого

лечения не было, и ему приходилось ограничиваться клиническими исследованиями и систематизацией фактов. Ренар глубоко переживал свое бессилие помочь пострадавшим.

Его тревожила новая гонка вооружений. Ученый считал ошибочными приводимые статистикой цифры, согласно которым из общего числа жертв в Японии лишь 15—20 процентов погибло от излучения, а остальные умерли от взрывов и ожогов.

— Несомненно, — говорил он, — что многие, получившие смертельную дозу облучения, умерли не от него, а от ожогов или взрывной волны. Но это объясняется тем, что японские города не были подготовлены к атомному нападению. В будущем, когда население при атомном взрыве будет находиться в убежищах, основное число жертв будет от излучения, которое способно проникать даже сквозь значительные толщи материалов.

И ученый решил, что если невозможно помешать применению атомного оружия, то его моральный долг — найти средство борьбы с поражающим действием атомного взрыва. С тех пор он с поразительным упорством добивался намеченной цели. В этом отношении в характерах Ренара и Гонсало было много общего: оба настойчивые, целеустремленные, волевые.

Нынешнее свидание было для обоих радостным. Работы Ренара интересовали журналиста, и разговор шел о них.

— В чем же заключается механизм поражения клетки ионизирующим излучением? — спросил Гонсало, протягивая руку с длинными пальцами к пепельнице.

— К сожалению, на этот вопрос, дорогой Луис, трудно ответить. Надо прямо сказать, что наши знания по физиологии клетки еще недостаточны. В общих чертах механизм повреждения можно описать так. Как известно, человеческий организм почти на 75 процентов состоит из воды; проникающая радиация, ионизируя молекулы воды, вызывает распад ее. В тканях появляются ионы водорода и гидроксила, которые, являясь активными окислителями, взаимодействуют с молекулами белка, образуя новые вещества. Ионизирующая радиация действует также и непосредственно на молекулы живого белка, вызывая его изменение и даже расщепление. Ионизированные молекулы вступают в химические реакции

с нейтральными молекулами. В результате в самом органическом веществе образуются новые химические соединения, отравляющие организм. Наступают необратимые изменения белковых тел, поражаются ферментные системы. Но в первую очередь эти химические продукты оказывают воздействие на нервную систему, нарушая прежде всего функцию коры больших полушарий головного мозга. А это уже приводит к нарушению работы других органов.

— Но, позволь, Артур, — запротестовал журналист. — Ты утверждаешь, что прежде всего поражается нервная система. Но, если я не ошибаюсь, лучевое заболевание рассматривается некоторыми учеными как заболевание определенных органов, например, кроветворных или других.

— Да, но это уже следствие. Видишь ли, Луис, в нашей медицине господствует все еще порочный вирховианский принцип. Всякие патологические процессы в организме объясняются местными локальными изменениями клеток. Такой взгляд неизбежно приводит к ложным выводам. Я глубоко убежден, что лучевой синдром следует рассматривать, как общее заболевание организма с особым учетом реакции нервной системы.

— Я вижу, ты исходишь из положения Павлова о ведущей роли нервной системы, — заметил Гонсало.

— Вот именно. В молодости мне посчастливилось встретиться с этим великим ученым на Международном конгрессе физиологов. И с тех пор я всё больше убеждаюсь в глубокой справедливости его положений. Не преувеличу, если скажу, что беседа с Павловым дала направление всей моей научной деятельности.

— А как объяснить, что различные люди обладают разной чувствительностью к облучению? — спросил Гонсало. — Я знаю рабочего с атомного завода с пониженной чувствительностью к радиоактивному облучению. Он безболезненно переносит дозу облучения, вызывающую у других лучевую болезнь легкой степени.

— Я обратил внимание на это удивительное явление еще в Японии, наблюдая, как протекала лучевая болезнь у разных лиц, — ответил Ренар. — Восприимчивость организма к радиоактивному излучению несколько различна у разных людей, подобно тому, как разные лица по разному восприимчивы к солнечному загару. Уже давно

известно, что клетки отдельных животных и растений различаются по своей чувствительности к излучению. Например, доза, приводящая морскую свинку через 30 дней после облучения к гибели, составляет 200 рентген, тогда как для летучих мышей эта доза составляет 1500—1600 рентген, для крыс — 650 — 800, для кроликов — 1250 рентген. Доза в 600 рентген принимается как абсолютно смертельная для человека. Все эти факты уже давно привлекают внимание многих исследователей. Было высказано немало гипотез, объясняющих это загадочное явление, однако ни одна из них не может быть полностью признана.

Профессор замолчал и некоторое время задумчиво всматривался в темную массу большого запущенного парка, начинающегося сразу от веранды. Его лицо с открытым взглядом глубоко сидящих глаз, с большим лбом, обрамленным седыми волосами, выражало крайнюю усталость.

— Надо полагать, — медленно заговорил он, — что всё дело в различной способности поврежденных клеток восстанавливать свою жизнедеятельность. Это свойство дано нам от природы и, если суметь каким-либо образом увеличить восстановительную способность наших тканей, — проблема лучевой болезни будет решена.

— Ты находишь, что она далека от решения? — произнес Гонсало. — Но ты, вероятно, помнишь, Артур, что в Советском Союзе было несколько случаев успешного излечения лиц, облученных смертельной дозой. Я уже давно хотел знать твое мнение об этом.

В саду прошумели деревья, запахло сыростью и цветами. Ренар налил в стакан содовой воды и с наслаждением выпил. Вытерев усы, ответил:

— Я услышал это сообщение от советских врачей на Международной конференции в Женеве. В то время оно произвело на меня сильное впечатление и вселило уверенность в излечимость лучевой болезни. Но это еще не было победой, дорогой Луис, а лишь удачным началом.

— Но позволь, Артур, — запротестовал Гонсало. — А метод лечения, разработанный русскими врачами? Разве это не решение вопроса и не победа над болезнью?

— Метод? — медленно проговорил Ренар. — Ну, что ж, пожалуй, он годится, когда на единственном больном сосредоточен весь арсенал медицины. Но в случае войны

лучевая болезнь может стать массовой. Как тогда? Не забывай, Луис, каких усилий требует лечение лучевой болезни. Надо проявить необычайную бдительность, чтобы своевременно предупредить развитие болезни в любом направлении. Только комплексное и комбинированное лечение! Ведь поражены все органы, кроветворная система, сосуды, капилляры, желудочно-кишечный тракт, центральная нервная система. Нет, эта сложная и длительная борьба с ничтожной вероятностью на успех не удовлетворяет меня. Я хочу большего. Надо пресечь развитие болезни с самого начала.

— Уж не ищешь ли ты, дорогой Артур, какую-то панацею от лучевой болезни? — недоверчиво спросил Гонсало.

Ренар поднялся с шезлонга и начал медленно расхаживать по веранде. Высокий умный лоб, изборожденный морщинами, пересекла крупная складка, а небольшая, слегка сутулая фигура как-то сжалась. Казалось, ученого мучил какой-то трудно разрешимый вопрос. Наконец он произнес:

— Я задался целью найти средство, полностью защищающее от лучевого удара, если хочешь, панацею... Возможно, еще рано делать окончательные выводы, но, кажется, мы недалеко от истины.

Гонсало изумленно взглянул на Ренара.

— И ты так скромно сообщаем об этом! Ты верен себе! Но я хотел бы узнать, уважаемый кудесник, подробности.

— Изволь, но только вкратце,— согласился Ренар.— В результате многочисленных опытов я пришел к выводу, что восстановительная способность тканей столь велика, что если нейтрализовать действие болезнетворных веществ, происходит полное возрождение клеток. Мы с моим помощником Педро Гарретом создали препарат, предварительная инъекция которого сообщает клеточной ткани исключительные защитные свойства против радиоактивного излучения. Одновременно он же нейтрализует ядовитое действие веществ, образующихся при ионизации атомов клетки. Препарат оказывает энергичное комплексное действие на весь организм. Вот почему мы назвали его «Комплексин». Не буду рассказывать о том, каких это стоило нам трудов, сколько бессонных, напряженных ночей, сколько неудачных опытов, разоча-

рований и новых поисков. Дело не в этом. Тем более, что наметившийся успех нашей работы вознаградил нас сторицей.

Ренар помолчал, затем, взглянув на свои часы, вдруг спохватился:

— Однако уже поздно, а я полагаю, ты хотел бы убедиться в действии комплексина.

— О, если это возможно, Артур, то какие могут быть сомнения! — воскликнул Гонсало.

Ренар встал и кивком головы пригласил Гонсало следовать за собой.

Глава V

Сойдя с террасы, Ренар и Гонсало направились по аллее, ведущей в глубину парка. Они прошли около ста метров, когда из-за буйной растительности показался небольшой бетонированный корпус без окон. На фоне разросшегося шиповника, сочной и густой зелени, освеженной недавним дождем, здание это, где Ренар производил свои опыты, показалось Гонсало мрачным. Подойдя к небольшой двери, Ренар вынул ключ, открыл ее, и оба вошли внутрь.

Задержавшись на минуту, чтобы закрыть дверь, профессор объяснил:

— В этой лаборатории, кроме меня, моего помощника Гаррета и двух человек из младшего технического персонала, никто не бывает. Остальные сотрудники работают в лаборатории, размещенной в другом месте. Ты, конечно, помнишь Педро? Чудесный малый. Удивительно способный и преданный делу. Лучшего помощника мне трудно было бы найти. Фактически он осуществляет всю экспериментальную работу.

Пройдя небольшой коридор, Ренар открыл одну из боковых дверей с надписью «Гардеробная».

— Здесь нам придется переменить одежду, обувь и даже носки, — сказал Ренар. — В лаборатории, где имеют дело с радиоактивным излучением, необходимо соблюдать правила техники безопасности более педантично, чем этикет во дворце японского императора.

Они сняли верхнее платье и, оставив его в небольших деревянных шкафчиках, перешли в соседнюю комнату. Здесь Ренар и Гонсало надели специальные комбинезоны, обувь и резиновые перчатки. Затем они миновали душе-

вую и вышли через другую дверь опять в тот же коридор. Пройдя его, вошли в одну из боковых дверей с надписью «Виварий». Здесь помещались подопытные животные. Вдоль двух противоположных стен комнаты стояли небольшие клетки с кроликами.

— В этих клетках помещаются кролики, которым три дня назад ввели препарат комплексин, — сообщил Ренар, указывая на клетки у правой стены. — Кроликам, сидящим напротив, еще не делали инъекции. Как видишь, все животные выглядят и ведут себя нормально. Введение препарата совершенно безвредно.

Подойдя к одной из клеток справа, профессор вынул из нее кролика и перенес его в клетку у противоположной стены. Затем он взял клетку с кроликами и, выйдя вместе с Гонсало в коридор, направился к двери напротив вивария. Поднявшись по небольшой лестнице и открыв тяжелую дверь, обитую свинцовыми листами, оба очутились в радиохимической лаборатории. Здесь проводились опыты с ионизирующим облучением. Это была довольно просторная комната. Потолок в ней был из подвижных стальных плит, а стены — из бетона с примесью бора и железа. Они имели толщину около двух метров. Вдоль одной из стен стоял на массивных подставках большой вытяжной шкаф из нержавеющей стали. Рядом в беспорядке лежали крупные бруски свинца. Большую часть лаборатории занимал массивный свинцовый куб, напоминающий средних размеров термическую печь. К нему была пристроена таких же размеров камера с бетонированными стенами и дверцами. Против нее стояло несколько столов с различными дозиметрическими приборами и индикаторами.

— Здесь помещаются радиоактивные вещества, — объяснил Ренар, указывая на свинцовый куб. — Последние годы я пользуюсь в качестве ионизирующего агента не рентгеновскими лучами, а урановыми стержнями из атомных реакторов. Их доставляют мне с плутониевого завода в Алогосе.

— Как же их привозят? — заинтересовался Гонсало. — Вероятно, это опасно.

— Ты, конечно, знаешь, что с течением времени урановые стержни обедняются изотопом двести тридцать пять, и скорость цепной реакции снижается, — пояснил Ренар. — Поэтому их довольно часто приходится извле-

кату из атомных котлов для замены новыми. Кроме того, в стержнях во время работы образуется плутоний, который отделяется только химическим способом. Но все эти работы можно производить лишь при помощи автоматов, управляемых на расстоянии; ведь стержни — источники интенсивного излучения. Их укладывают с помощью роботов в толстостенные свинцовые ящики и перевозят ночью в специальных экранированных грузовиках. В этом свинцовом кубе находится сейчас несколько таких стержней. Они загружаются туда при помощи механической руки, управляемой биоманипулятором, которую ты видишь сзади куба.

Действительно, позади куба стояло странного вида устройство, напоминающее небольшой подъемный кран. Его стрела, снабженная на конце головкой со сложными захватами-щупальцами, нависла над кубом. Успехи автоматики и телемеханики позволили заменить человека этими ловкими машинами на всех опасных работах. Они управлялись биотоками, возникающими в мышцах человека по сигналу мозга. После усиления эти токи преобразовывались в радиосигналы и передавались на разнообразные механические устройства.

— Одна из стен куба, — продолжал Ренар, — обращенная в эту бетонированную камеру, имеет дверцу, которую можно открыть, чтобы поместить туда облучаемых животных. Меня толщину защитных экранов, поставленных на пути лучей, я в широких пределах могу изменять интенсивность излучения.

У бетонированной камеры стоял стол, на котором имелись небольшие рельсы, вплотную примыкавшие к стене камеры. Ренар подошел к камере и нажал на кнопку, вделанную в стену. Послышался шум мотора, и небольшая двухстворчатая дверца раздвинулась в обе стороны, образуя отверстие, через которое Ренар поставил внутрь камеры клетку с животными.

— Нам придется зайти в заднюю комнату, отделенную толстой бетонной стеной, и оттуда производить наблюдение через специальные телевизоры, — сказал он, вторично нажимая на кнопку, чтобы закрыть дверцы.

Они вошли в комнату, где находился щит управления. Ренар нажал на кнопку, и шум мотора дал знать, что тяжелая свинцовая дверь против клетки с кроликами начала медленно подниматься. Подойдя к экрану теле-

визора, Гонсало увидел, что многочисленные индикаторы, расположенные в разных местах камеры, стали излучать тревожный и дрожащий свет.

— Мощность излучения,— объяснил Ренар,— составляет около пятидесяти рентген в секунду. При облучении в течение пяти минут это составит около полутора тысяч рентген, то есть дозу, вызывающую у человека самую острую форму лучевого синдрома. При такой дозе кролик погибает уже через тридцать минут, а если ее увеличить в несколько раз, смерть наступает мгновенно. Это еще раз подтверждает значение нервной системы в реакции организма на облучение. Ведь кролики — животные с весьма неустойчивой нервной системой. Смертельный исход объясняется перераздражением и первичным истощением центральной нервной системы...

Гонсало внимательно наблюдал за кроликами, но не обнаружил никакого изменения в поведении животных. Оба кролика спокойно грызли морковь. Окончив облучение, Ренар снова нажал кнопку мотора, и массивные двери куба медленно опустились. Свечение индикаторов прекратилось. Профессор вновь нажал на какую-то кнопку, и дверца в камере открылась; вслед за тем из нее по рельсам выкатилась клетка с кроликами. Ренар подошел к стене и раздвинул свинцовую штору; в стене оказалось окно с толстым стеклом.

— Это стекло содержит фосфат вольфрама и надежно защищает глаза от излучения,— сказал он.— Хотя уже нет опасности, если мы подойдем к клетке, в этом нет необходимости: мы можем удобно наблюдать и отсюда.

Они придвинули стулья к окну. Некоторое время животные вели себя нормально; но вот один из кроликов перестал грызть морковь, вытянулся в клетке и неподвижно лежал, изредка закрывая глаза. Потом он судорожно пополз по клетке, как бы пытаясь встать, но вскоре упал набок, тяжело и часто дыша. Прошло 25 минут. Кролик лежал неподвижно, уже не открывая глаз. Вдруг все тело животного судорожно передернулось и замерло. Это была агония. В поведении другого кролика по-прежнему изменений не было и он, по-видимому, чувствовал себя вполне нормально.

Гонсало долгое время сидел, не проронив ни слова. Глубоко потрясенный виденным. Наконец он встал.

— Это поразительно,— взволнованно произнес он.— Я не сомневаюсь, Артур, что ты сделал величайшее открытие и счастлив поздравить тебя с крупнейшей научной победой. Но уверен ли ты, что и ткани человеческого организма способны приобрести подобный иммунитет?

— Для этого нужен эксперимент,— ответил Ренар.— Частичное местное облучение Педро производил на самом себе, и до сих пор все оканчивалось благополучно. Но, конечно, только полное облучение абсолютно смертельной дозой позволит сделать правильный вывод о действии препарата. Пока не проведено такое испытание, я не вправе считать проблему решенной, как бы я ни верил в действие препарата и как бы ни горел желанием оповестить о нем мир. Профессор умолчал о том, что три месяца тому назад он ввел себе препарат и подверг себя смертоносному облучению: он еще не закончил исследований и не хотел тревожить друга, хотя чувствовал себя вполне хорошо.

— Скажи, Артур, известны ли результаты твоих опытов каким-нибудь официальным лицам? — спросил Гонсало.

При этом вопросе лицо Ренара омрачилось. Немного погодя он ответил:

— О препарате и его действии еще никто не знает. Но, кажется, кое-что о наших опытах стало известно, как мы ни старались это скрыть. К сожалению, и мою лабораторию нельзя опрадать от осведомителей. Они проникают теперь всюду.

— Да, в этом можно не сомневаться. Любое наше учреждение кишмя кишит сейчас всякими шпиками и осведомителями. Но почему у тебя возникло такое подозрение?

— Недавно Баррос предложил мне провести завершающий опыт.

— Кто такой Баррос?

— Сенатор Баррос. Он контролирует деятельность нашего научно-исследовательского института и входит в Совет попечителей, финансирующий его научную работу. Но он далеко не главная фигура, а лишь исполнитель. В Совете попечителей есть подлинные хозяева, это — Донозо Кортес-младший, Игнасио Кастильо, Франческо Рибейро, Фернан Боливар и еще несколько финансовых воротил.

Имена, названные Ренаром, принадлежали главным образом финансовым и промышленным магнатам Альберии. Доносо Кортес-младший был крупнейшим банкиром, контролирующим всю электромеханическую и сталелитейную промышленность. Игнасио Кастильо — президент химического и угольного концернов, владелец десятков машиностроительных заводов. Франческо Рибейро — директор нефтяной компании и владелец авиационных заводов. Фернан Боливар — президент алюминиевой компании, контролирующей предприятия черной и цветной металлургии.

— Понятно, — кивнул Гонсало. — Вся эта братия хорошо известна.

— Я должен тебе сказать, Луис, — продолжал Ренар после минутной паузы, — что нахожусь в очень затруднительном положении. Ты понимаешь мое нетерпение убедиться в действии комплексина. Однако не меньшее нетерпение проявляют и мои шефы. Один приговоренный к смертной казни негр, друг Педро, изъявил желание подвергнуть себя облучению и написал об этом сенатору. Баррос уже договорился с администрацией тюрьмы о выдаче его для проведения опыта. Ожидается разрешение губернатора провинции. Я в принципе согласен, потому что уверен в препарате и надеюсь после окончания опыта добиться помилования для негра. Но меня смущает, что одновременно сенатор потребовал представить Совету попечителей всю техническую документацию по проводимым работам, и предупредил меня о строжайшей секретности этих материалов.

Ренар замолчал.

— Однако нам тут больше нечего делать, — вспомнил он вдруг.

Они вышли из комнаты через другую дверь, ведущую в коридор, и очутились в гардеробной, где сняли свою рабочую одежду. Гонсало хотел уже одеваться, когда Ренар остановил его.

— Не торопись, — сказал он, — нам необходимо проверить себя этим чувствительным счетчиком Гейгера. Возможно, что мы радиоактивны, и тогда придется принять горячий душ.

Он поднес к Гонсало головку зонда радиометра и, вни-

мательно наблюдая за показанием прибора, стал медленно перемещать ее, словно прощупывая все тело. Затем Ренар попросил Гонсало проделать ту же процедуру и над ним. Индикатор не давал никаких показаний.

— Все в порядке, — объявил наконец Ренар. — Можно одеваться.

Они быстро оделись и вышли из лаборатории. К этому времени взошла луна. При ее свете парк казался загадочным и прекрасным. Теплый воздух, напоенный одурманивающим запахом магнолий, неумолкающий стрекот цикад, лунные блики на аллеях — природа как бы призывала забыть обо всем, что омрачает жизнь. Ренар и Гонсало прошли парк, не обменявшись ни единым словом.

— И что же ты ответил Барросу, Артур? — спросил Гонсало, когда они уселись в кресла.

— Я отказался, хотя это было нелегко. Мне пришлось убеждать, что такой опыт проводить еще рано. Он согласился с моими доводами, правда, очень неохотно и несколько раз предупредил меня о строжайшей секретности работ. Вообще с некоторых пор вокруг нашей лаборатории создалась атмосфера секретности, и наша работа находится в центре внимания военного министерства, что меня сильно тревожит.

Лицо Ренара опять приняло озабоченное выражение.

— Я, кажется, догадываюсь, в чем тут дело, — сказал Гонсало. — Твой препарат, очевидно, хотят использовать в военных целях.

— Но каким образом?

— Видишь ли, армия, которая не подвергается воздействию радиоактивного излучения, может свободно, без всякого ущерба для себя, преодолевать районы, зараженные радиоактивными веществами. Действия ее не будут сковываться и тормозиться из-за необходимости производить непрерывную радиационную разведку, санитарную обработку личного состава, дезактивацию техники и т. п. Такая армия не будет иметь потерь от лучевой болезни, в то время как у противника эта болезнь выведет из строя массу солдат. Правда, в изображенную мною картину следует внести существенную поправку. Препарат этот может иметь серьезное военное значение лишь в том случае, если радиоактивное заражение местности будет устойчивым, то есть сохранится в течение хотя бы

нескольких дней. При взрыве же атомной бомбы, как известно, интенсивность радиоактивных излучений быстро падает, и местность довольно скоро после взрыва становится безопасной.

— Но еще недавно военное ведомство не проявляло интереса к нашей работе. Чем же объяснить такую перемену? — спросил Ренар.

— Возможно, создан новый тип атомных бомб, дающих устойчивое заражение местности.

— Вот трагедия ученого нашего века! — горестно воскликнул Ренар, — потратить столько сил только для того, чтобы стать пособником преступления против человечества. Представь, Луис, мое положение, если я соглашусь на опыт, предложенный мне Барросом, и он окончится благополучно! Тогда меня заставят отдать все рецептурные материалы. Вот парадокс! Я опасаясь удачного результата опыта, составляющего цель моей жизни. Что же делать? Наверное, лучше всего мне прекратить исследования.

Неожиданный вывод Ренара привел Гонсало в глубокое волнение. Он встал и, подойдя к краю веранды, долго стоял, глядя на залитый лунным светом парк. Наконец он обернулся и, подойдя к Ренару, решительно произнес:

— Я думаю, что это не выход из положения, Артур. Ты решил капитулировать, отказаться от борьбы! Как можно умолчать об открытии, так нужном человечеству! Твои опасения имеют основания. Но оправдать твой поступок они не могут. Твое изобретение не военное. Препарат предназначен для лечения людей. Он ускорит наступление атомной эры, позволит безопасно пользоваться атомными самолетами, ракетами, автомобилями. Несомненно, он поможет разрешить проблему облегченной биологической защиты на атомном транспорте. А ведь для конструкторов это основная трудность.

В усталом взгляде Ренара вспыхнул интерес.

— Так что же ты предлагаешь, Луис? — спросил он.

— Я считаю, что все материалы по препарату надо опубликовать в какой-нибудь нейтральной стране.

Гонсало задумался и стал раскуривать сигару.

— Да! — воскликнул он, довольный неожиданно озарившей его идеей, — если не ошибаюсь, через несколько месяцев в Женеве открывается очередная Международная конференция по мирному использованию атомной

энергии. Вот прекрасная трибуна, с которой ты можешь сделать сообщение о своем открытии!

— Я думал об этом,—произнес Ренар,—но опубликовать материалы по комплексину сейчас, без испытания на человеке, я не могу. А после такого опыта будет поздно. Они попытаются сделать все, чтобы помешать мне выступить в Женеве. Боюсь, что и теперь за каждым моим шагом и за теми, кто является ко мне, установлена слежка.

— Да, тебе придется нелегко, Артур,—согласился Гонсало.— Но не сомневайся, что мы, коммунисты, и весь альберийский народ поможем тебе.

Ренар благодарно кивнул и хотел что-то ответить, но их беседа прервалась неожиданным появлением заспанной горничной.

— Господин профессор,—обратилась она к Ренару,— вас спрашивает какая-то молодая женщина.

— Молодая женщина? — удивился Ренар.— В такое позднее время? Просите ее в гостиную. Извини меня. Луис, я узнаю, в чем дело. Ведь не так часто мною интересуются молодые женщины.

Глава VI

Войдя в гостиную, Ренар увидел ожидавшую его женщину. Ему бросилось в глаза ее встревоженное миловидное лицо. Было очевидно, что поздний визит вызван какими-то чрезвычайными обстоятельствами. При появлении ученого женщина быстро встала.

— Садитесь, пожалуйста...—предложил Ренар.

— Я прошу извинить меня, профессор, за беспокойство,—взволнованно заговорила посетительница.— Только что я прилетела из Сан-Луи, чтобы обратиться к вам за помощью. Вы единственный человек, который может оказать ее. С моим мужем, Антонио Диасом, произошел несчастный случай. При аварии атомного котла он попал под сильное облучение.

Женщина отвернулась.

— Успокойтесь, прошу вас,—произнес Ренар, усаживая ее в кресло.— Но почему вы решили, что я могу помочь вашему супругу?

— Мой муж, профессор, знаком еще со времен вой-

ны с вашим помощником Гарретом. Не так давно он случайно встретил его в Арагонской лаборатории, и Гаррет рассказал ему, что работает у вас над проблемой лечения лучевой болезни. Когда произошло несчастье, муж вспомнил об этом разговоре.

— Известна ли доза облучения? — спросил Ренар.

— Пленочный индикатор, который был на муже во время аварии, показал дозу около пятисот пятидесяти рентген. Но, может быть, этот метод неточен, профессор? — произнесла Роберта с надеждой. — Я так срочно выехала на аэродром, что не могу сообщить вам более точных сведений.

Наступило тягостное молчание, особенно томительное для Роберты. Ренар не знал, что ответить женщине, смотревшей на него глазами, полными надежды. Он думал о многих осложнениях, которые вызовет этот случай.

Видя его раздумье, Роберта встревожилась.

— Умоляю вас, профессор, помогите ему, — воскликнула она. — Самолет вылетает на рассвете.

— Не волнуйтесь, мы еще располагаем временем, а пока вам необходимо отдохнуть перед тем, как отправиться в обратную дорогу. Я оставлю вас на попечение жены. Сейчас я ее позову. Мне же нужно хорошо продумать, в состоянии ли я помочь вашему супругу.

* * *

Ренар вышел озабоченный.

— Ну, что там за таинственная посетительница? — поинтересовался Гонсало, когда на веранде появился профессор.

Ренар рассказал о случае в Сан-Луи и о своих колебаниях.

— Это первое испытание комплексина на человеке произойдет в необычных условиях, — сказал он. — Мы не вводили еще препарат после облучения.

— Ты считаешь, что после облучения действие его будет неэффективно? — спросил Гонсало.

— Во всяком случае, эффект будет значительно слабее. Дело в том, что в этой болезни, по-видимому, решающее значение имеет так называемый «латентный период», то есть промежуток времени между исчезновением первичных и появлением вторичных симптомов лучевого заболевания. Надо полагать, что тогда и начинается ин-

тенсивное образование токсических веществ. Поэтому, если ввести препарат до облучения, то организм, подготовленный заранее к компенсаторным процессам, будет бороться успешнее.

— Как бы там ни было, мне кажется, надо помочь пострадавшему, — произнес Гонсало. — Тебе или лучше Педро следует вылететь в Сан-Луи.

Ренар прошелся в мучительном раздумье несколько раз по веранде. Наконец лицо его приняло решительное выражение.

— Ты прав, Луис, капитуляция или борьба — другого выхода нет! Да, я не имею права отказать в помощи. Завтра я ожидаю приезда Барроса и вылететь не смогу. Полетит Педро, — решил Ренар и пошел в кабинет вызвать по телефону своего помощника, жившего поблизости на территории института.

С Педро Гарретом Ренар работал много лет. Будучи еще техническим работником, Педро сдал экстерном экзамен за три курса медицинского факультета. По протекции Ренара Педро был зачислен в списки студентов университета, с условием не посещать общих лекций.

Накануне войны он блестяще окончил медицинский факультет, получив диплом врача. Во время войны Педро был призван в армию и служил в качестве военного врача в одном из фронтовых госпиталей. Вскоре после окончания войны его демобилизовали. До сих пор в памяти Ренара сохранился день, когда Педро еще в форме военного врача явился к нему и заявил о своем желании работать в его клинике.

В это время Ренар разрабатывал широкий план исследований лучевого заболевания. Ему нужен был надежный помощник, не боящийся черной работы и опасности радиоактивных излучений, бескорыстно преданный науке. А Педро был именно таким человеком. Вот почему его предложение было принято охотно.

Высшее начальство очень неодобрительно отнеслось к выбору Ренара. «Настоящий альбериец обязан всегда указать негру его место, если он не желает допустить коммунизма в Альберии». Однако авторитет ученого был слишком велик, чтобы кто-нибудь решился открыто высказать ему осуждение.

Нет ничего удивительного, что между Ренаром и Пед-

ро установились отношения безграничного доверия и полного взаимопонимания. Ренар полюбил всей душой способного и самоотверженного молодого ученого. Не приходится и говорить, что Педро платил ему тем же.

Педро вел самостоятельно почти всю экспериментальную работу. Он проводил дни, недели и месяцы в душной лаборатории, пропитанной запахами животных и реактивов, рискуя подвергнуться опасному воздействию радиоактивного излучения. С поразительным упорством этот исполин мог часами сидеть, согнувшись над микроскопом, повторяя один эксперимент за другим. Если бы не категорическое запрещение Ренара, он, не задумываясь, подвергнул бы себя смертельной дозе облучения, чтобы испытать действие препарата.

Вскоре явился Педро, и Ренар коротко рассказал ему о случившемся и о своем решении опубликовать материалы исследований по комплексину в нейтральной стране.

— Нам нужна твоя помощь, Луис,— обратился Ренар к Гонсало.— За последние годы я убедился, что вы, коммунисты, действительно боретесь за мир, и потому я доверяю вам наше открытие. Ты заберешь, Луис, сегодня же всю техническую документацию и рецептурные материалы. Я решил дать согласие на проведение опыта с осужденным Бичером, и все материалы необходимо доставить на Женевскую конференцию. Как только результаты опыта станут известны, Педро приедет к тебе и передаст мой доклад с описанием этого решающего этапа нашей работы.

— Будь спокоен, Артур. Я так и сделаю,— ответил Гонсало,— документы будут в надежных руках. Но все-таки не мешает подумать и о всяких случайностях. Не лучше ли передать на конференцию только твой доклад, а основные документы мы сохраним до тех пор, пока это необходимо?

— Ты прав,— согласился Ренар.— Однако уже половина второго,— сказал он, взглянув на часы,— а вы, друзья мои, должны еще отдохнуть.

Спустя несколько часов, на рассвете, Педро и Роберта вылетели в Сан-Луи. В то же утро уехал и Гонсало; в чемодане его лежала вся научная документация по созданию и исследованию препарата «Комплексин».

Глава VII

Произошел необъяснимый случай.

Диас почувствовал себя здоровым; никаких угрожающих симптомов лучевой болезни не было обнаружено. Анализ крови показал лишь незначительное уменьшение белых телец. Было ли это результатом действия препарата, введенного ему Педро, или же выздоровление произошло естественным образом, вследствие небольшой дозы облучения — оставалось не совсем ясным. Тем более, что карманные дозиметры Диаса не были проверены накануне аварии котла, а пленочный индикатор не проявлялся около трех недель. Но Диас ни минуты не сомневался, что полученная им доза облучения была смертельной, и свое исцеление целиком приписывал действию необыкновенного препарата.

Однако Педро не был уверен в этом. По его мнению, выздоровление Диаса не могло явиться достаточно убедительным доказательством действия комплексина. Для точных выводов требовались еще опыты.

Диас чувствовал себя хорошо и все еще не мог поверить в исцеление. Он с недоверием осматривал свое мускулистое тело, как бы сомневаясь в его полноценности. Еще недавно воображение рисовало ему, как оно постепенно разрушается, становится дряблым и беспомощным. Несколько раз в день он требовал зеркало и, тщательно осматривая лицо, старался найти в нем какие-то изменения. Но изменений не было: по-прежнему на него смотрело энергичное лицо с правильным овалом и живыми черными глазами. Гладкие темные волосы, росшие на лбу мыском, по-видимому, не собирались выпадать. И когда Диас убедился, что мышцы его по-прежнему упруги и крепки, все его существо охватил бурный прилив радости. Перед отъездом Педро зашел в больницу, чтобы проститься с Диасом. Они поговорили недолго. Оба чувствовали какую-то натянутость. Уходя, Педро сказал:

— А знаете, Диас, если бы я был физиком, то никогда не согласился бы работать в Сан-Луи, даже на очень выгодных условиях!

Диас удивленно приподнял брови и пристально посмотрел на Педро. В душе его шевельнулось чувство досады.

При других обстоятельствах он резко ответил бы на такой упрек, но теперь только спокойно спросил:

— Почему, Педро?

— Я не знаю, Диас, над чем конкретно вы работаете, но, надо полагать, не над конструированием детских колясок. Все, что исходит из Сан-Луи, несет смерть и уничтожение.

— Вот как! Ну, у меня другое мнение. Я считаю, что тот, кто отказывается ехать работать сюда из якобы моральных соображений, играет на руку врагу, — в голосе Диаса проскользнуло сдерживаемое раздражение. — К сожалению, только продукция Сан-Луи и других наших атомных центров способна воздействовать на нашего противника. Я бы не работал здесь, если бы думал иначе. Русские угрожают моей стране, и мое место здесь.

— А почему вы так уверены, что русские угрожают нашей стране?

— Почему я так уверен? — переспросил Диас в некотором замешательстве. — Есть много подтверждающих фактов. Они и вам известны. Да, черт возьми, я слышу об этом уже много лет. А разве вы сомневаетесь в этом?

— Я как раз уверен в обратном.

Позже, вспоминая вопрос Педро: «Почему он так уверен, что русские угрожают его стране?» — Диас подумал, что он не может ответить на него. В своих исследованиях он привык анализировать факты и тщательно искать причины и следствия. А вот в вопросах политики он всегда все принимал на веру и не любил раздумывать, да и не считал это нужным. Однако какое-то сомнение не давало ему покоя.

Когда после небольшого отпуска Диас приступил к работе, он опять обрел былую уверенность. Этому способствовало также и то обстоятельство, что его честолюбие было до некоторой степени удовлетворено. Ему дали понять, как высоко ценит правительство его работу: он получил денежную компенсацию за несчастный случай в размере 5000 диархов и повышение по службе. Высокопоставленные лица оказали ему внимание. Когда сенатор Баррос пожал ему руку и в присутствии членов правительственной комиссии и многочисленных сотрудников осыпал его похвалами, слегка пожурив за неосторожность, Диаса охватило радостное чувство полезности

людям. Его уверенность, что он делает нужную работу, окрепла.

Материальное положение Диаса стало вполне обеспеченным. После выздоровления он поселился в предоставленной в его распоряжение вилле. Этот чудесный загородный дом был оборудован всем необходимым для создания самого совершенного комфорта. Роберта ахнула, очутившись в сверхусовершенствованной кухне, напоминающей скорее пульт управления современной гидростанции, чем скромное место для приготовления пищи. Все процессы домашнего хозяйства, начиная с уборки помещения и кончая установкой для кондиционирования воздуха, были полностью автоматизированы.

Дом окружал великолепный сад с бассейном. В гараже стояла последняя модель «Метеора» — этого автомобиля высшего класса, который был в почете даже у альберийских миллионеров.

Работа Диаса успешно продвигалась вперед. Большинство технических трудностей уже было преодолено. Он довольно удачно разрешил вопрос о геометрической форме снаряда и ядерного горючего. Это позволило сделать атомный снаряд сравнительно небольшим, что являлось основной задачей. Теперь его можно было использовать в артиллерийском оружии обычного размера. Много сил потратил Диас на поиски материала для оболочки снаряда и создание устойчивого радиоактивного вещества, которым начинялся снаряд. Здесь ему пришлось преодолеть большую трудность: используя радиоактивные изотопы с большим периодом полураспада, он не мог получить достаточно интенсивное излучение, с другой стороны, изотопы с небольшим периодом полураспада, дающие интенсивное излучение, быстро теряли свою активность. Тем не менее, он успешно преодолел и эту трудность. Облучая в ядерном реакторе мощным потоком нейтронов несколько сотен образцов из порошкообразной смеси различных химических элементов, он нашел, наконец, нужный состав. Радиоактивный песок устойчиво излучал интенсивный поток гамма-лучей; лучи эти, представляющие собой электромагнитные колебания с очень короткой волной, обладали громадной проникающей способностью, от которой не было защиты. Таким образом, толстая оболочка снаряда, изготовленная из специального сплава и «клеящие» радиоактивные частицы,

способные прилипать к любой поверхности, составляли главную особенность этого дьявольского создания человеческого мозга. При взрыве снаряда образующиеся свободные нейтроны поглощались оболочкой, и сплав делался радиоактивным. Затем происходило разбрызгивание радиоактивной пыли сплава и клейкого неска, после чего местность на несколько недель, а иногда и месяцев, становилась недоступной для живых существ.

Глава VIII

Знойная, выжженная пустыня. До самого горизонта, подобно застывшим океанским волнам, тянутся бесконечные песчаные холмы. Вдали мрачные, лишенные всякой растительности горы и обломки скал. Ослепительно блестят полувысохшие соленые озера, похожие на расплавленный металл. Неминуемая гибель ждет путника, заблудившегося среди этих песчаных холмов. Недаром пустыня Могада вся усеяна пожелтевшими костями людей и животных. Даже сейчас, когда здесь проложены железнодорожные пути и шоссе, она по-прежнему несет смерть.

Здесь, в одной из котловин, расположен новый полигон для испытания атомных бомб. Сегодня на полигоне необычное оживление. Непрерывно подъезжают машины, собираются многочисленные группы людей. Среди присутствующих — военные, ученые, представители различных правительственных комитетов. Ожидается испытание нового типа атомного артиллерийского снаряда. Все возбуждены и нетерпеливо посматривают на часы.

Появление Диаса вызывает всеобщий интерес: сегодня испытывается снаряд его конструкции.

— О! Диас! Идите же сюда! — слышит он знакомый голос.

— Господа, разрешите представить вам героя дня, — обращается к присутствующим генерал Хуан Рамирес.

Рамирес — один из новоявленных военных теоретиков атомной стратегии, представляющий Главный штаб. Во время Большой войны бронетанковая дивизия, которой командовал Рамирес в Андеррах, была почти полностью уничтожена. Генерал, не считаясь с обстановкой, гнал своих солдат на верную гибель. Солдаты не любили

его за бессмысленную жестокость. После войны он подвигался в различных штабах, а позже углубился в военно-теоретические исследования, в которых чувствовал себя значительно свободнее, чем на поле сражения.

На правой стороне его мундира всегда блестит значок с изображением грибовидного облака — символа атомного века. Военно-теоретические измышления он успешно сочетает с чисто деловой деятельностью, являясь одним из совладельцев гигантских мясокомбинатов в провинции Кордоба.

Представив Диаса группе военных, он тут же забыл о нем и продолжал что-то рассказывать. До Диаса, который отошел в сторону, доносились слова:

— В будущей войне стратегическое использование атомной бомбы будет ограничено. Мы создали тактическое атомное оружие исключительно против военных объектов. Точность тактического атомного оружия гарантирует безопасность мирному населению. В сущности, господа, я рассматриваю создание тактического оружия, как один из гуманных актов.

При этих словах кто-то иронически кашлянул, но Рамирес, вытянув грудь, с апломбом продолжал:

— Теперь это обычное оружие, и нет оснований считать его незаконным, как об этом кричат русские. Используя его, мы можем захватывать, не разрушая, стратегически важные пункты. Лично я считаю атомную артиллерию более надежным средством, чем тактическая авиация, действие которой ограничено метеорологическими условиями. Разумеется, я имею в виду новые, легкие пушки, а не эти неуклюжие чудовища, — генерал указал рукой на батарею огромных, двухсот-восьмидесятимиллиметровых атомных орудий старого образца, длинные стволы которых слепо смотрели в пустыню. Рядом с ними — около двух десятков новых атомных пушек, мало отличающихся по своим размерам от обычной полевой артиллерии. Эти пушки предназначены для снарядов Диаса. Их расположили вблизи от орудий-гигантов, чтобы показать разницу в размере, весе и маневренности.

— Главная цель нашего сегодняшнего испытания — проверить действие нового снаряда, — продолжал Рамирес. — Это снаряд, сочетающий достаточную взрывную силу со свойством устойчиво и интенсивно заражать

местность. Учтите, что снаряды, начиненные только боевыми радиоактивными веществами, не являются тактическим оружием; они не сразу воздействуют на живую силу, и в зараженном районе можно будет некоторое время продолжать операции.

— Не скажет ли Диас, сколько времени зараженная местность будет недоступна войскам? — спросил кто-то из присутствующих.

— Ну, это покажет испытание! — ответил за Диаса генерал. — Автор указывает сроки, измеряемые неделями и даже месяцами.

Среди присутствующих раздалась возгласы удивления.

— Позвольте узнать, генерал, — начал один из физиков, — каким образом можно будет вести наступательные операции, если местность становится недоступной и для наших войск?

Этот вопрос вызвал повышенный интерес, и все с любопытством ожидали ответа Рамиреса.

Рамирес загадочно улыбался.

— Не спешите, господа, — ответил он. — Я предупреждал, что кое о чем говорить еще не время.

Стоявший рядом сенатор Баррос одобрительно кивнул и многозначительно добавил:

— Есть основания, господа, считать этот вопрос разрешимым. На сегодняшний день ваше любопытство должно быть удовлетворено этим заявлением.

Диас больше не слушал, о чем говорили военные. На душе у него было скверно. Каким он все же был наивным, каким ослом! Он был уверен, что его снаряд предназначен только для обороны. Он представлял себе противников, разделенных невидимой, но смертельной радиоактивной преградой, которую ни один из них не решится преодолеть. Оказывается, что его наивное представление о войне ничего общего не имеет с действительностью. Несомненно, его оружие наступательное; ничто не остановит такого, как Рамирес, использовать его бомбы и в авиации, чтобы сбросить их на мирные города. Он представил себе громадные, вымершие города, мало поврежденные, но безжизненные, как эта пустыня. Города, к которым долго не рискнет приблизиться ни одно живое существо.

В этот момент в репродукторе раздался голос, объявивший, что до начала испытания осталось пять минут.

Все приглашенные поднялись на площадку наблюдательной башни.

Суетившаяся у орудий прислуга застыла. Раздалась команда. Земля дрогнула под ногами, и оглушительные взрывы, чередуясь через равные интервалы, прокатились в пустыне. Стреляло одновременно только два орудия, чтобы не вызвать слишком сильной ударной волны и световой вспышки. Тучи песка и пыли на несколько минут застлали горизонт. Когда пыль осела, все присутствующие поднесли к глазам полевые бинокли.

На расстоянии свыше 20 километров были сооружены строения различных типов: многоэтажные жилые дома, бетонированные здания с железным каркасом, имитирующие заводские корпуса, всевозможные виды укрытий и бетонных укреплений. На другом участке громадного опытного поля были расставлены многочисленные образцы различной военной техники: танки, бронетранспортеры, артиллерийские орудия, автомобили, самолеты.

— Господа! — воскликнул генерал в восторге. — Обратите внимание, как снижена ударная сила атомных снарядов. Несомненно, эти снаряды имеют тротильный эквивалент не больше пятисот тонн!

Несколько лет тому назад, присутствуя на испытании стратегической атомной бомбы, Рамирес восхищался ее колоссальной разрушительной силой. Тогда, захлебываясь от восторга, он кричал, что создано «абсолютное оружие, являющееся средством победы в будущей войне и завоевании мирового господства».

— Господа, я вполне удовлетворен, — продолжал восторгаться Рамирес. — Мой основной тезис: полное уничтожение живой силы при сравнительно небольшом ущербе материальным ценностям — реально воплощен в этом оружии.

Слова «полное уничтожение живой силы» он произнес с особым удовольствием.

— Когда будут обработаны результаты испытаний, я смогу сделать более подробное заключение.

Обнадежив присутствующих этим обещанием, возбужденный генерал отвел в сторону сенатора Барроса и, понизив голос, сказал:

— Нам необходимо провести второй этап испытаний.

— Непременно, — ответил Баррос, — но, разумеется, только в узком кругу.

Рамирес понимающе кивнул головой и тихо добавил:

— Для того чтобы установить кривую спада интенсивности излучения, необходимо хотя бы раз в пять дней прогонять через зараженный участок животных.

Увидев стоявшего неподалеку и нервно курившего Диаса, Баррос подошел к нему.

— Поздравляю, молодой человек, — сказал он. — Я расцениваю сегодняшний опыт как начало вашего крупного успеха.

Диас промолчал.

— Какого черта вы повесили нос? — удивился Баррос.

— На вашем месте я был бы вполне доволен результатами. Правда, пока не будет решен вопрос о защите от радиоактивного излучения, эти снаряды вряд ли сыграют значительную роль. Ваши работы связаны между собой, и каждая в отдельности не имеет никакой ценности.

— Я не совсем понимаю, кого вы имеете в виду, о чьих работах вы говорите.

— Я говорю о работе профессора Ренара и вашей.

Лицо Диаса вспыхнуло от гнева.

— Простите. Не стану спорить в отношении оценки моей работы. Но как можно сомневаться в ценности работы Ренара и высказывать это мне, обязанному ему жизнью.

— Ну, ну, успокойтесь! — Баррос покровительственно похлопал Диаса по плечу и примирительно добавил: — Я не имел намерения умалять ни вашей работы, ни работы Ренара. Кстати, почему вы так уверены, что своим выздоровлением обязаны Ренару? Я слышал, что неизвестно точно, какой дозой вы были облучены. Возможно, и без его вмешательства был бы тот же результат. Да и сам Ренар сомневается, действительно ли он помог вам.

— Я обязан Ренару жизнью, — упрямо повторил Диас.

— В чем, собственно, заключалось лечение? Говорят, он вводил вам какой-то препарат?

Хищное лицо Барроса насторожилось и его колющие темные глаза сузились, зорко всматриваясь в Диаса. Диас почувствовал, что у него что-то выведывают. Он знал, что Педро ввел ему новый, еще неизвестный препарат, и ему показалось, что Ренар не хотел, чтобы об этом знали.

— Не знаю, что мне вводили. Вероятно, как всегда в таких случаях, какой-нибудь антибиотик, — ответил он.

Диас возвращался с полигона в мрачном настроении: он не мог избавиться от преследовавших его мыслей.

А что если и в самом деле русские не думают нападать? Зачем понадобились тогда эти дьявольские бомбы? Кому нужно превращать цветущую, политую потом многих поколений людей землю в мертвую радиоактивную пустыню?

Чтобы отвлечься, Диас попросил шофера прибавить скорость, открыл ветровое стекло. Горячий воздух с силой врывается в кабину, обдувая жарким дыханием, не принося свежести.

Глава IX

Едва только стало известно о необыкновенном исцелении Диаса, как десятки репортеров помчались в Саян-Луи и провинцию Кордоба, чтобы проинтервьюировать Диаса и Ренара.

Как ни старался Диас избежать встречи с ними, репортеры преследовали его повсюду. Они появлялись в самое неожиданное время и неожиданных местах, лезли, словно тараканы из щелей, непрерывно звонили по телефону. В конце концов Диас отказался отвечать или же давал такие скудные сведения, что из них трудно было состряпать заметку. Однако это не обескуражило репортеров: их фантазия с успехом восполняла то, чего не было сказано.

Наиболее ожесточенной атаке со стороны работников пера был подвергнут Ренар. Чтобы покончить с поднявшейся шумихой, он заявил, что не может сообщить о своих опытах ничего определенного. Но унять разбушевавшуюся газетную лавину мог только грозный окрик сверху, который впоследствии, с некоторым запозданием и был сделан. А пока газеты захлебывались сенсационными сообщениями.

«Необыкновенные перспективы открывают научные исследования профессора Ренара перед атомным транспортом», — заявил нашему корреспонденту вице-президент Всеальберийского общества астронавтов господин Морейро.

«Космическая атомная ракета будет создана!» —

сообщил в своем интервью директор общества «Альберия — Луна» господин Оливейра.

«Сводка с бабельской биржи свидетельствует о начавшемся росте цен на лунные участки!»

Как-то вечером настойчивый телефонный звонок заставил Ренара поднять трубку.

— Простите за беспокойство, профессор,— услышал он приятный мужской голос.— Говорит инженер Линье. Я приехал из Бабеля. Мне необходимо видеть вас. Не смогли бы вы принять меня и позвонить на проходную, чтобы меня пропустили?

Ренар последнее время не принимал посетителей. Но на этот раз он почему-то не мог отказать.

Спустя несколько минут Линье уже был в кабинете Ренара и объяснял ему цель своего визита.

— Я увлекался астронавтикой, профессор, еще с детских лет. Космическое путешествие стало целью моей жизни. И я был уже близок к цели, но, как вы знаете, катастрофа со спутником разбила все мои планы. Единственная реальная возможность осуществить полет — это срочно построить атомную ракету. Я говорю — срочно, профессор. Не забывайте, что мы имеем сильных конкурентов в лице русских, настойчиво готовящихся к полету на Луну...

Ренар задумчиво смотрел на волевое лицо конструктора. Когда-то и он был таким же энергичным, молодым, полным сил и веры в справедливость. Что-то ждет в будущем этого мальчика? Он очнулся, услышав, как тот о чем-то просит его.

— И когда, профессор, до меня дошли слухи о вашем препарате,— говорил Линье,— я увидел в нем способ защиты. От вашего ответа зависит судьба величайшего предприятия.

Ренар нахмурился и недовольно покачал головой. Шумиха с препаратом, о котором толком никто ничего не знал, вызывала у него сильное раздражение. Но Линье нравился ему. И он не хотел обидеть его резким отказом.

— Не надо быть чрезмерно опрометчивым, молодой человек,— сказал он.— Вопрос слишком серьезен, чтобы черпать сведения о нем из наших газет. Я готов помочь вам по мере своих сил, во всяком случае, постараюсь.

— Благодарю вас, профессор, — произнес Линье.

— Не смогли бы вы в общих чертах ознакомиться меня с конструкцией вашей ракеты? — попросил Ренар.

— С удовольствием, — воскликнул обрадованный конструктор. — В моей ракете я использую двигатель с твердым атомным реактором. Я напому, профессор, что энергия атомного ракетного двигателя используется для нагрева какого-нибудь рабочего вещества, которое, вытекая из сопла, создает реактивную тягу. Использовать непосредственно реакцию струи из атомных частиц, движущихся в сопле со скоростью десятка тысяч километров в секунду, невозможно, так как двигатель мгновенно бы испарился.

— И много надо рабочего вещества для космического рейса? — спросил ученый.

— Оно занимает почти весь объем ракеты. Все баки заполнены рабочей жидкостью.

— Простите, — произнес Ренар, снимая роговые очки и протирая стекла. — Мне не совсем ясно, в чем же тогда преимущество атомной ракеты перед обычной, с жидкостным двигателем. У обеих основной объем занимают баки с жидкостью, а когда она расходуется, двигатель прекращает работу. Ведь без рабочей жидкости атомный котел бесполезен.

— Всё это верно, профессор, но не забывайте что в жидкостном реактивном двигателе рабочих веществ два — горючее и окислитель, а в атомном — только одно, причем имеющее малый молекулярный вес. Дело в том, что, чем меньше молекулярный вес газов, вытекающих из сопла двигателя, тем больше их скорость, а следовательно, и скорость ракеты. В моей ракете, — продолжал Линье, — используется медленная реакция, при которой нейтроны тормозятся, проходя, как обычно, через графитовый замедлитель. Такая система легко поддается управлению, но имеет серьезный недостаток — значительный вес. Он и препятствует установке тяжелого защитного экрана.

— На каком расстоянии находится пассажирская кабина от реактора?

— Двенадцать метров.

— И все пространство между ними заполнено баками с рабочей жидкостью?

— Не все, но примерно процентов на восемьдесят.

— Какую мощность будет развивать реактор в полете?

— Тяговая мощность двигателя при максимальной скорости свыше пятидесяти миллионов лошадиных сил. И вес щита должен быть не менее ста тонн. Позвольте задать вам вопрос, профессор. При полете на Луну и обратно двигатель будет работать в общей сложности около двадцати минут. Следовательно, примерно это время экипаж будет подвержен облучению. Сможет ли препарат предохранить организм от такой дозы облучения?

— К сожалению, на этот вопрос я пока не могу ответить. Действие препарата еще фактически не проверено на человеке.

— Как! — воскликнул Линье с удивлением. — Разве излечение Диаса не убедило вас в действии препарата?

— Никогда не судите, молодой человек, по сообщениям наших газетных писак об истинном положении вещей. Нужна еще тщательная и обстоятельная проверка, прежде чем можно будет сделать такой ответственный вывод.

Это заявление подействовало на Линье, возлагавшего все свои надежды на препарат, как холодный душ.

— Могу ли я надеяться, профессор, что в случае успешных опытов, вы предоставите нам свой препарат? — спросил он.

— Безусловно. Оставьте ваш адрес, и я сообщу вам о результатах при первой возможности.

Линье в порыве благодарности бурно потряс на прощанье руку Ренара. Будучи по натуре оптимистом, он легко переходил от отчаяния к надежде. Распрощавшись, он ушел в отличном настроении. Но один незначительный эпизод оставил в его душе неприятный осадок. Выходя из кабинета ученого, Линье столкнулся с человеком небольшого роста, который быстро отпрянул от двери. Лицо этого субъекта, исписанное синими жилочками, было вытянуто вперед, к кончику носа, напоминающего клюв птицы. Маленькая головка, сидящая на длинной, худой шее с большим кадыком, подергивалась и болталась, как у марионетки. Линье с недоумением взглянул на тщедушную фигурку.

«Похоже, что этот тип подслушивал», — подумал он, жалея, что упустил возможность ударить дверь по птичьей физиономии.

— Какого черта вы вертитесь у двери? — сказал он зло.

— Виноват... Служащий лаборатории Фонте Крус, — представился человек. — Сотрудник, можно сказать, профессора Ренара.

— Гм... Вы так можете остаться без носа, — произнес Линье и направился к выходу.

Глава X

Ренар не видел больше причин оттягивать опыт. Теперь он сам с нетерпением ожидал испытания.

Однажды ему позвонили и сообщили, что на днях привезут негра Томазо Бичера.

Ветеран войны Бичер, был приговорен к смертной казни под фальшивым предлогом: его обвинили «в покушении на белого».

Однажды Бичер возвращался домой вместе с одним из руководителей местной организации по защите прав цветного населения. Проходя по одной из людных улиц, они подверглись нападению группы хулиганов. семью выстрелами в упор был убит спутник Бичера. Защищаясь, ударом палки Бичер выбил из рук одного хулигана оружие. Принадлежность к организации усугубила вину Бичера.

Ночью тюремная машина въехала во двор института. Из машины вышел худощавый, среднего роста человек, одетый в арестантский халат.

Ренар поручил Педро подготовить Бичера к предстоящим опытам. Они часто беседовали.

— Может быть, я принес бы больше пользы нашему народу, если бы вот так же, как ты, боролся за его права, — сказал однажды Педро.

— Нет, Педро, — возразил Бичер, — ты делаешь большое дело уже тем, что показываешь, чего может достичь негр.

Нужно было, чтобы Бичер поверил в целительное действие препарата. Это было необходимо для успеха опыта, ибо моральное состояние играло важную роль.

— Видишь ли, Томазо, — объяснял Педро, — даже при воздействии смертельной дозы ионизирующих лучей в клетке нашего организма объемом примерно в 10 кубических микрон ионизируется около миллиона атомов. Если подсчитать общее число атомов в такой клетке, то их такая масса, что этот миллион составляет лишь ничтожную долю всех атомов. Примерно на один ионизированный атом приходится сто миллионов неионизированных. Следовательно, подавляющее большинство атомов нашего тела остается при облучении без изменения.

— Почему же ничтожная доля измененных атомов вызывает такую страшную болезнь? — спросил Бичер.

— Ты задал вопрос, над решением которого мы бьемся уже несколько лет, — улыбнулся Педро. — Во-первых, абсолютное число ионизированных атомов все-таки велико, хотя, повторяю, они составляют ничтожную долю. Но и этой доли достаточно для того, чтобы происходили химические реакции с образованием ядовитых веществ. Эти вещества губительно действуют на нервную систему. А от нервной системы, как знаешь, зависит работа всех органов.

— Так ваш препарат уничтожает вредное действие этих ядов?

— Почти. Мысль о возможности создания такого препарата возникла у Ренара, когда были обнаружены некоторые средства, защищающие в известной мере наши ткани от вредного действия излучения. Например, если ввести в кровь белковые вещества или гомогенат селезенки, то сопротивляемость организма вредному действию излучения значительно возрастает. И таких веществ немало: цистеин, глутатион и другие. Конечно, они дают лишь частичную защиту; что же касается нашего препарата, то в его действии я не сомневаюсь.

Педро удалось достичь успехов: Бичер поверил в препарат, особенно, когда Педро продемонстрировал ему опыт с кроликами.

За три дня до облучения Бичера привели в приемную профессора для инъекции «комплексина». Ренар тепло встретил осужденного. Несколько бесед с Бичером оставили у него очень выгодное впечатление о так называемом преступнике.

— Главное, не падайте духом, Бичер, — успокаивал

вал. он.— Я верю в свой комплекс, иначе я ни за что не согласился бы испытывать его на человеке.

— У меня нет причин падать духом, — со спокойной грустью ответил Бичер. — Поверьте, профессор, что умереть ради науки легче, чем без всякой пользы. Даже при самом плохом исходе я ничего не теряю.

— Ну, нечего отчаиваться — сказал Ренар. — Мы еще заставим их пересмотреть это гнусное дело.

Он направился к столу и, взяв шприц, набрал в него из ампулы препарат. Подойдя к окну, Ренар поднял шприц и взглянул на зеленоватую, казавшуюся маслянистой, жидкость.

«Вот оно, чудодейственное вещество — венец всех моих дел, — сказал он себе. — Не думал я, что оно принесет столько гевог. Природа, словно наказывая дерзких, осмелившихся проникнуть в ее сокровенные тайны, выставила грозный заслон — смертоносное излучение. И вот теперь, быть может, этот заслон сломлен. Покоренный атом безвреден и безопасен».

Спокойствие не изменило Бичеру и в день, когда надо было подвергнуться облучению. Но оно окончательно изменило Ренару и Педро. Итог их титанической работы, судьба многих людей и их собственная, наконец, жизнь Бичера — все решалось исходом опыта.

— Ну, ну, не унывайте, дружище, — произнес дрогнувшим голосом Ренар, похлопывая Бичера по спине, и по-стариковски, неловко потоптался на месте, чувствуя, что сам нуждается в одобрении больше, чем его подопытный.

— Я и не думаю унывать, — ответил Бичер, заметив волнение Ренара и Педро и стараясь казаться бодрым. — Я верю в ваш препарат, профессор.

И с этими словами он занял место перед щитом, преграждающим путь мощному потоку лучей.

В течение десяти минут Бичер подвергался действию смертоносного ионизирующего излучения.

После облучения Бичер был помещен в специальной комнате при лаборатории. Наступили часы томительного ожидания. Прошло десять дней, и результаты лабораторных исследований показали, что никаких существенных функциональных изменений не обнаружено. Некоторые отклонения от нормы, не представляющие опасности

для жизнедеятельности организма, зафиксированные в анализах в первые дни после облучения, благодаря активному действию комплексина вскоре исчезли, и Бичер чувствовал себя нормально.

Когда благоприятный исход опыта уже не вызывал сомнений, Ренар решил, что больше медлить нельзя. Накануне приезда сенатора Барроса, который должен был забрать всю документацию по препарату, он вызвал Педро к себе в кабинет, чтобы обсудить с ним дальнейшие планы.

— Я думаю, что вы должны уехать. Откладывать дальше ваш отъезд опасно. Завтра мне, по-видимому, предстоит стычка с Барросом.

Педро запротестовал. Он не хотел оставлять профессора одного, но Ренар настойчиво убеждал его в необходимости уехать, так как, если он попадет в Центральное сыскное бюро, там не останутся ни перед чем, чтобы добиться от него признания. Сам же он надеялся, что к нему не решатся применить насилие. Он рассказал Педро, что уже подготовил доклад к Женевской конференции. Потом подробно объяснил ему, как найти Гонсало.

— Передав ему доклад и мое заявление, вы должны сделать все, чтобы вас не обнаружили: уезжайте куда-нибудь подальше, может быть, за границу. Как это ни печально, но в вашем положении, Педро, это единственный выход.

Ренар подошел к письменному столу и, вынув из ящика два конверта, протянул их Педро.

— Спрячьте их понадежней, Педро.

— Будьте спокойны, профессор,— сказал Педро и его голос задрожал, — я передам эти письма, но уезжаю в большой тревоге за вас.

— Будем надеяться на лучшее,— Ренар протянул руку.

Педро крепко сжал ее в своих могучих руках и, едва сдерживая слезы, вышел из кабинета.

* * *

Баррос ходатайствовал перед губернатором о замене казни Бичера пожизненным заключением с тем, чтобы иметь возможность произвести полное клиническое исследование. Ходатайство сенатора было удовлетворено.

В отличнейшем настроении Баррос приехал к Ренару и прошел прямо в рабочий кабинет профессора.

— Итак, дорогой профессор, позвольте поздравить вас с успешными результатами нашего эксперимента,— патетически произнес он. Пожимая руку Ренара, Баррос, хитро прищурившись и многозначительно подмигивая, добавил: — Здесь, в тиши лаборатории, вы сделали, мой друг, дело, которое вскоре превратит вас в одного из богатейших людей Альберии. По решению совета попечителей на ваше имя будет выписан чек на два миллиона динархов. Надеюсь, вы удовлетворены? Еще бы, — ответил он сам себе, — неплохой куш.

Усевшись удобно в кресло и положив ноги на стол, Баррос закурил дорогую сигару, с наслаждением затянулся и, выпустив изо рта белую струю дыма, стал наблюдать, как она постепенно расплывается и исчезает. Сухой и поджарый, он напоминал в своем пестром костюме старого попугая. Его угловатый череп, лишенный волос, тускло поблескивал.

— Я вынужден напомнить вам, профессор,— заговорил наконец он,— что сегодня вы должны представить мне всю техническую документацию, рецептурные материалы и прочие документы по вашим исследованиям. Все эти материалы совершенно секретные, и мне поручено предупредить вас лично, а также ваших сотрудников об особой ответственности, которую вы несете в случае разглашения тайны.

— Мои исследования не могут быть государственной тайной,— ответил Ренар,— препарат предназначен для лечения людей и должен принадлежать всему человечеству.

— Я знаю, профессор, о ваших гуманных взглядах,— усмехнулся Баррос,— и не могу не согласиться с вами в принципе. Но на данном этапе ваш препарат является для нас боевым оружием. Вы не должны забывать, что Россия представляет в настоящее время угрозу всеобщему миру. Противопоставить советской агрессии мы обязаны атомный сверхблиц.

— О какой агрессии вы говорите? — спросил Ренар, нахмурив свои пушистые брови.— Русские не раз доказывали, что их цель — мирное сосуществование.

— Простите, дорогой профессор, но в вопросах политики вы всегда были наивны. «Сосуществование!» —

воскликнул иронически Баррос, снисходительно посмотрев на Ренара.— Оно невозможно. Вот это сосуществование и угрожает нашему существованию! Поймите, что вопрос может разрешить только атомная бомба. Здесь не может быть двух мнений. Я прошу вас ясно представить, какое значение имеет ваш препарат. Он позволит нам осуществить новые способы ведения войны, и вы должны гордиться этим. Можете быть спокойны — Альберия вас не забудет!

Ренар встал, с трудом сдерживая свое негодование. Оба молчали.

— К сожалению, сенатор,— наконец нарушил молчание Ренар,— я вынужден вас огорчить. Если бы сорок лет тому назад я мог предположить, что мои научные труды будут использоваться таким образом, я никогда не стал бы ученым. Я не дам вам никаких материалов. Не дам до тех пор, пока не опубликую результаты моих исследований. Что же касается вознаграждения, которое мне присудил совет, то можете передать, что я от него отказываюсь.

На сухом, костлявом лице Барроса отразилось величайшее изумление: он смотрел на Ренара широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Простите, профессор,— наконец пробормотал он, снимая со стола ноги и кладя сигару в пепельницу,— я ослышался или не понял вас? Прошу вас повторить.

— Вы не ослышались, я все сказал, — со спокойной решительностью ответил Ренар.

Некоторое время в кабинете царило зловещее молчание.

Наконец Баррос вскочил на ноги, захлебываясь от ярости, брызгая слюной. Что?! Да как он смеет отказываться! Ведь это же... это же... измена Альберии! Нет сомнения, что Ренар попал под влияние коммунистов. И пусть он не думает, что это так ему сойдет, его сотрут в порошок, и имя его будет предано забвению.

Обессиленный, тяжело дыша, он упал в кресло. Ренар грустно смотрел в окно. Вот и осень. И в его жизнь тоже пришла осень. «Хватит ли сил, чтобы бороться,— думал он,— только бы хватило».

Плечи его еще больше ссутулились. В эту минуту он казался совсем стариком.

Взглянув на усталое морщинистое лицо профессора, сенатор осекся. Он понял, что перегнул палку. Подняв-

шись, он подошел к Ренару, положил ему руку на плечо и мягким, вкрадчивым голосом стал убеждать его подумать. Ведь он не хочет зла своей стране, не правда ли? Он, старик, отдавший всю жизнь науке, не сможет стать предателем. А попечительский совет даст ему не два миллиона диархов, а гораздо больше, любую сумму, какую только он пожелает. Ведь надо подумать и о спокойной старости.

— Никакие уговоры, сенатор, не заставят меня изменить решение,— устало ответил Ренар, снимая со своего плеча руку Барроса.

— Ах так! — вскипел опять сенатор. — Вы забыли, кажется, что все, что вы сделали, придумали и открыли, является собственностью Попечительского совета, перед которым вы обязаны полностью отчитываться. А сами вы можете убираться на все четыре стороны, если вам здесь не нравится!

Он быстро направился к двери. На пороге обернулся.

— Советую вам одуматься, пока не поздно; последствия могут быть гораздо хуже, чем вы предполагаете!

Спустя минуту Ренар услышал резкие гудки отъезжающей машины.

В полуоткрытую дверь просунулась испуганная физиономия Круса и тотчас исчезла.

«Итак, началось,— сказал себе Ренар. Он сидел, напряженно обдумывая, все ли он успел сделать. — Да, как будто, все: уничтожены реактивы и аппаратура, записи. Но что делать с Линье? Можно ли дать конструктору препарат? Произведено ли всестороннее исследование над Бичером, чтобы сделать заключение о действии препарата? Не возникнут ли позже рецидивы? Написать Линье, что опыт не удался?»

Он ясно представил себе отчаяние конструктора, вызванное этим известием. Ренар вынул папку с анализами и материалами наблюдений над Бичером и еще раз внимательно все просмотрел.

«Нет, все нормально. Если и в самом деле от препарата зависят успехи Альберии в космических исследованиях, надо немедленно решать. Но как передать препарат Линье?»

И Ренар решил сообщить Линье об успехе опыта, а препарат отдать на хранение сторожу лаборатории. Он знал сторожа много лет и не сомневался, что Линье по-

лучит у него комплексин в любое время. Ренар поднялся и, подойдя к массивному шкафу, где хранились ампулы с препаратом, стал открывать дверь. Ключ долго не поворачивался в замочной скважине. Наконец шкаф открылся.

Ренар протянул руку, но не нащупал коробки с ампулами в обычном месте. Он вздрогнул и, торопливо вынув все содержимое шкафа, убедился, что не ошибся: ампулы с комплексинном исчезли.

* * *

В тот же день сенатор был вынужден сообщить о разговоре с Ренаром Попечительскому совету. Сообщение Барроса вызвало у «хозяев» переполох. Вечером в резиденции Кортеса, возглавляющего совет, собрались встревоженные магнаты для обсуждения создавшегося положения.

Все согласились, что оно весьма серьезно, что Ренара и его помощника Гаррета необходимо немедленно арестовать, в лаборатории произвести обыск, установить наблюдение за всеми лицами, прибывающими в Эскалон. Словом, требуются срочные и энергичные меры.

Сенатор Баррос, в адрес которого была пущена не одна шпилька, чувствовал, что карьера его рухнет.

Глава XI

Сборы Педро были недолги. Он переоделся в старый потертый костюм, в котором походил на безработного пружика, и, захватив небольшой чемодан, отправился на вокзал, чтобы поспеть к Тарифскому поезду.

Педро чувствовал, что оставляет Ренара и его лабораторию навсегда. Будущее представлялось ему неясным, полным тревог, впереди постоянные преследования и вечный страх быть обнаруженным.

Вскоре он добрался до вокзала и купил билет до Тарифа. Забравшись на полку, Педро долго не мог заснуть. На рассвете его разбудил громкий голос проводника, объявлявшего о прибытии на какую-то узловую станцию. Педро поднялся, нащупал спрятанные на груди конверты, привел себя в порядок.

Поезд остановился, и Педро вышел из вагона. На пер-

роне стояли два высоких откормленных полицейских. Когда Педро проходил мимо, они окинули его внимательным, испытующим взглядом. Сердце Педро тоскливо сжалось. «Только не сейчас, пока документы еще не переданы», — подумал он. Возвращаясь из буфета, он увидел, что полицейских на платформе нет. Педро облегченно вздохнул и уже не выходил из вагона до самого Тарифа. Он прибыл туда вечером и немедленно отправился на поиски Гонсало. Найти журналиста оказалось нетрудно, и вскоре Педро сидел в небольшой, скромно обставленной комнате. Рассказав ему о последних событиях, Педро вынул конверты и, протянув их Гонсало, сказал с горькой усмешкой:

— На этом моя роль заканчивается... Ренар научил меня верить в разум и справедливость. Но есть ли они? Я, потративший годы, чтобы принести пользу людям, вынужден скрываться как преступник, в то время как настоящие преступники, бесстыдно грабящие народ, пользуются всеобщим почетом в обществе. Нет, неразумность происходящего сбивает меня с толку!

— Ну, что же, дорогой Педро, жизнь заставляет и вас внимательно присмотреться к действительности. В наше время от нее невозможно укрыться и за толстыми стенами лабораторий. Удивляться тут нечему, Педро, надо бороться.

Они разговаривали еще долго. Педро рассказал о своем намерении вначале съездить на родину, повидать родных, которых он не видел уже четыре года. А оттуда поехать куда-нибудь подальше, на Запад.

— Вам опасно оставаться в Альберии, — проговорил Гонсало, задумчиво потирая по привычке большим пальцем свой упрямый подбородок, что обычно делал при решении трудных вопросов.

Увидев, что Педро просматривает лежавшую на столе газету «Бабельский вестник», он сказал:

— Прочтите статью генерала Рамиреса о тактическом атомном оружии. Только диву даешься, сколько у него цинизма и лицемерия. Кстати, ваш пациент из Сан-Луи, по-видимому, сделал неплохую карьеру. Во всяком случае, его деятельностью генерал доволен.

— Вы говорите о Диасе? Я догадывался, что он работает над какой-нибудь мерзостью, — и Педро быстро про-

бежал глазами статью.— Но это надо разоблачить,— заметил он.

— Непременно. Перед вашим приходом, Педро, я как раз закончил статью, посвященную этому вопросу.

— Иногда мне кажется, — сказал Педро, — что атомная энергия открыта рано. В мире еще слишком много темных и злых сил. Не принесло ли на сегодняшний день великое открытие больше горя и беспокойства, чем пользы? В сущности, атомная и водородная бомба — это современный Дамоклов меч, нависший над головой человечества.

Наступило молчание. Педро взглянул на часы и решительно поднялся.

— Мне надо идти, — ответил он на безмолвный вопрос Гонсало.— Поезд отходит на рассвете.

— Я бы не советовал, Педро, ехать сейчас на родину. Может быть, отправитесь пока в Сан-Катрин. Я дам вам письмо к надежным людям — они помогут вам.

— Я согласен, — ответил Педро.— Но только после того, как повидаяюсь с родными. А опасности я теперь буду подвергаться везде.

Гонсало сел за письменный стол и, написав письмо в партийную организацию Сан-Катрина, дал его Педро.

— Будьте осторожны, Педро, — сказал Гонсало, прощая Педро и крепко пожимая ему на прощанье руку.

Гонсало стоял у окна и смотрел, как крупная фигура быстро удаляющегося Педро постепенно растворяется в сероватой мгле наступающего рассвета. И почему-то смутная тревога за этого большого черного человека превратилась у него в мрачное предчувствие.

* * *

Когда Педро сошел с поезда на одной из маленьких станций провинции Амосас, уже наступил вечер. Это был чудесный южный вечер, с мягко мерцающими звездами на бархатном небе, напоенный ароматом трав и цветов.

Нигде в мире не было для Педро прекрасней этого края: он горячо любил живописную долину реки Амосас, мягкий климат, громадные леса, постепенно переходящие в необозримые поля. Здесь он родился и вырос, здесь жили его мать, сестра и два брата. С самого утра и до позднего вечера трудились они на хлопковых полях и плантациях.

Отец Педро был фермером-издольщиком; арендуя у крупного землевладельца клочок земли и получая от него жилище, инвентарь, семена и продовольствие, он был в кабале у плантатора. Однажды, проболев пару месяцев, он вышел из своего мизерного бюджета и остался в долгу у землевладельца на всю жизнь. Семья жила в хижине, построенной из тонких досок, с фанерной крышей, без окон. В доме не было мебели, кроме старой рухляди и нескольких деревянных ящиков. Если бы не регулярная денежная помощь Педро, семья погибла бы с голоду.

Педро не терпелось поскорее увидеть своих близких. До небольшого поселка Кервиль нужно было ехать автобусом, и, не теряя времени, Педро направился к автобусной станции. Вскоре он уже был в небольшом, плохо освещенном помещении автобусной станции и смотрел на расписание, висевшее на стене недалеко от кассы. Автобус отходил только в 12 часов ночи. У билетной кассы никого не было, и Педро осторожно постучал в окошко. Через минуту окно открылось, высунулась взлохмаченная голова кассира.

— Чего тебе? — спросил он грубо.

— Мне нужен билет до Кервиля, — сказал Педро.

— Я не продам тебе билета до тех пор, пока все билеты не будут обеспечены билетами, — кассир захлопнул окошко.

Педро, отвыкший за годы работы в лаборатории Ренара от подобного обращения, почувствовал обиду. Однако он сдержался и решил терпеливо ожидать до 12 часов, хотя у него не было уверенности, что к этому времени для него останется билет. Слева от кассы, у стены, находилась длинная буфетная стойка, покрытая линолеумом. Около нее стояли столы и высокие табуреты. За одним из столов сидело несколько человек и играли в кости. Стук костей, азартно ударяемых о стол, раздавался по всему помещению. Педро почувствовал сильный голод и, решив перекусить, сел за свободный столик. Официантка, перебрасывающаяся какими-то замечаниями с буфетчицей, стоявшей за стойкой, сделала вид, что не заметила Педро. Он просидел минут десять, когда один из игроков вдруг резко повернулся к нему. Это был плотный мужчина, одетый в белый помятый полотняный костюм, вероятно, какой-то местный плантатор. Его

мясистое и потное лицо с водянистыми голубыми глазами было неестественно красным.

— Послушай, черномазый,— обратился он к Педро,— ты еще не научился читать, безмозглая обезьяна?

Педро продолжал спокойно сидеть. Только теперь он увидел объявление над буфетной стойкой.

«Мы обслуживаем только белых»; слово «только» было аккуратно подчеркнуто красной краской. Из-за тусклого освещения и стоявшего столбом сигарного дыма он не разглядел раньше этого объявления. Но теперь было уже поздно. Чувство протеста и сознание собственного достоинства не позволили Педро подняться и уйти.

— Хозе,— продолжал между тем пьяница с водянистыми глазами, обращаясь к своему соседу по столу, тупо уставившему взор в одну точку и мрачно жевавшему окурочку потухшей сигары,— этот ниггер неграмотный. Ты понимаешь,— пьяно бормотал он.— Его не научили читать. Может, мы поучим его нашей грамоте. А?

Он встал и с кривой усмешкой, не предвещающей ничего хорошего, направился нетвердой походкой к Педро. Сидевшие за столом оставили игру и с любопытством наблюдали за происходящим.

— Ниггер,— бормотал он заплегающимся языком.— Ты сейчас же должен уйти.

Не получив ответа, он наклонился над Педро, и, обдав его запахом водки, крикнул ему на ухо:

— Ты, может быть, глух, ниггер. Немедленно убирайся отсюда, скотина. Даю тебе тридцать секунд на размышление.

Этот ультиматум вызвал одобрительные восклицания и смех у зрителей. Величайшим усилием воли Педро сдержал клекотавшее в нем бешенство.

— Садитесь на место,— спокойно сказал он.— Пусть меня не обслуживают, но я имею право сидеть здесь.

— Ребята,— вскричал в восторге хулиган, приставший к Педро.— Ниггер-то оказывается не глухой и притом грамотный. Он говорит о правах!

По залу прокатился громкий хохот.

— Хозе! Помогите мне вытащить черномазого за дверь,— продолжал тот, схватив Педро за ворот и пытаясь стащить его со стула.

Педро был по натуре очень спокойным, вывести его из себя было трудно. Сейчас же он почувствовал, что

от гнева теряет способность действовать благоразумно. Но все же усилием воли он заставил себя сдержаться; легко отстранив пьяницу, он поднялся и спокойно произнес:

— Хорошо. Я уйду.

— Давно бы так, скотина. А пока вот тебе для науки! — вскричал хулиган и с силой ударил Педро в лицо.

В ту же секунду громадный кулак Педро, подобно разжавшейся пружине, ударил в челюсть хулигана, который, перелетев через стол, тяжело хлопнулся, словно мешок с зерном, о буфетную стойку. Раздался звон разбиваемой посуды и истерический визг буфетчицы. Педро взял свой чемодан и направился к выходу.

Только тогда, когда он вышел, присутствующие, ошеломленные дерзостью негра, пришли в себя. Тот, которого звали Хозе, — здоровенный детина, с нависшим лбом, редующими волосами и маленькими глазками на бледном одутловатом лице яростно закричал:

— Ребята! Негр уйдет! — и бросился за Педро. Вслед за ним выбежала вся компания.

Выйдя из помещения, Педро ускорил шаг, рассчитывая скрыться в темноте от головорезов. Но он не прошел и сотни метров, когда несколько нагнавших его мужчин набросилось на него. Один из них ударил его кулаком в лицо, двое других схватили за руки. Педро вырвался и легко отбросил нескольких бандитов, но уже другие наседали на него. Однако не так просто было справиться с Педро. Словно мячи, отлетали нападавшие негодяи под страшными ударами. Уже не один валялся со сломанной челюстью или ребром. Рассвирепевшая орава всё теснее смыкалась вокруг Педро. Его ударили чем-то тяжелым в висок, и Педро упал.

Разъяренная толпа, ослепленная каким-то диким безумием, словно свора гиен, набросилась на Педро. Они отталкивали друг друга, чтобы еще раз ударить его ногой в лицо, живот, куда попало. Его подымали с земли и держали, чтобы можно было лучше ударить. Рот Педро был полон гряди и крови, лицо изуродовано. Кто-то притащил веревку, не торопясь завязал узел и перебросил ее через сук большого, развесистого вяза.

Глава XII

Беседа с Ренаром вызвала у Линье новый прилив энергии. Неумолимый конструктор проявлял чудеса изобретательности. В основном подготовка к космическому путешествию приближалась к концу. Некоторые трудности возникли при испытании атомного двигателя, когда обнаружилось, что стенки атомного реактора подвергаются слишком сильному нагреву. Однако Линье надеялся в скором времени улучшить охлаждение двигателя. И по-прежнему главную трудность составлял вопрос с защитой от излучения.

Господин Оливейра считал, что приготовления к полету подвигаются слишком медленно. Каждое новое сообщение из Советского Союза вызывало у него раздражение. Он был возмущен дерзостью русских и посягательством на его собственность. «Ведь почти вся Луна уже продана, на что же они рассчитывают?» — думал он с досадой.

Не успели затихнуть волнения, вызванные сообщением о посадке на Луну управляемой по радио ракеты, посланной русскими, как новое известие потрясло мир. Вторая ракета, посланная Советским Союзом, облетев вокруг Луны, благополучно вернулась на Землю.

Теперь уже никто не сомневался, что ракетная техника и уровень радиотелеуправления в Советском Союзе достигли небывалых успехов. Составные ракеты с жидкостным реактивным двигателем весом в несколько сот тонн послушно выполняли команды, посылаемые с Земли.

Ионосфера не препятствует распространению ультракоротких волн в довольно широком диапазоне, и радиоастрономия заняла одно из наиболее почетных мест среди бурно развивающихся наук. Громадные радиотелескопы с диаметром антенных параболических зеркал около двухсот метров невидимыми лучами прошупывали Вселенную. Едва уловимые потоки радиолучей, идущих из глубин космоса от бесчисленных галактик, удаленных на сотни и тысячи миллионов световых лет от Земли, концентрировались гигантским рефлектором и направлялись на помещенную в его центре дипольную антенну длиной всего в несколько сантиметров.

Сигналы из мирового пространства раскрывали людям новые тайны бесконечной материи.

Бурное развитие радиоастрономии разрешило проблему управления космическими ракетами и позволило впоследствии держать непрерывную связь с межпланетными кораблями. Сложный путь полета ракет в межпланетном пространстве, их траектории и графики движения рассчитывались заранее. Расчеты в виде программ закладывались в быстродействующие электронные счетно-решающие приборы, расположенные на Земле. За полетом ракеты следило несколько радиолокационных станций автоматического сопровождения, которые, получая ответные импульсы от приборов на борту ракеты, определяли ее координаты. При малейшем отклонении ракеты от заданного курса счетно-решающий прибор высчитывал поправку и при помощи наземных радиоустройств передавал на ракету радиокоманду. Принятые команды, воздействуя через бортовую аппаратуру управления на приборы управления ракеты, устраняли отклонение.

Полет управляемой ракеты вокруг Луны и возвращение ее на Землю теперь оказался сравнительно простой задачей. Как только ракета приблизилась к Луне примерно на сто километров, радиокманда включила на несколько минут двигатель, и ракета, изменив курс, превратилась в спутника Луны. Повинуясь командам, ракета сделала шесть оборотов вокруг Луны, постепенно изменяя направление своего полета с тем, чтобы заснять возможно большую площадь поверхности. Затем по команде, данной с Земли, ракета послушно легла на обратный курс и вернулась на Землю.

В советских кинотеатрах демонстрировались фильмы о Луне; впервые люди могли видеть обратную сторону Луны, недоступную наблюдению с Земли, ибо, как известно, Луна обращена к нам всегда одной стороной.

Теперь, когда знания о Луне и о космическом пространстве между нею и Землей неизмеримо возросли, Советский Союз приступил к непосредственному решению проблемы. Каждые две недели на Луну отправлялись радиотелеуправляемые ракеты. Эти ракеты доставляли на Луну всё необходимое для жизни будущих космонавтов: оборудование, запасы воды, воздуха, продуктов питания и топливо для возвращения ракеты на Землю.

Да, были все основания опасаться, что общество «Альберия—Луна» потерпит крах. Неизменная улыбка господина Оливейра уже не могла успокоить многочис-

ленных пайщиков общества. И акционеры все настойчивее требовали от господина Оливейра созвать совещание, чтобы установить дату отправки ракеты.

Однако Оливейра под всяким предлогом оттягивал созыв такого совещания. Что он мог сказать, если сам ничего не знал? Его бесила медлительность Линье, который, по его мнению, слишком долго копался.

А Линье с нетерпением ожидал известий от Ренара. Он не сомневался, что в ближайшее время будет готов к полету.

Однажды, когда он по привычке заглянул в приемную господина Оливейра, Мерседес передала ему письмо. Хотя почерк на конверте был явно мужским, Мерседес не понравилось волнение, с каким Линье схватил письмо.

— Письмо от дамы? — спросила кокетливо Мерседес и, не получив ответа, надула губки.

Линье торопливо прошел в свой кабинет и, волнуясь так, что слышал удары собственного сердца, прочел:

«Глубоко сожалею, что это письмо принесет вам разочарование. Важные причины, о которых позже вам станет известно, потребовали, чтобы я уничтожил весь запас препарата, но не потому, что он себя не оправдал. Напротив, опыт окончился вполне успешно, хотя, несомненно, для окончательных выводов требуется более продолжительное время. Тем не менее, я собирался выполнить данное мною обещание и передать вам специально оставленные для вас ампулы с препаратом. Но чья-то преступная рука помешала мне. Препарат оказался похищенным.

Быть может, так лучше. Не забывайте, что мы оба рисковали: вы — жизнью, я — совестью.

Ренар».

Письмо Ренара вызвало у Линье большее отчаяние, чем предполагал его автор.

— Ну что ж! Игра проиграна, — сказал он, входя в кабинет Оливейра.

— Что такое?! О чем вы говорите? — встревоженно спросил делец. Ему никогда не приходилось видеть Линье в таком настроении. Действительно, конструктор впервые упал духом. На лице его было безразличие и усталость.

Линье молча протянул письмо.

— Проклятье! — вскричал Оливейра, прочитав письмо. — Я же не дойная корова! Атомный двигатель

обошелся мне в круглую сумму — и все напрасно! Будь проклята та минута, когда я ввязался в это дело! Значит, полет невозможен?

— Не лететь же мне без всякой защиты, — сказал Линье.

— Когда я согласился вас финансировать, я предупредил, что меня не интересует вопрос о защите. Летите, как хотите!

— Моя смерть не возместит вам убытков. Да к тому же, кто согласится лететь со мной? Я вообще еще не нашел желающих, а без препарата и защитного экрана охотников отправиться в космический рейс тем более не будет.

Оливейра снова перечел письмо.

— Но какой дьявол мог украсть препарат? — спросил он. — И вообще, непонятное письмо. Зачем понадобилось старику уничтожать препарат? Нет, тут что-то нечисто. Я выясню сейчас, в чем дело.

Оливейра набрал номер и поднял трубку видеотелефона. Спустя минуту на экране появилась усатая физиономия владельца авиационных заводов Рибейро, члена Попечительского совета.

— Рад вас видеть, — приветствовал его Оливейра. — Не смогли бы вы дать мне небольшую справку? Нами получено весьма странное письмо от господина Ренара. Прошу вас, объясните, что оно означает! — и Оливейра рассказал содержание письма.

Рибейро кивнул, давая понять, что ему всё ясно и, несколько замаявшись, произнес:

— Ренар арестован. Подробности могу сообщить лишь в личной беседе.

— Арестован... — опешил Оливейра.

На экране видеотелефона уже никого не было, но Оливейра смотрел на него в полной растерянности.

— Что он сказал? Кто арестован? — спросил Линье.

— Кто? Это светило ваше — Ренар, черт его побери!

— Какой вздор! За что можно арестовать старого, всеми уважаемого ученого?! — возмутился Линье.

— Значит, есть за что! — взвизгнул делец. — О, черт, зачем я впутался в это дело! Вот уже год, как я без конца бросаю деньги на ветер!

Глава XIII

Вой автомобильных сирен и рокот моторов нарушил ночную тишину. Яркие пучки света от фар полицейских машин прорезали густую мглу. Из черно-белых автомобилей высыпали жандармы Центрального сысского бюро, мгновенно оцепившие всю территорию лаборатории «Эскалон».

Обыском руководил инспектор охраны политического и социального порядка Варгас, являющийся одновременно шефом Бабельского сысского бюро. Сидя в кабинете Ренара, он вместе с несколькими специалистами, сотрудниками лаборатории, привлеченными в качестве научных консультантов, просматривал записи, протоколы наблюдений, исследований и другие бумаги.

Местные полицейские и агенты сысского бюро рылись в комнатах коттеджа Ренара и помещениях лаборатории, переворачивая все вверх дном. Ренар, хотя и подготовленный к этому, с удивлением, к которому примешивалось любопытство ученого, обнаружившего под микроскопом неизвестную бациллу, наблюдал, с каким усердием «правительственные люди», как называли себя агенты, громили его лабораторию. И сейчас, верный своей многолетней привычке исследователя, он изучал их, словно присутствуя на эксперименте. Все они были молодыми людьми специфической внешности, такие, каких обычно содержат владельцы игорных домов и ночных баров для поддержания порядка в своих заведениях. Их сразу можно узнать по типичным признакам: сосредоточенный взгляд убийцы, стальные бицепсы и мертвая хватка рук. Недаром руководство Центрального сысского бюро разработало целую систему для отбора агентов.

Варгас был раздражен: двухчасовой обыск не дал пока никаких результатов. Не нашли ни документации, ни препарата — ничего.

— Ну что? Ни капли этого дьявольского элексира? — спрашивал он в пятый раз старшего полицейского, угрюмого верзилу с туповатой физиономией.

— Так точно, ни капли, господин инспектор, — отвечал полицейский, вытягивая руки по швам.

— Осел! Не умеешь искать, — бушевал Варгас. — Позовите сюда эту обезьяну, Круса!

Крус, принимавший весьма деятельное участие в обыс-

ке, тотчас предстал перед начальством и, часто мигая глазами, подобострастно уставился на инспектора.

Тот долго смотрел презрительным и уничтожающим взглядом на тщедушного человечка.

— Что же ты, любезнейший, здесь делал все это время? — начал Варгас притворно-ласковым тоном, который, как Крус отлично знал, не обещал ничего хорошего. — Так что же ты делал здесь, макака?! — истерично взвизгнул он. — Вертеться здесь несколько месяцев и не достать препарата, слюнтяй!

Крус побледнел, начал оправдываться.

— Профессор вылил препарат в канализацию, господин инспектор. Я сам видел, но ничего не мог сделать.

Когда обыск закончился, один из агентов охраны — плотный мужчина с квадратным лицом и огромными челюстями, — грубо толкнув Ренара, приказал ему следовать за собой.

Спустя несколько часов полицейская машина доставила Ренара в Главное управление сысского бюро в столице Альберии.

На следующий день Ренар был вызван в специальную правительственную комиссию, предъявившую ему обвинение в действиях, ослабляющих государственную мощь Альберии.

Его привезли в громадное здание, воздвигнутое на холме и носящее древнее название Ареопаг, и через один из боковых входов провели в зал заседаний. В огромном зале было пусто; здесь не было, как всегда, зрителей, фоторепортеров, туристов. Столы для прессы пустовали. В конце залы стоял полукруглый стол, водруженный на помосте, вокруг него расставлены кресла. Этот стол предназначался для законодателей и членов комиссии. На стене позади него распласталось огромное полотнище государственного флага Альберии. Ренар сел за отведенный для допрашиваемых лиц длинный стол из красного дерева и стал ждать. Два сопровождающих его агента развалились в креслах и со скучающим видом курили. Неожиданно они вскочили, и Ренар понял, что в зал вступают члены комиссии. Он оглянулся и увидел несколько сенаторов, с торжественным видом шествующих к столу. Впереди выступал маленький, худощавый человечек, по-видимому, председатель комиссии. Взойдя

на возвышение, они неторопливо, с сознанием важности выполняемой ими миссии, расселись в кресла вокруг стола.

Советник комиссии, молодой человек с тщательно прилизанными волосами, поднялся и произнес:

— Артур Ренар, прошу вас занять свое место.

Ренар поднялся и занял место в конце стола, против советника и стенографа

Покончив с формальностями, члены комиссии приступили к допросу. Ученого пытались обвинить в разглашении военной тайны.

— Сведения о препарате не могут составлять государственного секрета Альберии, — заявил Ренар. — Препарат, созданный мною и Педро Гарретом, следует рассматривать как своеобразную вакцину, одинаково необходимую для всего человечества. Вы с таким же успехом, господа, можете обвинить в антигосударственной деятельности Эдварда Дженнера, открывшего противосыпную вакцину, или Луи Пастера, не пожелавшего сделать секрета из своей вакцины против сибирской язвы и бешенства.

Невозмутимость Ренара вызывала озлобление, и члены комиссии засыпали его бессмысленными и оскорбительными вопросами. Они ждали, что в конце концов ученый выйдет из себя и откажется отвечать. В этом случае его можно будет обвинить в неуважении к комиссии и передать дело в суд. Однако поведение Ренара их разочаровало. Несмотря на всю дикость и нелепость издевательских вопросов, ученый нашел в себе выдержку спокойно ответить на все вопросы. Напротив, ретивые «расследователи» часто не могли сдержаться и осыпали Ренара бранью и угрозами. Двухчасовой допрос закончился безрезультатно.

Следствие по делу Ренара велось под личным наблюдением главы Центрального сыскного бюро. Десятки агентов с лихорадочной поспешностью собирали факты, свидетельствующие о «нелояльности» Ренара. Но несмотря на целый ворох свидетельских показаний и горы протоколов допросов, обвинительный акт никак не удавалось составить из-за несостоятельности собранных доказательств. Шпики и осведомители сыскного бюро были глубоко разочарованы, узнав, что все высказывания

профессора, которые они представляли, как добытые их «трудом», Ренар открыто и не боясь повторял на допросах. Таким образом, все «улики», вместе взятые, не доказывали состава преступления. Дело Ренара нельзя было передать в суд. Всем отделам сыскного бюро и полицейским управлениям были разосланы срочные и секретные директивы о розыске негра Гаррета. Там же предлагалось описание внешности беглеца и его фотография.

Раздраженное спокойной уверенностью Ренара, руководство охраны дало распоряжение о создании для него строгого тюремного режима. Однако на большее, на применение пыток, что обычно практиковалось в сыском бюро при допросах, охранка пока не решалась, так как имя ученого, пользующегося мировой известностью, заставляло их быть осторожными.

Пока же в ход была пущена печать.

Словно по взмаху дирижерской палочки, лихорадочно заработала пропагандистская машина; засуетились десятки репортеров; на первых полосах газет появились аршинные заголовки и сенсационные фотографии.

КРАСНЫЙ ШПИОН ПОД ЛИЧИНОЙ УЧЕНОГО
КРАСНЫЕ В ЛАБОРАТОРИЯХ АЛЬБЕРИИ!
СОВЕТСКИЙ АГЕНТ НЕГР ГАРРЕТ ИСЧЕЗ!
РЕНАР — АГЕНТ ИНОСТРАННОЙ ДЕРЖАВЫ!
РЕНАР — ПРЕДАТЕЛЬ АЛЬБЕРИИ!

Потоки чудовищной клеветы и оскорблений полились со страниц газет на Ренара. Как и всегда в таких случаях, вся эта омерзительная пропагандистская свистопляска имела определенную цель: заранее, еще до суда, убедить общественное мнение страны в виновности Ренара.

Процессу Ренара необходимо было придать законную форму при отсутствии законных оснований. Для сыскного бюро это было обычным делом. Руководство охраны срочно занялось подбором и подготовкой лжесвидетелей, на показаниях которых можно было бы построить обвинение. Сложная судебная машина готовилась к пуску.

Травля Ренара и нелепые обвинения вызвали у альберийского народа законное недоверие и недоумение.

В газете «Альберийский рабочий» появилось несколько статей Гонсало, посвященных «делу» Ренара и имевших небывалый успех. Несмотря на небольшой тираж газеты, статьи эти, полные ядовитого сарказма,

приобрели широкую известность среди альберийцев. Миллионы альберийцев начинали понимать, что история с Ренаром — лишь грязная полицейская провокация.

Статьи Гонсало вызвали у чиновников озлобление к их автору. Инспектор охраны политического и социального порядка Варгас, говоря о коммунистическом органе печати, высказал мысль, что нельзя терпеть в христианской и цивилизованной стране подобный очаг смуты и беззакония. Мысль «государственного деятеля» в скором времени воплотилась в конкретной форме. Несколько хулиганов, ворвавшихся в редакцию и побивших там мебель и стекла в окнах, а также подозрительное отсутствие полиции при этой «операции», достаточно наглядно продемонстрировали недовольство хозяев.

Уже вскоре после появления статей Гонсало во многих городах Альберии возникли «Комитеты по защите Ренара и Гаррета». Гонсало, неутомимо разъезжавший по стране и выступавший на многочисленных митингах, не раз подвергался опасности. Пытаясь устроить какую-нибудь провокацию, агенты сысского бюро следили за каждым его шагом.

Утром 12 июля Гонсало вернулся в Бабель, чтобы выступить на готовящемся там митинге. В те дни в городе проходила одна из крупнейших за последние годы забастовок портовых рабочих, моряков и грузчиков. В крупнейшем в мире Бабельском порту всё замерло. На всем протяжении колоссальной причальной линии, составляющей несколько сотен километров, — мертвая тишина. Остановились промышленные предприятия, тянувшиеся вдоль пирсов. Прекратили работу доки. Сотни судов, громадные океанские лайнеры, широкие металлические баржи, буксиры и катера стоят неразгруженные, с потухшими топками у причалов. Точно насторожившись, застыл лес всевозможных подъемных кранов.

В день приезда Гонсало бастующие моряки и грузчики Бабельского порта вышли на демонстрацию.

Десятки тысяч матросов, кочегаров, рабочих, грузчиков, стюардов, служащих порта шли по улицам города по направлению к площади, где должен был состояться митинг. Толпы рабочих, выстроившихся вдоль тротуаров, криками приветствовали демонстрантов и присоединялись к ним. Активное участие в организации демон-

страции принял «Комитет по защите Ренара и Гаррета». Многие демонстранты несли плакаты с требованием немедленного освобождения Ренара и Гаррета.

Бабельский комитет Коммунистической партии, все время поддерживающий стачку моряков и портовых рабочих, являлся организатором демонстрации. Члены стачечного комитета, передовые рабочие и коммунисты, среди которых находился и Гонсало, возглавляли грандиозное шествие.

Улицы были запружены массой народа, движение полностью прекратилось, хотя полицейские намеренно направляли весь поток грузового транспорта по главной магистрали, где шли демонстранты.

Неожиданно с противоположной стороны появились сотни мотоциклов. Это была полиция. За мотоциклистами двигалось несколько десятков грузовиков с полицейскими.

Люди еще не успели опомниться, как десятки мотоциклистов врезались в толпу. Из машин выскочили полицейские и сыщики, одетые в гражданское платье. Они набросились на демонстрантов и начали избивать дубинками всех, кто попадался им под руку. Один полицейский капитан, стараясь, чтоб его услышали в поднявшемся шуме, громко кричал: «Забирайте каждого, у кого есть лозунги и плакаты, и бейте без пощады!» Демонстрантов сбивали с ног, били кулаками по лицу, топтали ногами. Тех, кто оказывал сопротивление, волочили к полицейским машинам и, раскачав, бросали внутрь. Вдруг в толпу полетели слезоточивые бомбы и бомбы с рвотным газом. Едкий голубой дым клубился в воздухе и разнесся ветром по улице удушливой волной. По лицам людей заструились слезы, едкий газ, словно петля, сдавливал горло.

Неожиданно Гонсало оказался в самой гуще завязавшейся уличной свалки. Почти ничего не видя из-за застилавшего глаза ядовитого тумана, он начал выбираться из толпы. Он собирался уже свернуть в ближайший переулок, когда неожиданный сильный удар по голове полицейской дубинкой оглушил его. Он упал. Очнувшись, увидел над собой склонившегося человека с клювообразной физиономией. Затем он услышал его голос:

— А, это ты, голубчик! Куда же ты спешил, приятель?

Голос этот показался Гонсало знакомым. Всмотревшись, он узнал агента Круса из Центрального сысканого бюро, известного провокатора, которого он видел во время своего последнего ареста.

После того как Крус, посланный работать в лабораторию Ренара по заданию сысканого бюро, показал «недостаточное служебное рвение», он получил понижение по службе. Недовольное начальство послало сыщика на оперативную работу, и он лез из кожи вон, чтобы реабилитировать себя.

— Ребята! — вскричал Крус. — Я поймал опасную птицу. Этого парня я знаю. Он «красный» и уж, конечно, здесь заправила. Возьмите-ка его

Несколько дюжих полицейских схватили Гонсало и втокнули его в закрытую полицейскую машину.

Глава XIV

Небольшой поселок у подножья седого Казбека вырос за несколько недель. В суровую тишину гор ворвалась жизнь, стремительная и бурлящая, как потоки, несущиеся с гор. День и ночь не прекращается трудовой гул на строительстве первого в мире межпланетного вокзала. С вершины горы открывается грандиозная панорама стройки: нескончаемым потоком идут могучие автомашины-самосвалы, рычат экскаваторы, бульдозеры, скреперы; далеко, на несколько километров, протянулись гигантские ленты транспортеров; высоко в небе плывут на стальных тросах подвесной дороги пятитонные вагонетки с грузами.

Люди уже не удивлялись быстроте, с какой изменялся пейзаж. Вот, словно паутина, сплетенная исполинским пауком, выросли ажурные конструкции огромного ангара. Он пуст, но люди-муравьи, неустанно над чем-то копошатся там, двигаются мостовые краны, вспыхивают огни сварки. От ангара побежала вверх по склону горы широкая и прямая эстакада — взлетная полоса межпланетного корабля. С каждым днем она подымается всё выше и выше, преодолевая овраги и ледники и, наконец, достигнув серебрястой вершины Казбека, застывает.

Вот уже за паутиной ферм ангара можно видеть

гигантское сигарообразное тело, напоминающее не то фантастических размеров рыбу, не то чудовищную птицу, пойманную в металлические сети. В средней части ее блестят громадные двухметровые буквы:

СССР
ЦИОЛКОВСКИЙ

Да, первый космический корабль назван в честь великого основоположника астронавтики, неутомимого энтузиаста звездоплавания. Люди с удивлением смотрят на создание рук своих.

Сборка корабля закончена, но впереди еще непочатый край работы. Об этом прекрасно знают четверо советских ученых, хозяйским глазом осматривающих грандиозную ракету. На их долю выпала величайшая честь открытия эры полетов человека в космос.

Имена будущих астронавтов известны всей стране. Командир корабля конструктор Андрей Егорович Рошин прославился своими автоматическими ракетами, посланными на Луну. Его помощник профессор Петр Васильевич Коваленко, крупнейший знаток небесной механики, руководивший запуском многих искусственных спутников, возглавлял научную работу экспедиции. Самый молодой член экипажа штурман Сергей Владимирович Лядов был участником знаменитых стратосферных перелетов. Врач экспедиции кандидат медицинских наук Юсуп Габитович Касымов являлся автором оригинальных исследований в области астромедицины — этой новой науки, изучающей воздействие на человека необычных условий космоса.

Свыше года все они напряженно готовятся к небывалой экспедиции. Последние два месяца члены экипажа упорно тренируются в том, чтобы переносить перегрузку, возникающую при взлете ракеты. С этой целью они систематически совершают полеты на ионосферных самолетах, летающих в верхних слоях атмосферы на высоте 100—400 километров — в ионосфере.

Постепенно увеличивая ускорение при взлетах, будущие космонавты добились возрастания перегрузки в четыре-пять раз, перенося таким образом в течение шести-семи минут увеличение веса своего тела до 300—350 килограммов.

Надо сказать, что эти тренировочные полеты занимали сравнительно мало времени, хотя их общая протяжен-

ность равнялась нескольким окружностям экватора. Совершая однажды прыжок из Москвы в Аргентину, они не пожелали отдохнуть там хотя бы один день, так как у командира экипажа профессора Рошина был день рождения — ему исполнилось сорок лет. Друзья решили отметить эту дату на Родине, и к вечеру уже возвратились в Москву.

Ионосферные самолеты представляли собой две ракеты: задняя бескрылая ракета поднимала переднюю крылатую ракету с экипажем на высоту 25—30 километров и, израсходовав все топливо, отделялась от нее; затем вступали в работу двигатели передней ракеты, забрасывающие ее на высоту 300—500 километров. Затем ракета летела уже с выключенным двигателем в ионосфере, совершая свободный планирующий полет на гигантские расстояния в несколько тысяч километров. Начиная с момента свободного падения, пассажиры переходили от состояния перегрузки к полной невесомости. Жидкостный реактивный двигатель ионосферного самолета, работая только во время взлета, расходовал сравнительно немного топлива.

Эти ракеты развивали скорость свыше 12 000 километров в час, ибо летали на таких высотах, где атмосфера не оказывала практически никакого сопротивления.

Международные комиссии не успевали регистрировать рекорды, следующие один за другим. Перелет Москва — Владивосток был совершен за полчаса, прыжок из Москвы в Дели потребовал 35 минут. Стали обычными перелеты с Северного полюса на Южный. Так, перелет с постоянно действующей дрейфующей станции «Северный полюс» в Антарктиду занимал около 45 минут. Проходило немного времени, и недавние рекорды превращались в будничные события, прочно вошедшие в быт советских людей. Уже никого не удивляло, если москвичи или ленинградцы вылетали в воскресенье искупаться в Черном море и вечером возвращались.

Как ни велики были успехи реактивной техники, прежде чем организовать межпланетный перелет, надо было решить ряд важных проблем. По-прежнему вопрос о двигателе и источнике энергии для его работы являлся основным. Как известно, единственным двигателем, способным совершить подъем корабля и разогнать его до так называемой скорости отрыва 11—12 километров

в секунду, при которой космическая ракета, преодолевая земное притяжение, устремляется по параболе в бесконечность, является жидкостный реактивный двигатель. Только этот двигатель способен работать в безвоздушном мировом пространстве. Однако ракету для полета на Луну можно было построить, только имея особое топливо. Над созданием такого топлива работали сотни ученых, и их усилия увенчались крупным успехом. Теперь было решено использовать для полета на Луну не ракету с атомным двигателем, как предполагалось ранее, а ракету с жидкостным двигателем. Тем самым отпадали заботы о защите экипажа от опасного радиоактивного излучения.

Как ни сложна была задача постройки первого в мире космического корабля для полетов человека, коллективное творчество советских людей блестяще разрешило эту проблему. Металлурги создали высокопрочные сплавы легких металлов с удельным весом меньше, чем у железа, но не уступающие по прочности лучшим сортам стали. При помощи быстродействующих счетно-решающих машин и специальных испытаний была найдена конструкция, в которой не было ни одного лишнего грамма, а объем корабля использовался наиболее целесообразно. Внутри корабля отсутствовали перегородки, и всю нагрузку нес корпус ракеты.

С тех пор как закончилась сборка гигантского корабля, один из его создателей Андрей Егорович Роцин почти не покидал свое детище, занимаясь проверкой и налаживанием многочисленных механизмов. Впрочем, и остальные члены экипажа ревниво и кропотливо проверяли все, что относилось к их участку работы. Подбор снаряжения, испытание и проверка многочисленной аппаратуры занимали почти все время.

Каждому астронавту предстояло овладеть несколькими профессиями. Командир корабля готовился не только управлять двигателем, но и следить за всеми механизмами и устранять их неисправности. Его помощник профессор Коваленко серьезно занимался геологией. Помимо ведения астрономических наблюдений, физических и химических исследований, он должен был собрать на Луне минералогические и петрографические коллекции. Штурман Лядов побил рекорд в «совмещении профессий», собираясь выполнять обязанности радиста, картографа, астро-

нома, метеоролога и, наконец, кинооператора. Доктор Касымов деятельно готовился к роли биолога, физиолога, шеф-повара, завхоза и специального корреспондента столичной газеты.

Неудивительно, что каждый из участников экспедиции был загружен до предела. В напряженной работе незаметно проходило время. День отлета приближался.

Глава XV

Полицейский инспектор Гомес вместе с двумя помощниками был неожиданно вызван в местное управление полиции. Все трое ехали в открытой машине, изнывая от жары, от которой не было защиты. Автомобиль, подпрыгивая на каждой рытвине, уже в третий раз останавливался. Шофер вздыхая вылезал из машины, подымал капот и продувал насосом бензопровод.

Инспектор и его помощники ругаясь бродили около машины, безуспешно пытаясь найти тень. Инспектор Гомес постоянно прикладывался к фляжке. Все знали особенность инспектора: его круглое, как небольшой бочонок, брюшко, странно выделяющееся на тощей, длинной фигуре, способно было вместить содержимое целой спиртной лавки, и хотя пристрастие к спиртным напиткам было у Гомеса необычным, никто не видел его совершенно пьяным. Правда, никто не видел его и совершенно трезвым.

Они приехали после полудня. Начальника полиции уже не было. Он, не дождавшись, ушел, оставив дежурному сержанту инструкции для инспектора. Гомес долго и внимательно читал; буквы двоились у него в глазах. Вытерев потный лоб, он разразился руганью.

— Какого черта надо было трястись целых 30 миль по этой проклятой дороге! — возмущался он. — Подумаешь, срочный вызов. Ищут какого-то черномазого, а ты изволь всё бросать и мчаться сюда!

Успокоившись, он стал рассматривать фотографию негра и удивленно спросил:

— Послушай, сержант, убей меня бог, никогда в жизни я не мог бы подумать, что за поимку негра дадут тысячу диархов. Что это за негр? Может, он ограбил банк? — и в голосе его послышалось уважение.

— Да нет, это какой-то ученый негр, — ответил сержант.

Гомес поднял голову.

— Ученый негр, а теперь его ловят. И что за мода учить негров! Я бы устроил им академию на плантациях.

Как всегда, он нашел успокоение, приложившись к фляжке.

— Проклятье! Когда ты теперь довезешь нас домой на своем старом муле? — обратился он к шоферу, пряча флягу в карман.

— Надо выезжать немедленно, а то застрянем где-нибудь ночью, — ответил тот.

Компания снова уселась в машину. На обратном пути все происходило точно так же: шофер вылезал из машины и невозмутимо продувал бензопровод; инспектор замысловато ругался и уничтожал остатки виски; помощники его всю дорогу мирно дремали.

Машина уже сворачивала в темный, погруженный в сон переулочек, к дому инспектора, когда в стороне от дороги шофер увидел толпу народа. Остановив машину, он всмотрелся в темноту. Тусклый свет уличного фонаря дал ему возможность различить какого-то гиганта, стоявшего в центре толпы. Толпа, словно свора шавок, наседала на него со всех сторон.

Инспектор Гомес, порядком уставший, сидел, откинувшись на спинку сидения. Его осовевшие глаза слипались, и он с нетерпением ожидал, когда уже можно будет повалиться в постель.

— Что там? — недовольно заворчал он. — Какого черта ты остановился?

— Там какая-то драка, инспектор, — ответил один из помощников.

Гомес всмотрелся, подумав с досадой, что можно было бы в конце концов не заметить ее. Он не обязан, черт возьми, присутствовать на каждой драке. Через минуту он мог бы уже отдыхать. Но теперь было неудобно. Все-таки он инспектор охраны порядка, и его помощники должны это помнить.

— Ишь ты! — удивился Гомес, увидев, как исполин расшвырял, как щенков, несколько человек.

Когда Гомес заметил, что гигант упал и вся свора с криком и улюлюканием бросилась на него, он решил, что пора вмешаться. Еще, чего доброго, в его округе будет убийство, а это всегда связано с беспокойством. Он толкнул шофера в спину:

— А ну, поворачивай туда своего мула.

Резкий свет фар на мгновение ослепил толпу. Инспектор вылез из машины, стараясь придать себе величественную осанку. Вместе с ним из автомобиля выскочили его помощники.

— Что здесь происходит? — начальственным тоном загремел Гомес.

Толпа на минуту притихла. Золоченые бляхи инспектора и его помощников, их револьверы в массивных кобурах подействовали отрезвляюще.

— А ну разойдись, ребята, — говорили полицейские, стараясь пробраться к лежащему человеку.

Толпа неохотно расступилась, и подошедший Гомес увидел лежащего на земле негра. Лицо его было в крови, на голове — большая рана.

— Кто это? — спросил он.

Толпа молчала. Никто не мог ответить на вопрос. Наконец, кто-то сказал:

— Какая разница, инспектор, кто он. Он ударил белого. Вот что важно.

Конечно, за такое преступление негра следовало немедленно повесить... И в другое время, сделав вид, что он «не заметил» этого происшествия, Гомес не препятствовал бы этому, но сейчас его поразило сходство негра с приметами разыскиваемого. Действительно, тот же рост, то же могучее сложение. Очевидно, об этом подумали и его помощники, так как понимающе переглянулись.

«Неужели тысяча диархов плывут сами в руки?» — не веря такой удаче, подумал Гомес. Он вынул инструкцию, развернул ее и, свирепо крикнув кому-то: — А ну отойди от фар! — стал рассматривать фотографию. Сомнений не было, этот негр — Педро Гаррет. Инспектор ликовал.

Грозно посмотрев на толпу, он повелительно крикнул:

— А кто позволил нарушать закон? Кто разрешил самоуправство? Этого негра разыскивает полиция и его повесят законным образом. А теперь разойдись и живо!

Но толпа не желала расходиться. Почувствовав, что жертва может от них ускользнуть, все опять начали волноваться.

— Ну, разойдись, разойдись, ребята, — примирительно говорили полицейские, — давайте поспокойней.

Но «ребята» не успокаивались. Расталкивая толпу,

к Гомесу подошел пьяный плантатор, из-за которого произошла драка.

— Послушай, инспектор! Этот негр ударил меня. И говорю тебе, Гомес,— ты меня знаешь,— лучше не мешай нам вздернуть эту черномазую дылду. Мы всё равно не отдадим негра.

— Прочь отсюда! — взревел инспектор. — Тащите негра в машину,— приказал он стоявшим поблизости. Но те отошли в темноту, а в толпе раздались угрожающие крики.

— Никуда ты не увезешь негра, инспектор! Мы должны проучить его!

— Прокोलите скат в машине! Они не потащат его на спине,— крикнул кто-то в толпе.

Несколько человек направилось к машине. Гомес выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в воздух. Этот выстрел, прозвучавший неожиданно громко, заставил их остановиться. Инспектор был в бешенстве. Страх потерять тысячу диархов сделал его решительным, и на удивление всем он проявлял непонятное рвение в выполнении служебного долга.

— Пристрелю, как собаку, каждого, кто подойдет к машине или негру! — крикнул он, угрожающе наводя дуло револьвера на толпу.— Всех, кто здесь останется через две минуты, я арестую!

Его помощники также вынули револьверы. Толпа притихла и начала медленно расходиться. Тогда инспектор с помощниками подняли негра и усадили его на заднее сидение машины. Гомесу уже не хотелось спать. Он радостно потирал руки, довольный собой.

— Везите негра ко мне. Я спрячу его до утра в сарае. Надо будет постеречь его. А то, чего доброго, компания опять явится.

Но беспокойство инспектора было напрасным. Люди разошлись по домам. На следующий день Гомес благополучно доставил негра в местное управление полиции.

При обыске у Педро нашли письмо Гонсало.

Спустя некоторое время Педро отвезли в Центральную бабельскую тюрьму.

Глава XVI

К Педро применили самые изощренные пытки, но заставить его говорить не удалось.

И тогда добиться от Гаррета нужных сведений взялся сенатор Баррос. После промаха с Ренаром он безуспешно искал способов восстановить свой былой престиж. Желанию сенатора не стал препятствовать шеф Бабельского отделения сыскного бюро Варгас. Палачи, потерпев неудачу, проявили к замыслу Барроса чисто профессиональный интерес. Заключалось пари: удастся ли «старому болтуну» добиться чего-нибудь от негра или нет? Высказывались разные предположения о «способах» Барроса, но никому и в голову не приходил садистский план, какой возник у него.

Приехав в тюрьму, сенатор попросил привести к нему заключенного. Зная атлетическую силу Педро, он особенно предупредил, чтобы проверили кандалы на его руках и ногах.

Когда ввели Педро, Баррос с удовлетворением убедился, что на заложенных за спину могучих руках арестованного надеты надежные наручники. В течение длительной паузы сенатор, сидевший за столом и воображавший себя глубоким психологом, изучал негра.

— Как же это получается, Гаррет, — наконец начал он соболезающим тоном. — Такой хороший негр и вдруг оказался государственным преступником? Я только не пойму, почему ты проявляешь такое упрямство и не говоришь, где хранятся материалы по препарату. Разве ты не видишь, что коммунисты толкнули тебя на плохую дорогу? Ты передал их этому красному Гонсало и хочешь, чтобы они попали в руки врагов Альберии? Говори прямо, негр, я не собираюсь делать тебе ничего плохого.

— Я считаю, что у Альберии не будет врагов, если мы будем поступать так, как профессор Ренар, — сказал Педро.

— Ну, ты просто наивный и глупый негр, хотя и ученый. Из-за твоего упрямства задерживается полет на Луну. Ведь без препарата невозможно отправиться в рейс.

Педро молчал.

— Так ты, значит, не скажешь, где хранятся материалы?

— Нет.

— Ну что ж, очень жаль, что ты такой неразумный и вынуждаешь применять к тебе крайние меры. Ты хотел бы видеть своих родных? Я доставлю тебе это удовольствие.

Глаза Педро удивленно расширились, и он с тревогой посмотрел на Барроса. Заметив, что его слова произвели на Педро впечатление, Баррос, не торопясь, тихим голосом, продолжал:

— Их привезут на полигон в пустыне Могада, где испытывают новейшие атомные бомбы, и предложат пройти по зараженному полю. Нам же надо испытать, в конце концов, действие снарядов Диаса. Тебя, негр, мы тоже свезем туда, чтобы ты полюбовался на их прогулку, хотя одного твоего слова будет достаточно, чтобы их немедленно отпустили домой.

Слова сенатора долго не доходили до сознания Педро. Наконец он понял их ужасный смысл. Непреодолимое желание уничтожить, раздавить сидящее перед ним отвратительное существо, охватило Педро. Задыхаясь от гнева, он яростно рванулся. Цепи его залязгали и заскрипели. Вбежавшие часовые схватили его за плечи. Он успокоился, и только взгляд его, полный неукротимой ненависти и презрения, обжигал Барроса.

— В твоём распоряжении, негр, — произнес тот, — остается время до 12 часов ночи. Если ты не передумаешь, все будет так, как я тебе говорил.

Педро увели, а Баррос отправился к Варгасу и рассказал ему о своём «блестящем» плане. На самодовольном лице Варгаса с жесткими черными усиками на толстой губе отразилось искреннее удивление. Он сознался, что подобный план сделал бы честь любому деятелю сыскного бюро. В глубине души он испытывал сильное чувство досады из-за того, что такая «великолепная» идея созрела не у него. Тем не менее он не показал своего недовольства и обещал организовать арест семьи Гаррета, если негр до 12 часов ночи не одумается.

— Но ведь вы знаете, — предупредил его Баррос, — что это может вызвать грандиозный скандал, поэтому все надо делать без лишнего шума. При аресте родных Гаррета следует объяснить им, что через несколько дней они будут отпущены; их везут, якобы, только для допроса по делу члена их семьи, оказавшегося государственным пре-

ступником... Нам нужно только, чтобы Гаррет увидел их на полигоне, когда мы привезем его туда. Он не догадается, что мы хотим лишь поугубить его. Эти черномазые доверчивы, как дети.

Прошла ночь. Педро молчал, и только тяжелые стоны доносились по временам из его камеры.

Поселок Кервил был похож на взбудораженный улей. Старожилы не знали еще подобного случая.

Никто не мог припомнить, чтобы целую семью вывели ночью на полицейском автомобиле неизвестно куда.

Ходили самые невероятные слухи: одни говорили, что Педро собирался бросить бомбу в здание ареопага Альберии, что он знает какой-то важный секрет и не хочет сообщить его правительству. Утверждали даже, что Педро покушался на жизнь короля. Но толком никто ничего не знал.

Глава XVII

Спустя неделю после испытания снарядов Диаса пригласили присутствовать при изучении действия радиоактивного излучения на зараженной местности. Сообщали, что предварительные опыты над животными, которых загоняли на зараженную территорию, дали нужные результаты: животные гибли через 10—12 часов. Теперь предстоял еще последний, как сообщили ему, решающий опыт. Диас не имел желания ехать, но позвонивший ему по телефону генерал Рамирес просил его непременно присутствовать.

— Я хотел бы поговорить с вами о вопросе, непосредственно касающемся вас, — заявил он Диасу.

Последнее время Диасу опостылела его работа. Иногда у него даже появлялось желание порвать с Сан-Луи и уехать. Но он находил десятки доводов, не позволявших ему сделать этого шага: с клеймом «нелояльного» его не примет на работу ни одно государственное учреждение, и тогда его удел — безработица, нищета. Не так-то легко расстаться со всеми материальными благами, к которым он так привык.

Диас сидел в машине, мчавшейся по знакомому асфальтированному шоссе, и с мрачным видом смотрел на мелькавшие перед ним пески. Лишь одинокие кактусы, похожие на гигантские подсвечники, вносили разнообра-

зие в этот унылый пейзаж. Подъезжая к полигону, Диас вдруг увидел, как в небольшую норку юркнуло желтоватое тело суслика. Оказывается, и в этом месте, казалось бы проклятом самой природой, есть жизнь. А благодаря ему, ученому, уже создана радиоактивная пустыня, где не может существовать ничто живое.

На полигоне, кроме Барроса, Рамиреса, представителя Центрального разведывательного управления и нескольких вооруженных полицейских, никого не было. Направляясь к наблюдательному пункту, Диас увидел странную группу: высокая негритянская девушка поддерживала старую, седую, сморщенную, как высушенное яблоко, негритянку. Рядом с ними с решительным видом стояли два черных юноши лет 14 и 16. Недалеко от них сидел полицейский с автоматом и с безразличным видом жевал резинку.

Сцена эта, такая необычная здесь, где за сотню миль нет жилья, настолько ошеломила Диаса, что он долго не мог понять, что от него хочет подошедший Рамирес.

Генерал, взяв его под руку, без умолку тараторил:

— Я хотел бы сделать вам одно предложение, которое, я полагаю, вас заинтересует. Нам необходимо разработать строгую классификацию ваших снарядов по длительности радиоактивного заражения, например, в пределах от нескольких часов до нескольких недель. Вы не представляете, какую бы это внесло гибкость и маневренность при разработке штабами той или иной операции. В ближайшее время мы перейдем уже к внедрению ваших снарядов в производство. При Комитете национальных ресурсов создается специальная комиссия, цель которой координировать деятельность научно-исследовательских работ по классификации бомб и оказывать практическую помощь заводам.

Рамирес помолчал и затем конфиденциальным тоном произнес:

— Позвольте вас поздравить, молодой человек. На пост председателя этой комиссии намечается ваша кандидатура. Надеюсь, черт возьми, вас устроит такой поворот в вашей карьере?

В другое время Диас был бы обрадован таким предложением, но теперь он с трудом разбирал, что ему говорил генерал. К удивлению Рамиреса, он не проявил никакого энтузиазма, сказав только:

— Благодарю. Я должен подумать.

Одна мысль все время мучила Диаса. Не выдержав, он спросил Рамиреса, указав на негритянское семейство:

— Скажите, генерал, что это за люди?

Рамирес рассмеялся.

— Вы не читали сегодняшних газет? — спросил он и протянул Диасу номер «Бабельского вестника».

Диас развернул газету. Крикливые заголовки что-то сообщали о Ренаре, но он ничего не понял.

— Можете не читать текста, — сказал Рамирес, — в этих сообщениях вы все равно толком ничего не разберете. Я сам вам расскажу, в чем дело. Представьте, Ренар и его помощник, негр, забыл, как его фамилия, выкинули номер, который чуть было нам дорого не обошелся. Впрочем, еще неизвестно, чем все кончится. Дело в том, что они решили передать свой препарат красным, а пока упрятали куда-то все материалы исследований. Ну не открытое ли это предательство, Диас? Я бы за это расстреливал без суда.

Диас вздрогнул.

«Жалкий, трусливый глупец, — подумал он о себе, — когда Ренару и Гарриету стало ясно, что их открытие собираются варварски использовать против человечества, они, не колеблясь, мужественно вступили в борьбу. А что сделал ты с тех пор, как узнал, что снаряды твои — наступательное оружие, несущее страшную гибель!»

— Ну, так Ренара арестовали, — продолжал Рамирес, — а негра, пытавшегося скрыться, поймали. Но негр оказался очень строптивым, и от него никак не удастся добиться сведений, где хранятся материалы. Уж на что опытные в этих делах ребята из сыскного бюро — и те отказались. И вот тогда, — вы только подумайте. Диас, — добиться от негра признания взялся Баррос! Старик задумал устроить спектакль в пустыне. Он договорился, чтобы сюда привезли семью этого негра, якобы для проведения над ними испытания, и предлагает ему выбор: или сообщить, где материалы, или совершить семейную прогулку по этой поляне. Но какова старая бестия! — восхищенно подмигнул он Диасу. — Подумайте, он превзошел самого Варгаса!

Чувство омерзения охватило Диаса. Он был бледен, лицо его выражало страдание.

Рамирес, заметив его состояние, удивленно спросил:

— Вы, кажется, больны, старина? Что с вами?

Диас ничего не ответил, он смотрел в другую сторону. По асфальтовой ленте мчалась закрытая полицейская машина.

Автомобиль быстро приближался и через несколько минут въехал на полигон.

Рамирес, не выпуская локтя Диаса, направился к небольшой группе людей, среди которых был Баррос. Сенатор волновался, чувствуя себя режиссером на премьере. Успех постановки зависел от поведения Педро.

Машина остановилась. Выскочивший из нее полицейский распахнул дверцу.

Педро, низко пригибаясь, вылез и, потягиваясь, расправил онемевшие мускулы. На руках у него были кандалы. Лицо, серое от бессонной ночи, говорило о невыносимом страдании.

Все присутствующие застыли в напряженном внимании, ожидая чего-то необыкновенного. Стало тихо. Лишь металлический звон цепей нарушал мертвую тишину пустыни. Педро осмотрелся; заметив Барроса, он перевел взгляд и вдруг увидел своих родных. В немом изумлении, совершенно не понимая, в чем дело, они широко раскрытыми глазами смотрели на Педро.

Как ни был подготовлен Педро к этой встрече, где-то в глубине его души теплилась надежда, что угрозы Барроса лишь иезуитский способ добиться от него нужных сведений. Но сейчас он понял, что надежды больше нет.

Он рванулся с такой невероятной силой, удесятеренной охватившим его гневом, что цепи не выдержали. Оттолкнув стоявших около него полицейских, Педро побежал прямо на Барроса. Лицо его, горевшее ненавистью, было страшно, белки глаз резко выделялись на черно-сером, измученном лице. Теперь он боялся только одного: как бы ему не помешали уничтожить этого человека.

Баррос побледнел; он с ужасом смотрел на приближавшегося негра.

Сержант полиции, вскинувший автомат, прицелился в бегущую фигуру, но не решался выстрелить.

— Какого черта вы мешкаете, сержант? — закричал испуганно Рамирес.

Раздался выстрел. Пуля задела плечо Педро, но он не обратил на это внимания. Еще несколько метров — и цель достигнута.

И тогда генерал Рамирес, поняв, что этот безоружный, но доведенный до иступления негр может наделать немало бед, поспешно вынул автоматический пистолет и хладнокровно всадил всю обойму в надвигающуюся черную массу. Педро согнулся и, пройдя еще несколько шагов, рухнул. Темные ручейки крови быстро исчезали, впитываясь в песок.

Невозмутимый генерал вложил пистолет в кобуру и, обращаясь к бледному и трясущемуся Барросу, заметил: — Ваш психологический эксперимент, сенатор, кажется, не удался.

Диас бросился к Педро и вместе с подошедшим сержантом осторожно перевернул его на спину. Затем он приложил ухо к его груди. Педро был мертв. Одна из пуль попала в сердце. Диас поднялся и долго смотрел на убитого. Сердце его бешено колотилось.

Он очнулся от криков и причитаний старой негритянки, вырвавшейся от полицейских и бежавшей к убитому.

— Что с вами, молодой человек? — холодно спросил оправившийся от испуга Баррос. — Не находите ли вы, что эта чрезмерная чувствительность здесь совсем неуместна?

Диас с ненавистью посмотрел на него.

— Когда-нибудь, — медленно произнес он, — ученые объяснят, откуда на свете берутся такие негодяи, как вы. А этим делом я займусь сам и позабочусь, чтобы обо всем, что здесь произошло, стало известно.

Диас повернулся и решительно зашагал к машине. Баррос удивленно и злобно смотрел ему вслед. Затем он обернулся к Рамиресу и с глубокомысленным видом произнес:

— Надо полагать, что негр сам искал смерти, чтобы избавиться от мучений

— Безусловно, — согласился Рамирес.

Глава XVIII

Нельзя сказать, чтобы Фонте Крус был очень уродлив. Просто тщедушный человечек со злобно бегающими глазками вызывал у всех чувство брезгливости и презрительной жалости. Он был предметом издевательских шуток, объектом насмешек, мишенью для остряков. Крус

все сносил, но в груди его накапливалась тяжелая ненависть к своим обидчикам. Злобствующий пигмей болезненно завидовал физически крепким людям, их громким голосам, свободным манерам, смеху.

А женщины! Они смотрели на него с недоумением и насмешкой, словно на насекомое, и Крус невыносимо страдал от их взглядов. О, как он мечтал заставить этих людей, если не уважать себя, то хотя бы бояться. С годами мечта эта окрепла и превратилась в цель его жизни. И он твердо знал: его желание осуществимо. Есть безошибочное средство, проверенное, как таблица умножения. О, если бы он был богат, очень богат! Как изменилось бы все тогда! Разве осмелился бы кто-нибудь бросить на него дерзкий, насмешливый взгляд или презрительно рассмеяться в лицо? Нет, в глазах мужчин он видел бы заискивающее выражение, а женщины дарили бы ему нежные и пылкие взгляды. Со страстной верой фанатика Крус терпеливо ждал, когда жизнь даст ему возможность крупно сыграть.

И вот судьба, наконец, послала Крису случай, о котором он мечтал долгие годы. В тот день, когда подслушал разговор Ренара с Линье, он понял, что то было благословение свыше, перст судьбы, наградившей его за неотступную веру. В голове агента созрел тогда план, потрясший его своей простотой. Он был немного рискованным, этот план, но разве можно достичь заветной мечты, не рискуя? И Крус рискнул.

* * *

Как-то ясным сентябрьским утром господин Оливейра сидел в своем кабинете и с мрачным видом читал обращение к нему группы акционеров, категорически требующих созыва общего собрания общества «Альберия — Луна».

С тех пор как неудачи преследовали его одна за другой, Оливейра, думая о выходе из создавшегося положения, ничего не мог придумать лучшего, как удрать. Оставалось только выбрать наиболее удобный момент, чтобы понадежней спрятать концы в воду.

Погруженный в тягостные размышления, господин Оливейра не заметил, как массивная дверь слегка приоткрылась, и в комнату, словно мышь, проскользнул плюгавенький человечек. Оливейра заметил его, когда

неожиданный посетитель сел в кресло у ломберного столика, стоявшего возле стены. Его маленькие ноги, закинутые одна на другую, не доставали пола. Взгляд бесцветных глаз, устремленных на Оливейра, был самоуверен, а лицо выражало отчаянную решимость труса.

— Что вам здесь надо? — удивился Оливейра, приняв Круса за одного из назойливых акционеров. — По вопросам возвращения участков я не принимаю.

В ответ на это замечание незнакомец усмехнулся и, вдруг вскочив, обежал кабинет, внимательно осматривая все стены. Закончив осмотр, он подошел к столу и, наклонясь к дельцу, тихо спросил:

— Есть спрятанные звукозаписывающие аппараты?

— Какого черта вам здесь надо? — повторил опять Оливейра, подумав, что неизвестный сбежал из сумасшедшего дома.

— У меня важное дело к вам, — спокойно произнес незнакомец и опять повторил свой вопрос.

Оливейра недоуменно пожал плечами.

— Если я вам скажу «нет», этого будет достаточно?

— Для большей уверенности я осмотрю еще раз.

— Ну валяйте. Смотрите.

Впрочем, поведение незнакомца как раз свидетельствовало о его здравом рассудке. В Альберии настолько распространился электронный шпионаж или, как его называли «снуперизм», что где бы ни оказывались альберийцы — в номере отеля, в ресторане, в учреждении, общественном месте или частной квартире — они не были уверены, что их разговоры не подслушивают.

Небольшой микрофон-снупер размером с монету находили в самых неожиданных местах: под скатертью стола, под матрацем кровати, в кармане пиджака, на шасси автомашины и т. д. Техника электронного шпионажа непрерывно совершенствовалась. Появились снуперы, улавливающие шепот на расстоянии десятка метров. Специальная «микрофонная пушка», нацеливаемая на собеседников, стоящих на расстоянии почти в километр, позволяла отчетливо слышать каждое слово беседующих. По городам разъезжали автомашины с установками для улавливания разговоров в любой квартире, в которую подброшен снупер.

Крус тщательно осмотрел и простучал все стены, приподнял картины, залез под диван, отодвигал стулья.

Наконец он подошел к двери, прикрыл ее и снова сел на стул.

— У меня имеется препарат Ренара,— понизив голос, с таинственным видом сообщил наконец он.

Оливейра вздрогнул от неожиданности и с удивлением взглянул на странного пигмея. Хитрый делец сразу почувствовал серьезность разговора, однако с деланным равнодушием спросил:

— Ну и что же?

— Он, кажется, вам не нужен? — усмехнулся человек.

— Да как вам сказать, во всяком случае, не очень.

— Ах вот как, тогда наша беседа не состоится,— и незнакомец встал, собираясь уходить.

Оливейра судорожно соображал, что ему делать. От препарата зависело все, только в нем спасенье от краха. Упустить этого человека нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Стойте,— вскрикнул он, когда тот взялся за дверную ручку.

Незнакомец остановился, заранее зная, что ему не дадут уйти. Оливейра торопливо подошел к двери и, заслонив ее своим грузным телом, спросил, глядя на него в упор.

— Откуда у вас препарат? Где вы его взяли?

— Для вас это не имеет решительно никакого значения.

— Нет, имеет! — воскликнул Оливейра и, подойдя вплотную к Крузу, произнес:

— Вы украли препарат — не отпирайтесь! Об этом сообщил сам Ренар.

С этими словами он закрыл дверь на замок и, положив ключ в карман, подошел к телефону.

— Я позвоню сейчас в полицию,— сказал он, поднимая трубку.

— Вам все равно никто не поверит,— произнес агент, развалившись в кресле, в котором почти утонул.— Я личный осведомитель господина Варгаса, инспектора охраны и политического порядка,— и Крус, отогнув лацкан пиджака, показал изумленному дельцу значок сыщика. — Кто поверит вашему бездоказательному заявлению? — добавил Крус, довольный произведенным эффектом.

— Так что же вы, черт возьми, хотите? — растерянно спросил Оливейра.

— Вот с этого надо было начать. Что я хочу? Будем говорить в открытую. Мне прекрасно известно, как нужен вам препарат. Вы готовы на все, чтобы получить его. Я мог бы запросить любую цену, но я не грабитель, прошу за препарат не так много.

— Послушайте, вы же негодяй!

— Вполне возможно, но не больше, чем другие.

— Сколько? — мрачно спросил Оливейра после небольшой паузы.

— Пятьсот тысяч диархов.

— Вы с ума сошли! — вскричал бледнея Оливейра. — Это шантаж. Я все-таки позвоню в полицию. Там разберутся. Разве то, что вы находитесь у меня, не доказывает ваше преступление?

— Я у вас с официальным визитом, — захихикал Крус. — Проверка лояльности сотрудников. Ваша компания находится с некоторых пор под контролем королевской инспекции. И предупреждаю, если вы попытаетесь действовать через полицию — я уничтожу препарат. Вряд ли вы будете в этом заинтересованы.

Оливейра прошелся несколько раз по кабинету.

— Черт побери, у вас мертвая хватка. Ну, что ж. Препарат действительно мне нужен дозарезу. Но вы заломили чудовищную цену. Это грабеж. Я даю вам сто тысяч диархов.

«Кажется, рыбка клюнула», — подумал Крус и твердо заявил:

— Ни одним диархом меньше!

— Тогда проваливайте ко всем чертям, — вспылил Оливейра. — Вам дают хорошую цену. Я сам поеду к Варгасу и расскажу ему о ваших проделках!

Крус только улыбался, его спокойствие начинало выводить Оливейра из себя.

— Ну, хорошо — двести тысяч, и на этом кончим.

В голове Круса что-то закружилось; он чувствовал, как у него спирает дыхание. Но он еще держался.

— Хорошо, я уступлю. Только из патриотических соображений. Триста тысяч — моя последняя цена.

«Кто бы подумал, что этот сморчок может так схватить за горло. Вот хитрая бестия!» — с профессиональным восхищением подумал делец. Он выпил стакан

содовой и, мысленно проклиная агента и все на свете, произнес:

— Ну хорошо. Согласен. Но вы получите чек после того, как будет проверено действие препарата.

— Я всё предусмотрел, — едва сдерживая охватившую его радость, воскликнул Крус. Он вскочил и извлек из кармана небольшую коробочку с двумя ампулами зеленоватой жидкости. — Остальные ампулы спрятаны, — пояснил Крус. — Введите препарат хотя бы моей собачонке и поместите ее около работающего атомного двигателя.

— Отлично. В действии препарата должен прежде всего убедиться Линье. Он сам проделает этот опыт. Я вызову его сейчас.

— Прежде чем звать господина Линье, прошу вас выслушать меня внимательно, — заговорил осторожный Крус. — Как только препарат будет проверен, я отведу вас в место, где он хранится. Запомните: нас должно быть только двое. Там вы подпишите чек, а я вручу вам препарат.

— Хорошо. Договорились. Когда приступим к опыту?

— Чем раньше, тем лучше. Внизу я оставил собаку. Сейчас я принесу ее, и мы здесь же сделаем инъекцию.

Когда Крус собирался выходить, дверь неожиданно распахнулась и чуть не ударила его. В комнату вошел Линье. Конструктор тотчас же узнал невзрачного «сотрудника профессора Ренара» и не мог удержаться от улыбки при виде совпадения обстоятельств их встреч.

— Я же вам сказал еще в «Эскалоне», чтобы вы берегли свой нос, — сказал он.

— Мое почтение, сеньор Линье, мы еще увидимся с вами, — проговорил на ходу Крус и исчез из комнаты.

— Что делала здесь эта обезьяна? — спросил Линье.

— Этот плут преподнес вам сюрприз, а мне новые расходы, — и Оливейра рассказал обо всем, что произошло.

Линье возмущался и смеялся. Неожиданная возможность осуществить свою цель словно воскресила его.

— Я думаю, это последние ваши затраты, — успокоил он дельца. — Если препарат будет действовать, я найду попутчика, и мы вылетим в ближайшее время.

— Но каков проходимец! Так припереть к стенке! — восклицал Оливейра не то с уважением, не то с возмущением. — В молодости вот так точно и я схватил своего

компаньона за горло. Это было чертовски ловко. Лет пятнадцать тому назад я скупал леса...

Закончить свою историю господину Оливейра не удалось, так как в кабинет вошел запыхавшийся Крус. На поводке он вел суетливого фокстерьера.

— Вот наш подопытный, — заявил он. — Сейчас я сделаю собаке впрыскивание препарата.

Он надел фокстерьеру намордник, ловко связал ему ноги и, положив его на стол, попросил Линье придержать собаку. Затем извлек из кармана шприц, набрал в него из ампулы жидкость и сделал животному инъекцию.

— А теперь, господа, — заявил он, — я оставлю вас. Через две недели я позвоню.

На следующий день Линье выехал в Кавилью, где в горах, в глубокой пещере, испытывался атомный двигатель. Люди не входили в пещеру, и все сведения о результатах испытания давали автоматические приборы.

При помощи специального механического робота, управляемого с безопасного расстояния, две собаки — такса и фокстерьер — были помещены вблизи работающего двигателя и находились там в течение 30 минут.

Симптомы лучевой болезни обнаружались у таксы сразу же после опыта, и на следующий день она погибла. Фокстерьер был невредим. В течение двух недель у него не появилось ни одного признака заболевания.

Удачное окончание опыта подтвердило уверенность Линье, и он дал согласие на полет. В тот же день Оливейра выполнил условия, поставленные ему Крусом, и вручил конструктору драгоценную коробку с ампулами.

Глава XIX

Шеф бабельского сыскного бюро Варгас был в отличнейшем настроении. Он с удовлетворением перебирал в памяти все недавние события, и на его квадратном невыразительном лице появлялась самодовольная улыбка. События последних дней красноречиво подтвердили его давнее философское заключение об изменчивости человеческой судьбы и о том, что никогда не следует спешить с оценкой фактов. Еще не так давно ему угрожала крупная служебная неприятность, его карьера могла резко оборваться.

Попытка сорвать демонстрацию моряков и портовых рабочих не удалась. Не помогли все энергичные меры, предпринятые Варгасом, в том числе и применение по его инициативе нового «рвотного» газа. И тогда в столице усомнились, способен ли Варгас «действовать решительно и беспощадно». А это почти означало конец карьеры.

Но, вероятно, судьба всё же хранила Варгаса. Спустя два дня после стычки с демонстрантами он получил сообщение о том, что разыскиваемый негр Педро Гаррет пойман и что при обыске его найдено письмо, написанное коммунистом Гонсало.

По необъяснимой случайности следующий документ, который прочитал Варгас, было донесение Круса об аресте им коммуниста Гонсало.

В восторге от возможности реабилитировать себя, Варгас бросился к телефону. Его донесение об аресте Гонсало вызвало одобрение самого министра. Воспользовавшись расположением начальства, Варгас попросил разрешения вести лично следствие над Гонсало, на что получил благосклонное согласие. При этом ему сообщили, что арестованный Гаррет будет переслан в бабельскую тюрьму для очной ставки с Гонсало.

Варгас ликовал: ему опять доверяли. Подчиненные с удивлением отмечали, что на лице начальника застыла довольная гримаса. Многим «счастливчикам» удалось тогда снискать его расположение, а тайный агент Крус, случайно попавшийся ему на глаза, тут же получил повышение по службе.

Но это радужное настроение продержалось недолго. Вскоре опять началась полоса неудач. Очная ставка Гаррета с Гонсало ничего не дала. Негр упрямо молчал. А тут еще Баррос со своим планом. Удайся ему этот опыт, и все — авторитету Варгаса пришел бы конец. Варгас измучился окончательно, не спал несколько ночей, и думал, думал... И тут опять фортуна улыбнулась ему. Да, пожалуй, он давно не чувствовал себя так уверенно, как теперь.

С торжествующей улыбкой Варгас перечитывал только что полученную правительственную директиву. В ней сообщалось, что на полигоне в пустыне Могада был «случайно» убит негр Гаррет. Теперь добыть необходимые сведения предлагалось от коммуниста Гонсало. Тут же выражалась надежда, что «богатый опыт» Варгаса помо-

жет ему успешно справиться с этой «почетной и ответственной задачей».

Варгас был удовлетворен: потирая от удовольствия руки, он думал о том, как заставить заговорить Гонсало.

Однако неожиданные события на некоторое время отвлекли его от этого дела. Все началось с того, что на другой день после убийства Гаррета в Бабель приехал Диас. Физик находился под впечатлением трагических событий на полигоне. Он чувствовал себя участником дикой расправы над Педро, спасшим ему дважды жизнь.

Охваченный ненавистью к убийцам Педро, Диас испытывал в тот момент потребность хоть чем-нибудь загладить свою позорную деятельность в Сан-Луи. Узнав, что «Комитет защиты Ренара и Гаррета» организует в Бабеле митинг, Диас решил выступить на нем и рассказать о кровавой инсценировке на полигоне в пустыне Могада. Выступление Диаса вызвало взрыв негодования.

Именно с тех пор агенты сыскного бюро сбились с ног, охотясь за «смутьянами», распространяющими листовки. Листовки, появлявшиеся неизвестно как в самых людных местах, требовали привлечения к суду сенатора Барроса и генерала Рамиреса, а также освобождения Ренара и Гонсало.

— Подумать только! Наглость коммунистов не знает предела, — говорил возмущенный Варгас. — Судить генерала только за то, что, защищая себя и окружающих, он убил какого-то взбесившегося непра! Нет, пора указать всем этим красным их настоящее место.

В городе было неспокойно: забастовка еще не кончилась, так как бабельские пароходные компании не удовлетворяли требования рабочих, а теперь прибавились новые причины народного гнева. Сплошь и рядом собрания и митинги заканчивались вооруженными столкновениями с полицией. Представители «Комитета защиты», направленные в столицу для переговоров с королем, не только не были приняты, но и не впущены во Дворец. Атмосфера все более накалялась. Никогда еще агенты сыскного бюро не имели столько «работы».

И тогда Варгас решил покончить с «беспорядками». В ночь на 21 октября он вызвал в город жандармский корпус и произвел массовые аресты. Набив тюремные камеры забастовщиками и издав приказ, запрещающий

под страхом тюремного заключения собрания и митинги, он считал, что восстановил в Бабеле спокойствие и порядок. Теперь, когда, по его мнению, «бунтовшики» были усмирены, пришло время по-настоящему заняться Гонсало.

Придя вечером к себе в кабинет, Варгас велел привести Гонсало. Гонсало вошел прихрамывая. Накануне он имел «пустяковую беседу» с помощниками Варгаса.

Инспектор сидел за массивным письменным столом с весьма важным видом. Его маленькие, словно стеклянные, глазки смотрели торжествующе.

— Садитесь, Гонсало, — благодушно начал он. — Надеюсь, вы себя чувствуете неплохо. Наши ребята, к сожалению, не умеют деликатно обращаться, — сокрушенно добавил он, заметив громадную ссадину на лице Гонсало и его припухший глаз. — Но не сердитесь на них. В сущности, они прекрасные парни, если их не раздражать.

Варгас откинулся на спинку кресла, весьма довольный собой, и усмехаясь посмотрел на арестованного.

Гонсало сел, решив не обращать внимания на издевательский тон инспектора. Варгас вынул зубочистку и несколько минут ковырял в зубах, сплевывая в сторону.

— Ну, вот что, милейший, пора кончать, — произнес он, наконец. — Игра ваша все равно проиграна. Вашу партию мы почти ликвидировали. Всё руководство сидит у меня в камерах. Самое разумное в вашем положении — выкладывать все начистоту. Советую в ваших же интересах не упрячиться, от вас потребуется очень мало: сообщить, где находятся материалы профессора Ренара, — и вы на свободе. Не сомневаюсь, что вам известно, где они хранятся.

— Вы ошибаетесь, — ответил Гонсало, — этого я не знаю. Письмо, которое я дал Гаррету, не дает оснований для таких утверждений.

— Бросьте валять дурака, — всё еще миролюбиво продолжал Варгас. — Ваше упорство ни к чему не приводит.

Гонсало молчал.

Варгас резко выпрямился в своем кресле и, взяв со стола карандаш, начал нервно постукивать им по столу. Всем своим видом он показывал, что отныне допрос

будет вестись только официально. Спокойствие Гонсало приводило его в ярость.

— Твой друг, этот черномазый Гаррет, тоже все задирает нос. Кэрчил из себя героя. А чем все кончилось? Его подстрелили как бешеную собаку на полигоне в пустыне. Поверь, что ты тоже так кончишь, и никто даже не узнает о твоём героизме. Прикинь-ка, стоит ли быть таким дураком.

Лицо Гонсало оставалось бесстрастным.

— Негр передал тебе все материалы Ренара,— продолжал Варгас.— Ты где-то их хранишь. Все улики против тебя. Будешь ты отвечать?

— Я могу повторить то, что уже говорил,— ответил Гонсало.

— Ну что ж,— вскричал Варгас с перекошенным от злобы лицом. — Ты еще не знаком по-настоящему с нашими парнями. Сегодня ты с ними познакомишься. Все, что было до сих пор,—ничто, пустяки. У нас есть много средств заставить говорить таких, как ты,—с профессиональной гордостью заявил Варгас.— Позови ребят! — крикнул он стоящему у двери полицейскому.

Из соседней комнаты вышли три сыщика. В одном из них, смуглом коренастом человеке с приплюснутым носом и непомерно длинными руками, Гонсало узнал знаменитого истязателя Акунья, который некогда был боксером. В руках он держал резиновую дубинку. Слухи о жестокости этого палача были такими, что несколько депутатов попытались даже заговорить о них в парламенте, но из-за поднявшегося шиканья их никто не расслышал.

В руках двух других палачей — атлетического сложения верзил с тупыми квадратными лицами — были хлысты из проволоки. Сыщик Акунья не торопясь снял пиджак, аккуратно сложил его и положил на стул. Засучив рукава, он потряс в воздухе резиновой дубинкой, словно проверяя исправность своего «инструмента». Волосатые руки и грудь, видневшаяся из распахнутой рубахи, придавали ему сходство с гориллой. Полицейский, стоявший у двери, принялся срывать с Гонсало одежду.

— В последний раз, будешь говорить или нет? — спросил инспектор.

— Нет,— ответил Гонсало.

Варгас вышел из-за стола и направился к стоявшему

в углу большому, сверкающему лаком радиоприемнику и включил его. Такая уж была здесь традиция: звуки музыки заглушали стоны истязаемых.

Варгас сел на стол, поставив одну ногу на стул, чтобы лучше наблюдать и руководить избиением, и собирался дать команду начинать, как вдруг музыка оборвалась. Теперь, после хаоса бешеных звуков, казалось, что в комнате воцарилась мертвая, почти ощутимая тишина. Вслед за тем в репродукторе раздался ясный голос диктора:

— Внимание! Передаем материалы Международной конференции по мирному использованию атомной энергии.

— Пойди настрой на танго,— сказал Акунья полицейскому.— Я люблю «работать» под танго,— пояснил он.

— Не надо! — закричал вдруг Варгас и, подбежав к приемнику, усилил звук.

— Сенсацией дня было выступление советского ученого Громова, сообщившего о крупнейшем достижении советской науки в области защиты от радиоактивных излучений,— продолжал диктор.— Советские биологи и врачи создали препарат, предварительная инъекция которого полностью защищает организм от губительного биологического воздействия радиоактивного излучения. Советский делегат предлагает всем научным и лечебным учреждениям любой страны ознакомиться с материалами научных исследований, произведенных в Советском Союзе.

На минуту и Варгас и Гонсало застыли в немом изумлении. Гонсало выпрямился и рассмеялся прямо в лицо Варгасу. Тот выключил приемник.

— Какого черта ты ржешь! — завопил он, приходя в ярость.— Уведите его.— крикнул он удивленным полицейским, которые так и не поняли, что же именно произошло.

Как только Гонсало увели, Варгас бросился к телефонному аппарату и попросил соединить его со столицей. К видеотелефону подошел сам главный инспектор охраны и политического порядка. Он выглядел немного растерянным. На вопрос Варгаса, не будет ли каких-либо изменений в связи с выступлением советского делегата, шеф поморщился и, не взглянув на собеседника, небрежно бросил:

— Ждите дальнейших инструкций,— и тотчас же исчез с экрана.

Едва Варгас повесил трубку, как в кабинет вошел агент сысского бюро Крус, исполняющий теперь обязанности личного осведомителя Варгаса. В руках он держал пачку листовок.

— Господин инспектор, — взволнованно заговорил он, — в городе снова беспорядки. Наши люди не успевают срывать со стен листовки. А на площади Свободы опять собрался громадный митинг.

В голове Варгаса мысли начали путаться. «Надо принять какие-то меры. Арестовать зачинщиков? Но тюрьмы уже переполнены!»

Он так и не успел найти нужное решение, как раздался звонок. С экрана видеотелефона на Варгаса в упор смотрели холодные, сверлящие глаза главного инспектора. Преувеличенно спокойным видом он старался возместить свое недавнее замешательство. В телефоне отчетливо раздавался металлический, бесстрастный голос шефа.

— По приказу короля профессор Ренар освобожден. Произошло недоразумение, так будет сообщено и в печати, простое недоразумение, — холодно повторил он. — Ренар должен срочно выехать на конференцию в Женеву. Что касается Гонсало — освободить его. Пора уже научиться вам понимать обстановку. Когда, наконец, вы это поймете? — и главный инспектор недовольно поморщился.

Варгас в изнеможении сидел в кресле, тупо уставившись в одну точку. Почему шеф говорил таким ледяным тоном? Неужели в самом деле судьба так изменчива? А ведь была такая возможность отличиться.

Когда Гонсало вышел из сысского бюро, над городом уже висела густая синева надвигающихся сумерек. Он шел не спеша, вдыхая полной грудью вечерний воздух и жадно всматриваясь в кипучую жизнь гигантского города. Все чаще мелькали вспышки световых реклам и красные змеи неоновых огней.словно золотой паутиной, опутывался город огненными нитями электрического света. И Гонсало казалось, что там, в центре, где пылает это яркое зарево, живет ядовитый паук, протянувший к людям свои жадные щупальцы.

Навстречу ему бежал веснушчатый мальчишка и, размахивая газетой, звонко выкрикивал:

— Бабельские пароходные компании удовлетворили

требования рабочих! Профессор Ренар освобожден и выезжает на международную конференцию в Женеву!

«Вероятно, теперь Ренару понадобятся его материалы. Необходимо срочно повидать его, пока он не уехал», — подумал Гонсало и, не теряя времени, решил немедленно выехать в Эскалон.

Глава XX

Едва Диас вернулся из Бабеля в Сан-Луи, как столкнулся с весьма странным поведением своих знакомых. Еще по дороге домой он встретил на улице одного из своих сотрудников и, приветливо окликнув его, намеревался расспросить о последних новостях. Но тот, видимо, не узнал его, так как ускорил шаг и скрылся за углом. Диас не придавал этому случаю особого значения, вспомнив, что сотрудник близорук. Однако, придя в лабораторию, он не мог не заметить, что коллеги, проработавшие с ним несколько лет, сторонятся его и неохотно вступают в разговор. Лишь механик из подсобных мастерских, взглянув на него с нескрываемым восхищением, сказал: «А здорово это вы!.. И не побоялись?!»

Наконец, его помощник, оставшись с ним наедине и боязливо озираясь по сторонам, спросил у Диаса, что он думает теперь делать. Этот вопрос удивил Диаса, и он собирался расспросить о непонятном поведении сослуживцев, как раздался телефонный звонок. Диас снял трубку.

— Вас просит срочно директор, — услышал он голос секретаря.

Подозревая, что хорошего от этого вызова ожидать нельзя, Диас направился в кабинет директора.

Директор, господин Морето, высокий представительный мужчина, с седой шевелюрой и румяным лицом, обладал мягкими, вкрадчивыми манерами.

— Садитесь, — приветливо пригласил он Диаса.

Диас сел. В кабинете было тихо. Луч солнца играл на отполированных, блестящих деталях модели атомного реактора. На стене против Диаса висела картина с изображением непонятных зигзагов и мазков, похожих на расплывшиеся чернильные пятна. Мирно ти-

кали старинные часы. Директор откинулся в кресле и после небольшого молчания медленно, как бы подбирая слова, произнес.

— Должен признать, что вы являетесь одним из самых ценных наших сотрудников и именно поэтому мне особенно прискорбно сделать вам не совсем приятное сообщение. Но, к сожалению, служебный долг обязывает меня выполнить эту, поверьте, чрезвычайно тягостную миссию. Вы, несомненно, догадываетесь, что речь идет о вашей, я бы сказал, непростительной неосторожности. Ваше выступление на коммунистическом митинге произвело очень невыгодное впечатление на некоторых лиц. В лучшем случае оно может быть расценено как легкомысленное. Но лица, о которых я упоминал, к несчастью, не считают возможным ограничиться столь мягким суждением. Учитывая все эти факты, я, к сожалению, также не считаю возможным дальнейшее ваше пребывание в стенах нашего института и вынужден предложить вам подыскать работу в другом месте, хотя боюсь, что теперь это будет для вас нелегко.

Кровь бросилась Диасу в лицо. Значит, достаточно влиятельным лицам высказать недовольство, чтобы о его заслугах моментально забыли. Его выгоняют из лаборатории, где он едва не поплатился жизнью.

Он хотел высказать все директору, но господин Морето уже поднялся, давая этим знать, что беседа окончена. Диас понял и, резко повернувшись, вышел из кабинета.

Когда Диас вернулся домой и рассказал обо всем Роберте, она, к его удивлению, даже обрадовалась, заявив, что все это к лучшему, что давно хотела уехать отсюда.

Роберта не подозревала, что неприятности, обрушившиеся на ее мужа, значительно серьезней, чем ей казалось. Впрочем, и сам Диас не вполне сознавал безвыходность своего положения. Но последующие события довольно быстро рассеяли его заблуждения на этот счет.

Узнав, что в Тарифском университете требуется ведущий физической лабораторией, он решил поехать туда и предложить свою кандидатуру. Ректор университета, побеседовав с Диасом, предложил ему явиться за окончательным ответом на следующий день. Придя в назначенный час, он не был, однако, принят ректором.

Его направили к помощнику ректора, который сообщил ему, что в настоящий момент университет, к сожалению, не может воспользоваться услугами Диаса.

Получив отказ, Диас решил обратиться в Феррольский университет, куда и выехал в тот же день. Однако и там повторилось то же, с той только разницей, что ему отказали сразу.

Диас ездил из одного учебного заведения в другое, но везде был тот же результат.

Тогда, поняв, что ему не удастся работать в учебном заведении, он решил попытаться устроиться в исследовательском отделе какой-нибудь промышленной фирмы. Но и здесь его ожидало разочарование.

Везде, где бы Диас ни предлагал свои услуги, от них тотчас же отказывались, когда выяснялись обстоятельства, при которых он расстался с Сан-Луи.

Да, положение было гораздо печальней, чем думал Диас. В довершение всех неприятностей его окончательно расстроило письмо, полученное от Роберты. Вилла, за которую было уплачено 50 процентов ее стоимости, была отобрана, и Роберте едва удалось уговорить кредиторов позволить временно остаться в одной комнате.

Шел третий месяц с тех пор, как Диас потерял работу. Лишения наложили на него свой отпечаток. Его дорогой костюм, сшитый у хорошего портного, казался несвежим, хотя и был тщательно выглажен. Небрежно повязанный модный галстук, усталые, полные тоски глаза, как-то обрюзгшее лицо — всё говорило о преследовавших его неудачах.

Время шло. И, наконец, Диас понял, что нигде не устроится. Его диплом, его знания никому больше не нужны. И тогда, сгорая от стыда, он пошел в ресторан, где когда-то, еще студентом, мыл по ночам посуду. Хозяин тотчас его узнал и весело рассмеялся.

— Ну что ж, у меня часто моют посуду люди с дипломами. Не ты первый. А у тебя к тому же есть стаж! — заявил он, довольный своей шуткой.

Так замкнулся круг: карьера Диаса закончилась тем, с чего и началась. После стольких мытарств он рад был и этой работе. Роберта с сыном уехала из Сан-Луи и поселилась у своих родителей.

Однажды в один из осенних дней Диас медленно шел через парк. День был отличный: нежаркое солнце мягко озаряло желтеющую листву и увядающие цветы. В парке было тихо и безлюдно. Диас опустился на скамейку и долго сидел так, греясь под лучами осеннего солнца, раздумывая о превратностях своей судьбы. Что и говорить, жизнь здорово шлепнула его, и Диас теперь всё чаще сожалел о своем выступлении на митинге.

Внимание его привлек сидящий напротив человек. Почему-то он показался Диасу знакомым. Сколько ни пытался Диас вспомнить, где он мог видеть этого углубившегося в какие-то вычисления человека, всё было напрасно. И все-таки он не сомневался, что знает его.

За всё время незнакомец ни разу не отвлекся от своих записей. Но вдруг он удовлетворенно улыбнулся, словно найдя ответ на мучивший его вопрос и, подняв голову, посмотрел прямо на Диаса. В тот же момент лицо его озарилось радостным изумлением, и он воскликнул:

— Будь я проклят, если это не Диас!

Быстро поднявшись, он подсел к Диасу и возбужденно заговорил:

— Ваша фамилия Диас? Я узнал вас сразу. С тех пор как с вами произошла эта история с излечением от лучевого синдрома, я ищу случая побеседовать с вами. Будем знакомы. Линье, конструктор.

Едва незнакомец назвал себя, как Диас понял, почему лицо Линье так знакомо ему. Кто не знал конструктора Линье! Общество «Альберия—Луна» не жалело средств на рекламу, и фотографии будущего космонавта мелькали повсюду.

— О! Я рад познакомиться с вами,— отвечал Диас.— Чем же я могу быть полезен вам?

— Я хотел бы услышать лично от вас, как всё это случилось. Какой дозой вы были облучены? Как протекала болезнь, и уверены ли вы в действии препарата Ренара? Дело в том, что всё это имеет для меня важное значение.

Диас подробно рассказал обо всем, о чем просил его Линье. Закончив, он твердо произнес:

— Не сомневаюсь, что своим излечением я обязан препарату профессора Ренара.

По-видимому, Линье был очень доволен такой высокой оценкой препарата. Беседа с Диасом окончательно рассеяла все его тревоги и опасения. Диас в свою очередь спросил Линье, почему это его так интересует.

Узнав о намерении Линье использовать препарат для осуществления перелета, Диас встревожился. Надежда Линье на действие препарата показалась ему слишком смелой и рискованной. Но когда Линье сообщил, что облегченные экраны все-таки будут установлены и что атомный двигатель за все время перелета с Земли до Луны и обратно будет работать не больше пятнадцати минут, Диас решил, что его опасения необоснованны. Он смотрел на энергичное лицо Линье и думал о том, какая должна быть вера в свое дело у этого человека. И вдруг мысль, показавшаяся ему в первый момент безумной, поразила его, словно удар грома.

Линье закончил свои объяснения и внимательно взглянул на Диаса.

— Если я не ошибаюсь, у вас крупные неприятности, и на душе скребут кошки, — сказал он.

— Не стану отрицать. Вероятно, мой вид говорит об этом достаточно красноречиво, — и Диас рассказал о своих злоключениях.

Линье, который последнее время был поглощен заботами о предстоящем полете и мало интересовался земными делами, был потрясен.

— И вы, талантливый физик, моете сейчас посуду в ночном ресторане? — недоверчиво переспросил он.

Наступило молчание. Мозг Диаса не переставая сверлила одна и та же мысль.

— Сколько человек летит с вами? — осторожно осведомился он.

— Ракета рассчитана на экипаж в три человека.

— Кто же ваши попутчики? — продолжал расспрашивать Диас.

— Сейчас этот вопрос еще не решен. Человек, который должен был лететь со мной, оказался трусом. Нелегко найти человека, который бы доверил свою жизнь препарату Ренара. К тому же препарата мало.

— Послушайте, Линье, — заговорил с волнением Диас. — Окажите мне великую услугу. Возьмите меня с собой. Чем вам не подходит моя кандидатура? Я верю в препарат Ренара и готов лететь в любое время.

Линье удивленно посмотрел на Диаса. Внезапное предложение Диаса застало его врасплох.

— Позвольте, у вас же семья, — произнес он, наконец. — Это и в самом деле довольно рискованно.

— Но поймите, у меня нет другого выхода, — умоляющим голосом упрашивал Диас. — Я нахожусь на положении парии, у меня нет никаких перспектив работать по специальности. Жить так дальше невозможно.

Линье задумался.

— Что ж, я ничего не имею против вашей кандидатуры, — медленно заговорил он. — Всё, что мне известно о вас, говорит в вашу пользу. Но если сказать правду, мне не нравится, что ваше решение — результат разочарования и отчаяния. Вы ищете в космическом полете выход из безнадежного, по вашим словам, положения. Ну, а если бы с вами не случилось всей этой истории, согласились бы вы лететь?

Диас молчал, не зная что ответить.

— Вот видите, — сказал Линье. — Вам трудно ответить на этот вопрос.

— Поверьте, Линье, что я никогда не стану раскаиваться в своем решении.

Линье долго раскуривал потухшую трубку, не произнося ни слова.

— Не обижайтесь на меня, Диас, — наконец заговорил он. — Ваше решение недостаточно серьезно. Не пожалее ли вы впоследствии о нем? Советую вам обстоятельно всё обдумать, — сказал Линье, подымаясь и собираясь уходить.

Диас также поднялся, и оба пошли по аллее к выходу из парка.

— Даю вам три дня, чтобы всё хорошо обдумать. Если не передумаете, то приходите ко мне в контору, — сказал Линье на прощанье и сел в такси.

Диас долго еще бродил по пустынным аллеям парка. Что делать? Полет вместе с Линье представлялся ему теперь как единственный способ покончить со своим бесправным положением отвергнутого и вернуть себе репутацию лояльного альберийца. Впервые за много месяцев унижений и нужды перед ним засияла надежда. Открывался путь к славе и богатству. «А Роберта? — спросил чей-то голос. — Как же семья?»

«Да что там семья, — возразил ему другой, — ведь все

равно, приятель, сейчас у тебя почти что и нет семьи...»
Через три дня Диас явился в контору.

* * *

Генерал Рамирес, узнав, что с Линье летит Диас, выразил свое недовольство в беседе с сенатором Барросом.

— Эти двое, — заявил генерал, говоря о Линье и Диасе, — не внушают мне доверия. Нам нужен надежный человек. Я знаю парня, на которого можно положиться. Это Альварес — он был у меня в штабе во время тонганской кампании.

— Но он скомпрометировал себя в связи с аварией искусственного острова. Альварес находится под следствием, — возразил Баррос.

— Чепуха! Тем легче заставить его отправиться в рейс. Он разобьется в лепешку, чтобы оправдать доверие.

— Ну, что ж, попытайтесь с ним поговорить, — согласился Баррос.

В тот же день Альварес был вызван к Рамиресу. Он вошел в кабинет к генералу, полный мрачных предположений.

— Алло, мальчик! — шумно приветствовал его Рамирес. — Садитесь. У вас скучный вид, приятель.

Рамирес не торопясь выбил трубку, поглядывая время от времени на угрюмо сидевшего Альвареса.

— Вам надо рассеяться, старина, — начал, наконец, он. — Я хочу предложить вам для развлечения слетать на соседнюю планету. Вы же долго готовились к полету.

— После катастрофы у меня отпала охота к космическим рейсам, — ответил Альварес. — Кроме того, Линье будет возражать против моей кандидатуры.

— Ну, об этом мы его спрашивать не будем. А что касается вашего нежелания, то не торопитесь с ответом. Уж не думаете ли вы, что после суда вас ожидает курорт?

Альварес молчал. Рамирес, наклонясь к Альваресу и понизив голос, произнес:

— Я вызвал вас, чтобы сделать вам выгодное предложение. В экипаже космического корабля должен быть надежный человек. Учтите, что космический рейс совершается в своеобразной обстановке. Не исключена возможность встречи с русской экспедицией, быть может, в одном районе Луны. Трудно предвидеть все ситуации, но мы ищем урановую руду и не потерпим кон-

курентов. Конкурентов мы уничтожаем. И сейчас нам особенно нужен надежный человек. Надеюсь, вы понимаете меня, Альварес!

Радист побледнел и, бросив на Рамиреса испуганный взгляд, вытер вспотевший лоб.

— Я предложил вашу кандидатуру, — продолжал генерал. — Если вы оправдаете доверие, я гарантирую не только прекращение вашего дела, но богатство и славу. Ну, так как же? — спросил Рамирес, откидываясь в кресло и прищуриваясь.

Альварес с минуту колебался и, шумно выдохнув воздух, произнес:

— Хорошо. Я согласен.

В тот же день Рамирес сообщил по видеотелефону Оливейра о том, что в состав экипажа назначен Альварес.

— Вы шутите? — удивился Оливейра.

— Не возражайте, уважаемый. Вопрос решен, — ответил Рамирес и повесил трубку.

Глава XXI

Двигатель для космической ракеты Линье имел диаметр около полутора метров и весил несколько тонн. Сердцем двигателя был реактор, в котором происходила ядерная реакция. Мириады атомных микровзрывов сливались в могучий поток энергии. В реакторе развивалась температура около 4000 градусов. Такую температуру могли выдержать только специальные жаростойкие материалы. Для лучшего охлаждения стенок двигателя они были выложены пористой керамикой. Рабочая жидкость продавливалась в реактор через мельчайшие поры в стенках, одновременно охлаждая их.

С тех пор как Линье получил, наконец, препарат и был определен экипаж ракеты, ничто, казалось, не должно было препятствовать старту межпланетного корабля. Однако появилась новая причина, задержавшая полет. При испытании атомного двигателя обнаружилось, что стенки реактора подвергаются слишком сильному нагреву. Это угрожало аварией, и встревоженный Линье несколько дней ходил мрачный. Он поделился своими опасениями с Диасом. Оказалось, что физик глубоко изучил все тонкости этой сложной технической проблемы.

— Я много думал над этим,—сказал он Линье.— Причина чрезмерного нагрева—неудачное расположение ядерного горючего. Вся трудность задачи—придать расщепляемому веществу такую форму, чтобы не все части подвергались интенсивному нагреву, и более холодные участки обеспечивали бы необходимую механическую прочность материала. Надо добиться, чтобы энергия «осколков» ядер шла в основном на диссоциацию газа, образовавшегося из рабочей жидкости. Вам, конструкторам реактивных двигателей, диссоциация выгодна, так как при уменьшении молекулярного веса рабочих газов, насколько мне известно, увеличивается скорость истечения. Ясно, что для этой цели атомное горючее следует распределить в виде достаточно тонких слоев. Но как? Надо подумать.

Через пять дней Диас принес схему атомного реактора с новым расположением расщепляемого материала.

— Да, нужно немедленно переделать, — согласился Линье, внимательно просмотрев чертеж. — На это уйдет время, но что же делать?

После переделки атомный двигатель вновь был установлен на испытательный стенд. С трудом сдерживая волнение, будущие астронавты поднялись на пульт управления, отделенный от пещеры, где помещался двигатель, толстыми бетонными стенами.

Линье включил двигатель, и оба впились в приборы, измеряющие температуру стенок реактора. На этот раз температура была действительно ниже, хотя и выше, чем рассчитал Диас. Показания термометров не очень обнадеживали. К тому же, на седьмой минуте работы двигателя температура вновь стала подыматься.

Линье приостановил испытание. Результаты его не вызывали уверенности. Оба задумались, встревоженные и озабоченные. Их размышления прервал звонок видеотелефона. Конструктора срочно вызывал шеф.

Было уже довольно поздно, когда Линье явился к ожидавшему его Оливейра. По возбужденному виду дельца он понял, что предстоит важный разговор.

— Я вызвал вас, чтоб сообщить о дате старта, — без обиняков объявил Оливейра. — Вы вылетаете через два дня — 23 ноября и ни в коем случае не позже. Если можете раньше, — тем лучше.

Это сообщение поразило Линье своей неожиданностью.

— Но ведь вылет назначен на 30 ноября, — ответил конструктор, обеспокоенный результатами испытания.

— Обстоятельства изменились. Повторяю: 23 ноября — самый поздний срок. Меня больше устраивает, чтобы старт состоялся завтра, но вы сильно затянули возню с двигателем, — недовольно произнес Оливейра.

— Нам необходимо еще время для испытаний. Не исключена возможность аварии.

— Довольно! — побагровел делец. — Эта возможность всегда будет не исключена. Если не температура стенок, то появится, черт побери, что-нибудь другое. Всем ясно, что космический полет — не прогулка на яхте. Но не слишком ли много вы заботитесь о безопасности!

Линье вспыхнул и поднялся с места.

— Хорошо, — проговорил он. — Мы вылетаем, — и, не простившись, вышел.

Узнав, что испытания двигателя прекращены и начинается срочная подготовка к старту, Диас возмутился и собирался отказаться от полета. Однако взглянув на суровое и расстроенное лицо Линье, он оставил это намерение, вспомнив о своем обещании конструктору «никогда не раскаиваться в своем решении». К тому же была и еще одна немаловажная причина: Диас получил от общества «Альберия—Луна» крупную денежную сумму, связавшую его по рукам и ногам. Отступить было невозможно.

На следующий день состоялось, наконец, уже не раз откладываемое совещание пайщиков акционерного общества «Альберия—Луна». В переполненном зале собрались возмущенные владельцы лунных участков. Здесь были представители различных слоев общества: мелкие предприниматели, лавочники, рантье, служащие, представители интеллигенции. Сплошной гул в зале, недовольные выкрики и возгласы свидетельствовали о возбужденном состоянии участников совещания. Нетерпение желавших выступить было столь велико, что, не дожидаясь открытия совещания, они разражались гневными речами по адресу общества и господина Оливейра.

Какой-то краснолицый толстяк, мясоторговец из Кордоба, вытирал платком вспотевшую лысину и объяснял

соседям, какие убытки угрожают Альберии и акционерам, в частности, из-за медлительности организаторов перелета.

Наконец после многочисленных попыток председателю удалось успокоить собрание и предоставить слово господину Оливейра.

— Господа! — торжественно произнес директор компании, — я счастлив сообщить вам, что в настоящий момент нет причин для вашего негодования. Мы готовы к завоеванию космического пространства и нашей первой цели — Луны. Только исключительно важные причины заставляли нас до сих пор откладывать полет.

Как глава общества «Альберия—Луна», я вижу свой долг в охране интересов пайщиков общества и законных владельцев лунных участков. Я делаю это заверение, господа, с глубоким удовлетворением, ибо имею возможность сообщить вам торжественно и официально: старт корабля состоится завтра!

Слова Оливейра были встречены неистовой бурей восторга, шквалом аплодисментов и выкриков. Подождав, пока в зале успокоятся, на что ушло немало времени, Оливейра добавил:

— Среди нас присутствует представитель Главного штаба генерал Рамирес. Он просит слова. Прошу внимания, господа!

Зычный бас Рамиреса сразу заглушил шум.

— Господа, — заявил генерал, — мы не мечтатели и не фантазеры. Деловой практицизм — вот основа наших начинаний. Скажу прямо: цель экспедиции — найти урановую руду и редкие, еще невиданные минералы, которые, надо полагать, имеются на спутнике нашей планеты. В борьбе с мировым коммунизмом мы должны мобилизовать стратегические ресурсы не только нашей планеты, но использовать все, что можно, и на других мирах. А затем мы создадим лунную базу. Помните, господа, кто владеет Луной, тот владеет миром. И Альберия будет владеть миром! — вскричал побагровевший генерал под гром аплодисментов.

Как раз в этот момент господин Оливейра заметил свою секретаршу, пытавшуюся, по-видимому, разыскать кого-то в зале. Оливейра окликнул ее и знаками пригласил подойти к нему.

— Что случилось, милочка? — тихо спросил Оливейра, когда Мерседес подошла.

— Срочная телеграмма Линье.

— Линье сейчас на космодроме, — ответил Оливейра, — а затем он должен отдыхать до самого вылета.

Последнее время Линье получал массу писем и телеграмм, ибо альберийцы любят писать знаменитостям, и ничего не было удивительного в том, что Оливейра не считал нужным беспокоить Линье из-за пустяков. Однако, заметив огорченное лицо девушки, он добавил:

— Впрочем, давайте телеграмму сюда. Я еду через час на космодром и передам ее Линье.

Получив телеграмму, Оливейра положил ее в карман и тотчас же забыл о ней.

Вскоре заседание закончилось, но взволнованные акционеры не расходились, оживленно обсуждая детали предстоящего космического полета.

До отлета ракеты оставалось меньше 24 часов, и господин Оливейра, не теряя времени, отправился на космодром, чтобы лично присутствовать при последних приготовлениях. Космодром, на котором недавно закончили сооружение наклонной эстакады, был расположен в 100 километрах от Бабея.

Автомобиль мчался по шоссе. Развалившийся на заднем сидении делец не успел даже вздремнуть, как вдали появились причудливые кружева стальной эстакады, покоящейся на мощных арках постепенно возрастающей высоты. Оливейра зевнул и, вытянув из кармана часы, взглянул на них. До космодрома оставалось минут пятнадцать езды. В этот момент он обнаружил у себя на коленях аккуратно сложенную бумагу. Это была телеграмма, переданная ему Мерседес. Он не спеша вскрыл ее. Что это?!

«Мой подопытный умер от лучевой болезни. Действие препарата изучено недостаточно. Отложите полет.

Ренар».

Первое время Оливейра даже не понял, о чем идет речь. Он несколько раз перечитал телеграмму, строчки прыгали у него перед глазами. Зло выругавшись, Оливейра смял телеграмму в кулаке. Несмотря на свою способность быстро ориентироваться в любой обстановке, он долго не мог сообразить, как поступить. Целый

рой противоречивых решений проносился в его голове. Если сейчас сообщить Линье о телеграмме, он, безусловно, откажется лететь, а это вызовет финансовый крах общества и крупный скандал. А за последнее время он привык считать себя собственником ночного светила. Он придумывал для него ласковые, фамильярные имена, мысленно подбрасывал на ладони серебряный диск Луны, словно монету в десять диархов. О, это была не одна монета! Луна в его воображении представлялась невероятно большим количеством монет. И теперь, когда после стольких волнений и затрат всё готово, надо отказаться от своей собственности! Нет, этого допустить нельзя. Линье ничего не должен знать. Но, с другой стороны, если экипаж будет поражен лучевой болезнью и не сможет вернуться на Землю, все равно он терпит крах — в сооружение ракеты вложены огромные средства. Наконец о телеграмме могут узнать, и тогда вся ответственность ляжет на него. Оливейра окончательно запутался в этих рассуждениях.

В этот момент из-за поворота дороги показались ворота космодрома. Больше уже нельзя мешкать ни секунды. И Оливейра, схватив за плечи шофера, закричал:

— Остановите машину!

От неожиданности водитель резко затормозил, и машина с визгом остановилась.

— Разворачивайтесь и возвращайтесь в Бабель! — приказал он.

Шофер недоумевающе посмотрел на хозяина и молча исполнил приказание.

Приехав в Бабель, Оливейра прежде всего направился к Кортесу. Финансовый магнат долго пытался перекачивать ее из одного угла рта в другой, и, наконец, предложил созвать срочное совещание, пригласив сенатора Барроса и генерала Рамиреса.

Через час все были в сборе. Оливейра пытался было подсчитать свои убытки, но Баррос и Рамирес досадливо отмахивались — их это мало трогало. Решение вопроса значительно облегчилось, когда Баррос сообщил, что негр, над которым производились испытания, прожил около трех месяцев, и, следовательно, препарат обладает защитными свойствами довольно длительное время.

— В таком случае, — заявил Кортес, — вопрос совершенно ясен. Линье и его попутчики успеют возвратиться

на Землю. И если после этого жизнь астронавтов не удастся спасти, то какое это имеет значение для истории. Наука, господа, требует жертв! Разве Пьер Кюри не подвергнул себя воздействию излучения радия! Разве не ради науки Петтенкофер проглотил содержимое целой пробирки с холерными вибрионами! Разве мало нашлось добровольцев, согласившихся подвергнуться укусам комаров, зараженных желтой лихорадкой, только для того, чтобы установить, как распространяется эта болезнь! Как же мы можем принимать во внимание жизнь нескольких человек, если от этого зависит успех нашего дела!

Экскурс Кортеса в область истории науки показался всем весьма убедительным, за исключением Оливейра.

— Да, но о телеграмме могут узнать, — неуверенно произнес он. — Сам Ренар постарается раздуть это дело.

— Ерунда, — поморщился Баррос. — Что он сможет сделать? Не в его интересах публично признать неполноценность своих научных исследований. Если же он решится выступить с компрометирующим заявлением, у нас есть все основания привлечь его к уголовной ответственности как пытавшегося помешать осуществлению космического рейса.

— А если полет окажется неудачным, и экипаж будет поражен лучевой болезнью, мы обвиним его в попытке уничтожить экипаж альберийской ракеты с помощью препарата. Он предстанет на этот раз перед судом в качестве агента русских, — заявил Рамирес.

Такой оборот дела показался присутствующим очень остроумным, все рассмеялись.

— А вы, — обратился Кортес к Оливейра, — позаботьтесь, чтобы за эти оставшиеся несколько часов до отлета Линье не узнал о телеграмме. Это легко осуществить под предлогом, что экипаж перед отлетом должен отдохнуть и никто не должен их беспокоить. Я поговорю с инспектором Варгасом, чтобы завтра ближе чем на километр к космодрому никого не подпускали. Полагаю, что все совершенно ясно, и на этом с деловой частью можно покончить. А теперь, господа, — партию в гольф!

Предложение одобрили, и компания, за исключением заторопившегося Оливейра, отправилась в сад.

Глава XXII

Грандиозный труд огромной армии советских ученых, инженеров, врачей, рабочих завершился.

Величайшее событие — старт межпланетного корабля, намеченный на 22 ноября, с нетерпением ожидался всей страной.

22 ноября в 9 часов по московскому времени телевизионная передвижка редакции последних известий начала репортаж с межпланетного вокзала на Кавказе. Миллионы людей наблюдали на экранах телевизоров и телеэкранов за последними приготовлениями перед стартом ракеты. Крупным планом показывается громадный ангар и в нем исполинское металлическое туловище межпланетного корабля. Телевизионная камера подводит зрителей вплотную к «Циолковскому», показывая корабль в различных ракурсах. Гигантский цельнометаллический моноплан с одним крылом, построенный из новых сверхпрочных сплавов, вызывает общее восхищение. Длинная острокопечная антенна впереди, напоминающая клюв, придает ему сходство с фантастической птицей. В голове ее разместились пассажирская кабина. По сравнению с туловищем она занимает незначительный объем. Почти весь корпус ракеты занимают отсеки, заполненные горючим. Недаром Рошин с огорчением говорил о том, что на Луну приходится отправлять по сути цистерны с топливом. К сожалению, профессор не преувеличивал: из пятисот тонн взлетного веса «Циолковского», около 450 тонн приходилось на топливо, 45 тонн на корпус, двигатели и баки и лишь пять тонн составлял полезный груз.

В 9 часов 30 минут на экранах телевизоров появились четверо отважных астронавтов. Все они в специальных скафандрах, без головных шлемов. Миллионам телезрителей хорошо знакома коренастая, плотная фигура профессора Рошина. Высокий лысеющий лоб, мужественные, немного резкие черты крупного лица; но достаточно Рошину улыбнуться, как от его суровости не остается и следа. Несмотря на свою выдержку и хладнокровие, он с трудом скрывает охватившее его волнение.

На экране высокий, слегка сутуловатый Коваленко. Он приветливо машет зрителям рукой и смущенно

поправляет очки. Среди участников экспедиции астроном старше всех по возрасту.

А вот улыбающийся и жизнерадостный штурман Лядов. Он известен всей стране по знаменитому беспосадочному перелету Москва—Северный полюс—Южный полюс—Москва. За этот перелет он удостоился высокого звания Героя Советского Союза. Лядов выглядит совсем юношей, хотя ему недавно исполнилось тридцать лет.

И, наконец, на экране крупным планом показывается живой и экспансивный доктор Касымов. Этот приземистый казах, с узкими пронизательными глазами на широком лице, один из выдающихся деятелей в новой отрасли науки — астромедицине. Он несет на себе громадную ответственность за здоровье своих товарищей.

И сейчас Юсуп Габитович озабочен их самочувствием. Однако его тревоги напрасны. Все чувствуют себя отлично, только сильно волнуются.

Перед микрофоном начальник экспедиции Андрей Егорович Рошин. От имени команды он благодарит партию, правительство и народ за величайшую честь, оказанную им, — открыть эру полетов человека в космос.

В 9 часов 40 минут астронавты направляются к кораблю. До старта остается 20 минут. Открывается люк пассажирской кабины, и один за другим в нем исчезают отважные путешественники. Люк наглухо закрывается. Наступили минуты томительного ожидания. Миллионы людей напряженно всматриваются в ракету, готовую покинуть Землю. Кажется, что стрелки часов движутся медленней, чем всегда. Вот до старта осталось три минуты, две, одна, тридцать секунд... и платформа с ракетой плавно сдвинулась с места и, разгоняемая специальными двигателями, помчалась вверх по эстакаде, к вершине Казбека. Мощный сноп огня вырвался из сопла ракеты, когда корабль достиг вершины горы. Ослепительное пламя, извергавшееся из корабля, становилось все тусклее, и вскоре корабль исчез.

Глава XXIII

Гонсало прибыл в Эскалон 22 ноября во второй половине дня. Он нашел Ренара утомленным и постаревшим.

— Что с тобой, Артур, ты здоров? — был его первый вопрос.

— Я совершенно здоров, Луис, — вяло ответил Ренар.

— Но ты чем-то расстроен. Что-то случилось?

— Да. Сегодня утром умер от лучевой болезни Бичер. Это негр, на котором я производил испытание препарата. Неужели все было напрасно?

После долгого молчания Гонсало произнес:

— Ты потерял веру в дело, на которое потратил годы. Я понимаю, Артур, что это приводит тебя в отчаяние. Но не рано ли делать такой вывод? Ведь в конце концов эти негодяи не дали тебе изучить действие препарата. Сколько прошло дней с тех пор, как Бичера подвергли облучению?

— Сегодня ровно сто дней, — ответил Ренар.

— Сто дней! — воскликнул Гонсало. — Нет, Артур, в смерти Бичера виноват не твой препарат. Я уверен, что если бы Бичер все это время находился под твоим наблюдением, ты вовремя бы обнаружил опасность и предотвратил несчастный исход.

— К сожалению, мне остается утешаться только таким предположением. По-видимому, защитное действие препарата выражалось в сильном замедлении разрушительных процессов в тканях. Но с течением времени способность клеток к делению постепенно угасала. И тогда стали преобладать процессы разрушения как клеточных ядер, так и самих клеток. Вероятно, процессы эти развились особенно бурно в последний период и привели к гибели организма. Вполне возможно, что повторное введение препарата в нужный момент ослабило бы начавшееся разрушение клеток и привело бы к быстрой нормализации тканей.

— Значит, нет серьезных оснований сомневаться в действии препарата, — старался Гонсало ободрить ученого. — Ты должен, Артур, выехать немедленно в Женеву и принять участие в обсуждении проблемы лечения лучевой болезни.

— Да, я непременно поеду. Работы русских меня очень заинтересовали. Но я должен задержаться, чтобы обстоятельно исследовать труп Бичера. Кроме того, есть еще одно дело, сильно тревожащее меня.

И он рассказал другу о Линье, о пропавших ампулах, о своей телеграмме.

— Но кто и с какой целью похитил препарат? — задумчиво проговорил журналист.

— Я только сегодня понял, для чего это было сделано. Ведь завтра космический корабль Линье отправляется на Луну. Об этом трезвонят весь день. Каким же образом Линье вышел из своего затруднения? Вор, конечно, знал, что препарат можно выгодно продать обществу «Альберия—Луна». Я должен немедленно выехать и предупредить Линье. Наверное, он не получил телеграммы.

— Нет, нет, — решительно запротестовал Гонсало. — Ты не должен сейчас отвлекаться, Артур. Не забывай о важных исследованиях, которые ты собираешься произвести перед отъездом в Женеву. Предупреждение Линье я беру на себя.

Предложение Гонсало Ренар принял с благодарностью.

* * *

Миллионы граждан Альберии были поражены совершенно непонятным фактом: о дне старта межпланетного корабля печать и радио сообщили только накануне. Это было непостижимо, не воспринималось сознанием и не соответствовало всему духу альберийской жизни, в которой сенсация играет такую важную роль.

Уже несколько месяцев портреты Линье, а затем и Диаса мелькали в газетах, открытках, на обложках журналов, афишах, почтовых марках, в кино. Фабриканты готового платья выпускали новый покрой одежды, рекламируя ее, как последнюю моду, заимствованную у селенитов — лунных жителей, которых, якобы, удалось увидеть, принимая телевизионные передачи с Луны. И хотя всем было известно, что на Луне нет жизни, легковверные сердца альберийцев не могли жить без сногсшибательных новостей. Новые моды пользовались небывалым успехом. Широко рекламировалась лунная обувь: ботинки, туфли, сапоги, тапочки, в которых, по уверению рекламы, можно было легко вспрыгивать на самые высокие лунные скалы. Где бы ни оказался альбериец, со всех сторон его преследовали рекламы, предлагающие, умоляющие, упрашивающие, приказывающие купить лунные конфеты, печенье, торты, вино, прохладительные напитки и даже лунную колбасу.

В многочисленных увеселительных заведениях, кабаре, танцевальных залах тысячи альберийцев стремительно носились под фокстроты, в которых появились па, напоминающие прыжки кенгуру. Одна пара, проскакавшая раньше всех через громадный танцевальный зал в Хептоне, была признана рекордсменами сезона и прославилась на всю Альберию. В особенности пользовалось успехом танго «Ты стала как пушок, моя толстая Дэн», а песенка «Мы одни с тобою на Луне» исполнялась с утра до ночи. Лунный угар, охвативший Альберию, пропик во все сферы жизни. В продаже появились лунные часы, у которых стрелка делала оборот за 29 суток 12 часов 44 минуты 2,8 секунды, что соответствует полному циклу изменения лунных фаз, или так называемому синодическому месяцу. Такой промежуток времени соответствует лунным суткам. Циферблат этих никому ненужных часов был разделен на 24 деления и, следовательно, каждый лунный час соответствовал примерно 29 часам.

И тем не менее, несмотря на всю шумиху, никто не знал только одного, — когда намечен вылет. Неудивительно поэтому, что миллионы альберийцев, с нетерпением ожидавших необычайного зрелища и больше всего на свете опасавшихся упустить его, были совершенно обескуражены, застигнуты врасплох и озадачены, узнав о старте космической ракеты лишь накануне вечером.

И тогда и началось то великое столпотворение, о котором рассказывали еще много лет спустя. Желаящие увидеть редкое зрелище ринулись в ночь под 23-е по всем дорогам Альберии к космодрому. Сплошной поток автомобилей, мотоциклов, автобусов, грузовиков, велосипедов запрудил многочисленные дороги, шоссе, автострады, создав плотную массу, передвигающуюся в одном направлении. В течение нескольких часов были распроданы все билеты на железнодорожные поезда, пароходы, самолеты, вертолеты и автобусы.

Миллионы людей сидели у телевизоров.

Гонсало каким-то чудом удалось втиснуться в автобус. Он добрался до космодрома примерно за полчаса до вылета. Ехать дальше без специального пропуска не разрешалось, так как начиналась запретная зона. Повсюду были предупреждающие об опасности знаки, а для большей надежности вся территория опоясывалась плотным кольцом полиции. Атомная ракета, почти не снабженная

защитными экранами, при запуске давала мощное радиоактивное излучение и представляла смертельную опасность для находившихся поблизости людей. Запретная зона проходила в двух километрах от космодрома. До отлета ракеты оставалось двадцать минут, и Гонсало решил попытаться прорваться сквозь цепь полиции. Но как только он отделился от толпы, громадный верзила в полицейской форме отбросил его назад. Он сделал еще попытку, но опять с тем же успехом.

От гигантской сигарообразной ракеты, стоявшей в начале эстакады, отъезжали машины с провожающими и представителями прессы. Кинооператоры и фоторепортеры лихорадочно торопились заснять последние минуты перед отлетом. Но вот на космодроме не осталось ни одного человека. Наступил торжественный момент отлета. Многотысячная толпа застыла, затаив дыхание.

Массивный блестящий корпус корабля вздрогнул. С мощным ревом извергнулся из сопла ракеты громадный веер газов. Корабль плавно сдвинулся и затем быстро заскользил по направляющим эстакады. Секунда — и он уже стремительно уносился ввысь. А спустя мгновение ракета словно растворилась в синеве неба и только густая полоса газов напоминала о людях, умчавшихся в космос.

Глава XXIV

Как только астронавты оказались в кабине корабля, Касымов, влезший последним через люк, наглухо закрыл его крышку изнутри.

— Итак, друзья, начинается самый опасный участок нашего маршрута, — заявил Рошин.

— И на эти несколько минут, пока он продолжается, — добавил Касымов, — я требую, как врач, самого тщательного выполнения всех правил, предусмотренных для пассажиров межпланетных кораблей.

Он внимательно осмотрел своих товарищей, привязавших себя ремнями к специальным лежанкам. В течение нескольких минут, пока работает двигатель и ракета движется с ускорением, люди, находящиеся в ней, ощущают сильную перегрузку, которую легче перенести, находясь в горизонтальном положении. Если бы путешественники во время взлета находились на ногах, то перегрузка составляла бы для человека весом 75 килограммов —

225 килограммов. Такое напряжение разрушительно влияет на нервную и сердечно-сосудистую систему.

Касымов проверил еще раз работу многочисленных электроприборов, вшитых в стенки скафандров. Эти приборы записывали кровяное давление, пульс, биение сердца, содержание кислорода в крови, температуру тела, учитывали газообмен.

Когда Касымов, окончив проверку, привязал себя к креслу-лежанке, часы показывали без двух минут десять.

— Все готовы? — спросил Роцин.

— Готовы, — ответили астронавты.

Стрелка часов остановилась на десяти, когда раздался громкий голос Роцина:

— Внимание! Старт!

В тот же момент сработал автомат времени и включились четыре стартовых двигателя, установленные на платформе. В течение 25 секунд они мчали платформу с кораблем к вершине горы. Платформа остановилась на вершине, а ракета продолжала стремительно набирать высоту.

Путешественники внезапно почувствовали себя отяжелевшими, словно плотность их тела возросла в несколько раз.

Высотомер показал сто километров. Отсюда ракета, управляемая по радио с кавказской радарной станцией, начала описывать сложную кривую и затем помчалась почти параллельно земной поверхности. На указателе скорости быстро мелькали показатели фантастической скорости 5—10—15—20—25 тысяч километров в час. Подобно метеору, пронесся корабль над Каспийским морем, Хорезмом, пустыней Кызыл-Кум, непрерывно увеличивая скорость и высоту. Теперь к перегрузке прибавилась новая опасность, подстерегающая космических пассажиров. При быстром движении сквозь земную атмосферу стенки ракеты сильно накалились. Температура в кабине поднялась почти до 90 градусов. Если бы не скафандры из нового теплонепроницаемого материала с герметическими шлемами, самочувствие космонавтов было бы неважным.

Указатель скорости показывал скорость 10,7 километра в секунду. Как известно, скорость отрыва, необходимая для преодоления земного притяжения, состав-

ляет у поверхности Земли 11,2 километра в секунду. Однако для ракеты, удаленной от Земли на столь значительное расстояние, сила тяжести и, следовательно, скорость отрыва уменьшилась. Траектория полета была рассчитана так, что когда корабль достигал на определенной высоте скорости 10,7 километра в секунду, автоматы отключали двигатель. Для попадания ракеты на Луну отключение двигателя необходимо было произвести в точно заданный момент. Это могла сделать только наземная радиолокационная станция, ведущая корабль. И вот чудовищный гул, сопровождающий работу двигателя, прекратился. Активный участок полета закончился. И сейчас же чувство тяжести сменилось ощущением полной невесомости.

Самый опасный участок космической трассы был пройден.

— Ну, как самочувствие, товарищи?—спросил Роцин, подымая прозрачный щиток герметического шлема.

Остальные последовали его примеру. У всех были бледные лица, утомленные и взволнованные.

— Кажется, ничего, Андрей Егорович, — неуверенно ответил за всех Коваленко.

Пожалуй, лучше всех чувствовал себя штурман Лядов, принявшийся немедленно настраивать рацию.

— Итак, мы можем поздравить себя с благополучным стартом! Сколько же времени работал двигатель, Андрей Егорович? — спросил Лядов.

— Двигатель включился в 10 часов 7 минут. Следовательно, он работал около 7 минут или точнее 6 минут 35 секунд, так как 25 секунд ушло на разгон корабля на эстакаде, — ответил Роцин.

— Выходит, если все будет идти согласно расчетам, то из 100 часов полета до Луны и обратно двигатель будет работать не больше 15 минут? — удивился Касымов.

— Да, не больше, — подтвердил Роцин.

— В таком случае мы летим на волшебном корабле! — воскликнул доктор. — Подумать только — 7 минут работы двигателя — и мы долетаем до Луны. Какими же жалкими выглядят все виды транспорта в сравнении с нашей ракетой!

Касымов резко взмахнул рукой, чтобы подчеркнуть свое полное пренебрежение к земному транспорту и вдруг, отброшенный какой-то невидимой силой, взлетел

в воздух и ударился о стенку кабины. Мягкий, упругий материал, которым обиты были стены кабины, смягчил этот удар. Перевернувшись несколько раз в воздухе, доктор схватился за одну из ручек, вделанных в стенах, и расположился в воздухе в довольно нелепой позе. Все рассмеялись.

— Смейтесь, смейтесь, — заметил Касымов, — вы на себя посмотрите!

Все космические пассажиры оказывались в самых невероятных и смешных положениях.

Наконец, все немного овладели приемами передвижения и почувствовали себя уверенней. В межпланетном корабле перемещаться можно только отталкиваясь от предметов или подтягиваясь к ним. Для этой цели на стенах, потолке и на полу имелось множество ручек, держась за которые, можно двигаться в кабине. На скафандрах имелись ремни с застежками, чтобы пристегнуться к креслам во время работы или к любой стене, когда нужно было отдохнуть. Здесь не было надобности в постельных принадлежностях: ведь воздух, в котором можно было удобно расположиться в любой позе, намного мягче пуховой перины.

Путешественники любовались величественной панорамой необъятных просторов Вселенной. Все умолкли, ошеломленные грандиозным зрелищем глубин космоса. На совершенно черном небе висел блестящий диск Солнца. Крупные, немигающие звезды усеивали все небо. Взоры астронавтов обратились к родной Земле, казавшейся громадным шаром с частично затемненной поверхностью. На освещенном восточном полушарии отчетливо различались очертания Советского Дальнего Востока, берега Китая, Индии, Индонезийского архипелага. Путешественники с волнением всматривались в контуры континентов.

С трудом оторвавшись от волнующей картины, Рошин повернулся к Лядову.

— Как рация, Сережа? — спросил он.

— В порядке, Андрей Егорович.

— Тогда передавай первую радиограмму.

И профессор Рошин начал диктовать:

«Из межпланетного пространства. 25-го 12 ч. 02 м.

Москва, Совет Министров СССР.

Копия — Академия наук СССР.

Старт прошел превосходно. Полет корабля продолжается по инерции. В настоящий момент находимся на расстоянии 39 000 километров от места старта. Прошли одну десятую часть пути. Любуемся родной Землей. Все участники перелета здоровы. Приступаем к наблюдениям согласно программе. Настроение бодрое.

Командир корабля «Циолковский» А. Роцин»

Глава XXV

Прошло семь часов после начала старта. Астронавты уже привыкли к необычным условиям космического рейса. В кабине деловая обстановка. Штурман Лядов определяет местонахождение корабля в мировом пространстве. Это довольно сложная задача. Необходимо измерить угловую величину земного шара и положение его между звездами. Результаты ориентировки совпадают с ранее намеченной трассой полета. В этом, впрочем, ничего нет удивительного. С Земли за полетом корабля автоматически следит специальная радиолокационная станция, сообщающая данные о местонахождении корабля с гораздо большей точностью, чем вычислял штурман. Данные о координатах ракеты передавались в электронный счетно-решающий прибор, определяющий его отклонение от заранее рассчитанной траектории. По полученному отклонению вырабатывались команды, которые по радио передавались на борт корабля. Эти радиокоманды включали и выключали выравнивающие двигатели, установленные на концах крыльев ракеты.

— Итак, товарищи, нам нет необходимости производить ориентировку,— объявил громко Лядов, закончив свои расчеты.— Нас «ведут» с Земли настолько надежно, что пока нет отклонений от графика полета. Если и в дальнейшем будет такая точность, наше путешествие займет ровно 50 часов, и 27 ноября в 12 ноль-ноль по московскому времени мы прибудем на Луну.

— Все это превосходно, Сергей Владимирович,— ответил Роцин,— но лишняя проверка не помешает. Не забывай, что даже небольшое отклонение от курса обойдется нам в несколько сот тысяч километров. Наш запас

топлива, к сожалению, не позволяет производить такие маневрирования.

— Интересно, с какой скоростью мы летим? — спросил Коваленко.

— Могу сказать довольно точно, — ответил Лядов и после небольших вычислений сообщил: — Семь и одна десятая километра в секунду. Земля дает себя знать!

Действительно, по мере движения ракеты скорость ее падала из-за тормозящей силы земного притяжения. И все-таки для земных масштабов это была невероятная скорость, которая, впрочем, совершенно не ощущалась. Путешественникам казалось, что их корабль неподвижно повис в космическом пространстве. И если бы не стрелка указателя скорости, непрерывно отсчитывающая всё новые тысячи километров, астронавты никогда не смогли бы определить, движется ракета или нет.

Но так как ракета удалялась от Земли с космической скоростью, то частота принимаемых с Земли сигналов непрерывно изменялась, подобно тому как изменяется тон звука паровозного гудка при удалении паровоза. Это явление, известное под названием эффекта Доплера, и использовалось для определения скорости полета ракеты.

— Да, теперь только видишь, до чего ненадежные инструменты — органы чувств человека, — заметил Касымов. — Но не слишком ли резко снижается скорость? — забеспокоился он. — Не может ли она упасть до нуля раньше, чем мы доберемся до сферы притяжения Луны?

— Этого не случится, уважаемый Юсуп Габитович, — ответил Рошин. — Я должен вас поправить. Никакой сферы притяжения Земли или Луны не существует, Притяжение Земли, Луны и любого другого тела простирается беспредельно; оно лишь ослабевает с расстоянием, но нигде не прекращается вовсе. Пролетев около 340 000 километров, мы прибудем в точку, где притяжение Земли и Луны одинаково. Однако начальная скорость корабля такова, что мы прилетим туда со скоростью около одного и четырех десятых километра в секунду. Продолжая дальнейшее движение, наш корабль попадает в зону, где по-прежнему действует земное и лунное притяжение, но последнее преобладает, и корабль начнет двигаться с ускорением к Луне. Но это произойдет только в том случае, если траектория полета

такова, что в момент пересечения ракетой лунной орбиты Луна окажется в точке пересечения. Как видите, доктор, ваши опасения, что скорость ракеты упадет до нуля раньше времени, напрасны. Даже если это случится, и мы начнем двигаться только под действием земного притяжения, то достаточно включить двигатель, и угроза превратиться в спутника Земли устранится.

— В таком случае я спокоен,— заявил доктор.— А теперь, товарищи, прошу приготовиться к первому обеду в межпланетном пространстве. Вряд ли на Земле представляют, как трудно быть шеф-поваром на космическом корабле!

Путешественники с любопытством наблюдали, как Касымов «переливал» бульон из кастрюли в специальные бутылки с узким горлышком. Из-за отсутствия веса эту операцию можно было сделать только при помощи прибора, напоминающего пульверизатор с резиновой грушей. Незадолго до того доктору с великим трудом удалось подогреть эту жидкость. Бульон не удавалось вскипятить, так как из-за отсутствия силы тяжести в кастрюле не было конвекции, то есть обмена слоев жидкости. Нагретый бульон не подымался вверх, а холодный не опускался на дно. В результате на дне кастрюли жидкость кипела, а выше оставалась холодной. Нагреть бульон удалось лишь после того, как кастрюлю при помощи особого приспособления привели во вращение. При этом возникла центробежная сила, заменившая силу тяжести.

Неосторожно тряхнув кастрюлю, доктор выплеснул немного бульона, который тотчас свернулся в огромную круглую каплю, повисшую в воздухе. Капля медленно поплыла и оказалась перед Лядовым.

— Так угощают в межпланетном пространстве, Юсун Габитович? — спросил Лядов и, не долго думая, втянул каплю в рот.

Этот эпизод всех развеселил.

— Прошу, товарищи, в «столовую»,— объявил Касымов, закончивший, наконец, трудную операцию «разливания» бульона в бутылки.

Бутылки с узким горлышком заменяли чашки или тарелки. Вместо ложки у каждой бутылки закреплена стеклянная трубка, при помощи которой высасывалось ее содержимое.

Астронавты шумно усаживались за стол, когда неожиданное обстоятельство помешало состояться этой первой трапезе в мировом пространстве. Раздался резкий скрежет, что-то оглушительно разорвалось, в то же мгновение завывла сирена и на пульте замигала красная лампочка.

— Метеорит! — вскричал Рошин. — Опустить щитки!

С этими словами он бросился к крану подачи воздуха и быстро закрыл его. Все торопливо опустили щитки на шлемах.

При помощи прибора защиты было быстро найдено повреждение во внешней оболочке ракеты.

— Пробойна величиной не больше горошины, — объявил штурман.

— Пойдете со мной, Сергей Владимирович. Захватите с собой сплав, — обратился Рошин к Лядову.

Все наиболее уязвимые части корабля — кабина, баки, двигатель — были покрыты специальной особо прочной броней с воздушной прослойкой. Были приняты меры, чтобы избежать опасных столкновений с метеоритами. Радиолокатор на борту «Циолковского» непрерывно прощупывал все пространство вокруг корабля на сотни тысяч километров, заранее сообщая о приближении крупного метеорита. При угрозе столкновения автоматы посылали электрические сигналы, включающие на мгновение двигатели на крыльях. Направление полета корабля изменялось, и опасность столкновения устранялась. Но чувствительность радиолокатора была недостаточна, чтобы сигнализировать о приближении мелкого метеорита. Вот почему советские инженеры предусмотрели возможность ремонта в условиях космического пространства.

Прежде чем выйти за борт корабля, оба астронавта обернули вокруг себя длинные нейлоновые тросы, прикрепили их к поясам и проверили, есть ли в карманах скафандров ракетные пистолеты. Затем они вышли в тамбур. Пока оттуда откачивался воздух, Лядов снял висевшее там параболическое зеркало диаметром около метра; с его помощью производилась гелиосварка. Убедившись, что воздух из тамбура выкачан, Рошин распахнул дверь в космос. На минуту они задержались, чтобы обвязать концы тросов вокруг крюков в стенке тамбура. Эта предосторожность была необходима, что-

бы случайно не улететь навсегда в космическое пространство, ибо любой неудачный толчок или неточное движение могли вызвать стремительный полет. Закрепив трос, Рошин смело высунулся наружу, ухватился за поручень и пополз по корпусу ракеты. Вслед за ним вылез и Лядов, держа в руках зеркало. Трудно описать ощущения, которые охватывают астронавтов, оказавшихся за бортом ракеты. Теперь они с особой силой испытывают влияние совершенно непривычного мира... Кругом простирается безграничное пространство, абсолютно черное, сплошь усеянное мириадами сверкающих точек — звезд. Звезды — кругом: «под ногами» астронавтов, «над головой», справа, слева и сзади них. Неизвестно, где «верх» и где «низ». Здесь не существует этих понятий. Астронавтов не оставляет ощущение непрерывного падения вследствие рефлекторного расслабления мышц. Только смелые способны выдержать это предельное напряжение физических и моральных сил. Рошин быстро нашел пробойну и заполнил ее мелким порошком специального сплава. Теперь осталось нагреть поврежденное место до температуры плавления. Лядов направил на пробойну зеркало. Яркий зайчик скользнул по телу корабля, ища раненое место. И вот тонкий луч концентрированной солнечной энергии остановился на пробойне. В фокусе луча температура несколько тысяч градусов, расплавленный металл заполняет отверстие. Ремонт закончен.

Рошин внимательно осмотрел качество сварки. Удовлетворенный, он дал знак Лядову возвращаться на корабль.

— Андрей Егорович! — услышал вдруг Рошин взволнованный голос Лядова. — Посмотрите-ка!

Рошин оглянулся и обомлел от изумления. Прямо на них, пересекая орбиту движения корабля, плыл сплюснутый продолговатый предмет, увенчанный прозрачным шаром. Из-под стеклянного шлема на астронавтов смотрело посиневшее лицо человека. Его широко открытые глаза, безжизненные и неподвижные, словно искали что-то в бескрайних просторах мирового пространства.

«Кто он, этот мертвый странник, и как он оказался в межпланетном пространстве?» — возник вопрос у обоих астронавтов.

Мертвец в скафандре поравнялся с Роциным, который без труда задержал его.

Вместе с Лядовым они открыли скафандр и обыскали труп. В одном из карманов Лядов нашел документы, написанные на альберийском языке. Среди них оказалось удостоверение на имя механика Ортиса, работающего на искусственном спутнике.

— Теперь понятно,— сказал Рошин.— И все-таки вряд ли может быть более удивительная и более грустная встреча.

Он толкнул труп, и мертвец вновь отправился в свое вечное странствование. Вернувшись в кабину, Рошин и Лядов рассказали товарищам о встрече в космосе.

Астронавты снова сели за стол. Обед прошел в молчании.

После обеда командир корабля профессор Рошин взял на себя первое дежурство, приказав экипажу отдыхать. Это приказание не пришлось повторять, и спустя минуту все три астронавта удобно разлеглись в воздухе.

Глава XXVI

Прошло сорок четыре часа со времени старта, когда путешественники достигли линии равного притяжения Земли и Луны. К этому моменту стали готовиться еще с вечера. 27 ноября в 5 часов утра все уже были на ногах. Слова «вечер» или «утро» относятся, конечно, к земным понятиям. Для ракеты, представляющей как бы самостоятельную планету, не было ни утра, ни вечера, так как ее положение относительно Солнца почти не изменялось.

— Когда на Земле корабль пересекает экватор,— произнес умываясь Рошин,— устраивают праздник в честь Нептуна. Как известно, он сопровождается купаньем. На нашем корабле этот обычай, к сожалению, трудно осуществить.

С этим нельзя было не согласиться, так как процесс умывания на корабле заключался в растирании тела смоченной губкой. Губка втягивает в себя жидкость потому, что внутри ее создаются многочисленные полости с разреженным воздухом. Давление же воздуха, как известно, существует независимо от силы тяжести.

Завтрак прошел без происшествий; пассажиры космического корабля приобрели уже некоторый опыт.

— А все-таки, когда межпланетные сообщения станут обычными, трудно представить более скучное путешествие, чем космическое,— неожиданно заявил после завтрака Лядов.— Будущим пассажирам рейсового корабля Земля — Луна придется двое суток спать или серьезно позаботиться, чем себя занять.

— Ничего, Сергей Владимирович,— успокоил штурмана Рошин.— Пассажиры будут играть в преферанс, шахматы или читать, то есть делать то же, что и сейчас делают пассажиры в поезде. Ведь многие всю дорогу не выходят даже на станцию. Для них путешествие в космическом корабле покажется не скучнее, чем поездка, например, из Ленинграда в Сочи.

Ровно в шесть часов по московскому времени штурман Лядов торжественно объявил, что точка равного притяжения Земли и Луны достигнута. Это был ответственный рубеж. Отсюда, с расстояния сорока тысяч километров, корабль начинал двигаться к Луне с ускорением. Скорость корабля упала до минимальной: всего 1,4 километра в секунду. Начиная с этой точки она начала непрерывно возрастать.

— Итак, до Луны осталось шесть часов,— произнес Рошин.— Если бы не притяжение Земли, замедляющее падение ракеты на Луну, мы долетели бы за три часа.

Луна заметно увеличивалась с каждым часом. Теперь невооруженный глаз отчетливо различал горные цепи, хребты, пики и валы, отбрасывающие резкие, угольно-черные тени. Несмотря на то, что поверхность Луны мало отражает солнечный свет — всего семь процентов, — она сияла ослепительным блеском расплавленного серебра.

— Какая, однако, поразительная видимость! — воскликнул Лядов и, развернув великолепно выполненную карту Луны, стал сверять ее с расстилающимся перед ним «подлинником». Коваленко и Касымов также склонились над картой.

— Если не ошибаюсь, овальное пятно у западного края — Море Кризисов? — спросил Касымов.

— Правильно, Юсуп Габитович. Ну, а левее что? — указал Лядов рукой на лунную поверхность.

Касымов взглянул на карту и быстро ответил:

— Ну, конечно, это Море Ясности, а примыкающее к нему с востока темное пятно — Море Паров. Два пятна с противоположной стороны — Озеро Смерти и Озеро Сновидений. К югу от Моря Ясности — Море Спокойствия, а дальше...

— Как это ни удивительно, но лунная карта, которую вы держите в руках, подробнее и точнее, чем карты Антарктиды или африканских пустынь, — заметил Коваленко. — На Луне мы обязательно сфотографируем в инфракрасных лучах все малоисследованные области Земли и нанесем их на карту. С Луны также легко изучать движение облаков, перемену погоды сразу на обширных пространствах.

Все отчетливей вырисовывались детали лунного рельефа. Особенно ярко выделялись многочисленные кольцевые горы — цирки и кратеры, придававшие исключительно своеобразный вид лунному ландшафту.

Среди них можно было видеть самые причудливые формы. Кроме обычных круглых, встречались многоугольные кратеры с изломанной линией вала, кратеры-двойники, тесно прижатые друг к другу и разделенные прямолинейной стеной; мелкие кратеры, нагромождались друг на друга, усеивали валы и дно крупных цирков. Во многих местах лунная поверхность пересекалась узкими глубокими расселинами с обрывистыми острыми краями. Они сильно напоминали трещины в штукатурке или в высохшей глине. Такие трещины тянулись на сотни километров и имели в ширину сотни метров. Отчетливо выделялись так называемые жилы или валы — невысокие, но длинные возвышенности, пересекающие поверхности многих морей.

— Петр Васильевич, что это за кратер? — спросил Касымов, указывая на громадную котловину, расположенную к югу от Моря Дождей.

В центре этого кратера возвышалась целая группа вершин. Он привлекал внимание своими светлыми «лучами», образованными, по-видимому, из мелкого зыбкого пепла. Эти лучи, как бы налагались сверху на другие образования, тянулись на сотни километров через горы, кратеры, широкие расщелины, валы и лунные моря, несколько не нарушая своего направления и создавая вокруг котловины подобие венца.

— Так это же знаменитый «Коперник» — один из кра-

сивейших кратеров на лунной поверхности! — воскликнул астроном. — Такие горы довольно типичны для лунного рельефа. Их насчитывается около трехсот. Особенно знаменит своей системой лучей кратер Тихо, — сказал Коваленко, указывая на гору, расположенную в области большого южного материка. — Происхождение этих лучей до сих пор еще не ясно. Предполагают, что образование кратеров такого типа произошло в самый поздний горообразовательный период на Луне. Возможно, что при своих извержениях эти кратеры и образовали светлые лучи.

Коваленко подошел к установленному у окна фотографическому аппарату, и в третий раз за последний час заснял лунную поверхность различными способами: через цветные фильтры, в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, при поляризованном свете.

К одиннадцати часам утра диск Луны занимал уже почти полнеба. Пейзаж был мрачным и суровым. Повсюду беспорядочное нагромождение гор и скал, бесчисленное множество кратеров, черных провалов и ущелий. Из-за резких и черных теней ущелья казались зияющими дырами. Эта совершенно необычайная чернота рядом с освещенными скалами, окрашенными в странный пепельный цвет, придавала картине исключительно своеобразный колорит. Что-то жуткое, печальное и тревожное чудилось в этом мертвом лунном ландшафте. И все-таки в нем была необычная, какая-то мрачная красота.

— Да, негостеприимно и неудобно! — нарушил, наконец, молчание Рошин.

— Но взгляните туда, на юг. Вот она, одна из неразгаданных тайн, — воскликнул Коваленко, указывая на громадный кратер, дно которого, в отличие от других, имело странный зеленоватый оттенок, точно было покрыто густыми зарослями.

То был знаменитый кратер Платона, одна из поразительных загадок Луны. На дне этого кратера уже давно замечены удивительные темные пятна различных оттенков, которые в течение лунного дня меняют свой вид и даже расположение.

Между тем Луна приближалась.

— Сережа, с какой скоростью летит ракета? — с тревогой спросил Касымов.

— Два и семь десятых километра в секунду, — отвел, не отрываясь от приборов, Лядов.

Казалось, еще несколько секунд, и корабль врежется, подобно снаряду, в шершавую поверхность Луны. Нервы у путешественников были напряжены до предела. Наступал ответственный момент посадки. Лунная громада казалась совсем рядом.

«Что они мешкают, — недовольно подумал Касымов о Рошине и Лядове. — Неужели ради экономии горючего можно так рисковать! Разве не пора включить двигатель и начать торможение. Как медленно тянутся минуты!»

Наконец Рошин протянул руку к какому-то рычагу и потянул его на себя. И вдруг Луна, Земля, звезды — все стало поворачиваться. Глухо загрохотали боковые моторы на крыльях. Вслед за тем заработал главный двигатель. Мощная струя газов, вырвавшаяся из сопла, сотрясла корабль. Падение ракеты замедлилось.

И тогда произошло то, что трудно поддается описанию. Появился вес, а с ним ощущение, от которого путешественники долго не могли освободиться. До сих пор Земля была внизу, а Луна вверху, сбоку. И вдруг Земля оказалась вверху, а Луна внизу. Наконец, стало ясно, где низ и верх; наконец, астронавты встали на ноги и могли сказать, что летят вниз.

Под кораблем расстилалась обширная черная равнина — Море дождей, где намечено посадить ракету. Вдали горные цепи, окаймляющие это море: на северо-западе Альпы, на юго-западе — Апеннины, крупнейшее горное образование Луны, на юго-востоке — Карпаты.

Решающий момент наступил. Раздалась громкая команда Рошина:

— Все по своим местам! Привязаться ремнями!

Как только экипаж выполнил команду, профессор включил шасси. Из корабля выдвинулись три металлических ноги со специальными амортизаторами.

Прошло несколько мгновений, и сильный толчок бросил астронавтов вниз, к корме.

Ракета дрогнула, слегка наклонилась и замерла.

Глава XXVII

Неописуемый восторг охватил путешественников, бросившихся обнимать и поздравлять друг друга. Трудно было поверить, что вековая мечта человечества осуще-

ствилаась, и люди, гордые победители Вселенной, высадились на другом небесном теле. Наконец, когда общее возбуждение утихло, Рошин продиктовал для передачи на Землю короткую радиogramму:

«Только что совершили благополучную посадку на Луну. Готовимся к выходу и дальнейшему выполнению задачи. Настроение и самочувствие отличное.

Рошин».

С волнением услышали астронавты ответ:

«Поздравляем пионеров космоса с величайшей победой. Желаем успеха».

Пассажиры корабля торопились выйти на поверхность планеты. Первым шагнул в камеру шлюза Рошин. Одетый в костюм, защищающий не только от космических излучений, но и уравнивающий разницу в давлениях, он походил на водолаза. Проходит немного времени, необходимого для откачивания воздуха, и наружный люк беззвучно открывается. Рошин сбросил гибкую капроновую лестницу и начал медленно спускаться. Вслед за ним спускаются его спутники.

И вот все четверо стоят на лунной поверхности, с изумлением осматриваясь вокруг. Перед ними мертвое, застывшее лунное царство. Громады гор вдали, яркий свет и резкие черные тени, черное, усеянное немигающими звездами небо, удивительная, ничем не нарушаемая тишина спящей планеты. Здесь нет атмосферы и воды, следовательно, нет ветра, облаков и всех атмосферных явлений. Камни и скалы острые, без закруглений — их не оттачивают вода и ветер, как на Земле. Повсюду видны расплзающиеся в разных направлениях черные трещины. Рошин наклоняется и, набрав рукавицей горсть лунной пыли, с любопытством разглядывает ее. Вот она, лунная «земля». Сколько лет астрономы спорили и гадали о том, что за вещество покрывает лунную поверхность. Но трудно ответить на этот вопрос, рассматривая Луну с расстояния 380 тысяч километров.

Не видно здесь ни мягкого чернозема, ни песка, ни глины. Только пыль и камень. От непрогретой лунной поверхности веет холодом, хотя сверху немилосердно печет Солнце. Отсутствие синеватой дымки, образованной воздухом, придает пейзажу непривычный вид: всё кажется

слишком отчетливым и близким. Здесь мир контрастов—мрак и свет, холод и жара уживаются рядом, резко переходя одно в другое.

В руках у Рощина древко с флагом. Он снимает чехол и укрепляет флаг в расщелине. Красное полотнище с эмблемой Советского Союза неподвижно.

Взоры путешественников ищут в лунном небе Землю. Вот она — большой голубоватый серп, окруженный ореолом. Как далек этот прекрасный, полный жизни мир! Как чудесны его зеленые луга и реки, цветущие пастбища и леса, безбрежная синева морей, рокот волн и грозы воздушного океана.

На Луне начиналось утро. Вероятно, поэтому космонавты не ощущали того палящего зноя, который бывает на Луне в середине дня. Как известно, день на Луне длится почти 14 земных суток, поэтому и утро продолжается несколько земных суток.

Лядов раскрывает карту Луны и пытается ее ориентировать. Но для этого нужно найти, где на Луне север. Штурман ищет звезду, которая на Лунном небе играет роль Полярной. Вскоре он ее находит и, расположив карту на плоской скале, кладет на нее компас, пытаясь определить склонение. Стрелка компаса занимает безразличное положение. Но так и должно быть. Ведь еще магнитометр второй Советской ракеты показал, что на Луне отсутствует магнитное поле, а следовательно, отсутствуют связанные с ним пояса радиации из заряженных частиц.

Астронавты, окружившие Лядова, с удовлетворением наблюдали за компасной стрелкой, подтвердившей замечательные открытия. И, вероятно, это обстоятельство напомнило им о великом научном подвиге советских людей еще в начале космической эры. Да, ведь именно в этом районе прилунилась вторая космическая ракета, доставившая на Луну контейнер с научной аппаратурой и вымпелами Советского Союза. Удастся ли найти эти первые земные предметы, посланные на Луну гением советских ученых?

Командир корабля указал рукой в направлении отрогов гор, виднеющихся вдали. Это лунные Апеннины. Затем он сделал огромный прыжок и унесся на десять метров. Все изумлены, хотя прекрасно знают, что на Луне сила тяжести в шесть раз слабее, чем на Земле, и что

каждый из них весит сейчас не больше 15 килограммов. Астронавты без труда догоняют Рощина. Точно сказочные скорходы: каждый «шаг» — 10—15 метров. Впереди громадная зигзагообразная трещина шириной около 20 метров. Все наклоняются над ней, стараясь разглядеть что-либо в чёрной глубине. Если бы там была вода! Но дно ущелья покрыто неизвестной, коричневатого цвета породой.

Вскоре путники добрались до первых отрогов. Рощин, вынудив молоток, принялся извлекать какую-то лунную породу. Увлечшись, он постепенно стал спускаться в ущелье. Однако едва Рощин сделал несколько шагов, как очутился в полной темноте. Не рискуя идти дальше, профессор снова поднялся наверх. Подняв большой камень, он бросил его вниз. Прошло несколько мгновений, и Рощин услышал удар упавшего камня о дно ущелья. Но почему он слышит, если на Луне нет воздуха? «Ах, вот в чем дело!—догадывается он.—Звук дошел по почве: ее сотрясения от удара передались телу и ушным костям».

Между тем Лядов и Касымов, делая гигантские прыжки, добрались до вершины небольшой горы и осмагривали местность. Кругом одни скалы, кратеры, трещины. Мертвые громады скал ярко блестят на Солнце отраженным светом. Лядов заслонил руками глаза от их нестерпимого блеска. Теперь на небе можно различать немерцающие звезды и планеты. Как много звезд! Как отчетливо видны планеты! Но звездный узор на лунном небе тот же, что и на Земле. Расстояние между Землей и ее спутником в сравнении с расстоянием между звездами слишком ничтожно, чтобы на Луне созвездия выглядели иначе, чем на Земле. Они лишь перемещаются в 27 раз медленней, чем на земном небе.

В наушниках раздался голос Рощина, зовущего астронавтов. Все торопливо направляются к командиру корабля. Рощин стоит перед входом в довольно большую пещеру.

— Надо обследовать эту пещеру и обосноваться в ней, если она окажется подходящей, — сказал он.

Астронавты включили электрические фонари, вделанные в скафандры, и вошли в пещеру. Едва они очутились под сводами, как их окружил полный мрак. Путешественники медленно ступали по узкому извилистому коридору. Вскоре коридор сузился, образуя щель, в

которую с трудом пролезал человек. Роцин первый протиснулся в нее, и спустя минуту астронавты услышали по радио его радостное восклицание:

— Это как раз то, что нужно!

Путешественники поспешили за профессором и очутились в гигантском зале высотой около семи метров. Лучи от электрических фонарей скользят по стенам и сводам пещеры, отражаясь и дробясь в гранях неизвестных кристаллов. Тут страшный холод — минус 100 градусов! Низкая теплопроводность лунной коры не позволяет ей прогреться в течение лунного дня, а прямые лучи Солнца сюда никогда не проникают.

— Здесь мы установим наш лунный дом, — сказал Роцин. — Эта пещера защитит нас от метеоритов.

Они вернулись на корабль и приступили к выгрузке оборудования, лежащего в грузовых отсеках. Огромные тюки с частями разобранного лунного дома, с инструментами, провизией, баллонами кислорода и топлива были спущены к подножью ракеты на канате.

Захватив поклажу, астронавты двинулись по направлению к пещере. Каждый из них нес груз, весивший на Земле свыше ста килограммов, но на Луне он весил около двадцати. Неудивительно, что путники дошли до пещеры, почти не устав.

Лядов и Касымов расширили при помощи кирок щель перед входом в зал, и астронавты протащили туда весь груз. Пока штурман и доктор выравнивали пол пещеры, Роцин и Коваленко распаковывали детали лунного дома. Вскоре пол был выровнен, и на нем расстелили круглое пластмассовое полотнище, к которому Лядов стал прикреплять смонтированный тамбур с двумя дверьми. Эта двойная дверь, так же как и на корабле, служила шлюзом.

Тем временем Роцин и Коваленко подсоединяли к вентилям полотнища трубопровод от баллонов со сжатым воздухом. Роцин дал знак открыть кран, и полотнище начало медленно раздуваться. Вскоре перед астронавтами вырос лунный дом, напоминающий юрту.

— Когда-то такие дома-юрты можно было видеть у нас в Казахстане, — заявил Касымов, проверяя на манометре давление воздуха в доме. Оно оказалось процентов на тридцать ниже, чем на Земле, но парциальное давление кислорода в воздухе лунного домика было

больше, чем на Земле. Такая разреженная, но обогащенная кислородом смесь вполне подходит для организма и позволяет уменьшить общее количество забиремого в космический полет воздуха.

Астронавты вошли в свое жилище. Там уже стояла на месте вся мебель. Как только домик наполнился воздухом, мебель сама стала на свои места.

Космонавты спешат снять с себя надоевшие скафандры, но прежде необходимо прогреть жилье. Включаются электроплитки. Проходит немного времени, и термометр показывает плюс 15 градусов.

Путешественники раздеваются. Приятно освободиться от громоздкого, стесняющего движения скафандра. Все находят домик весьма уютным и удобным, но отдыхать долго нет времени.

— Ну, — говорит Рошин, — у нас масса дел. Прежде всего нужно найти ракеты с кислородом и топливом. Места их падения отмечены на карте, но кто знает, сколько времени придется их искать.

— Может быть, займемся поисками вымпелов, — предложил Лядов, мечтавший уже давно найти знаки исторической ракеты.

— Я знаю, товарищи, что вам не терпится отправиться на поиски вымпелов, — ответил начальник экспедиции. — По-видимому, их не так легко будет найти. Места прилунения ракеты и контейнера известны только ориентировочно, а друг от друга они находятся на значительных расстояниях. Позже мы обойдем все предполагаемые места их падения. Пока же будем искать в ходе нашей работы. Каждый должен иметь на себе электрический искатель, подключенный к наушникам. Старайтесь «прощупывать» все подозрительные места. Воронка от упавшего контейнера безусловно отличается от обычных лунных образований...

— А не лучше ли подождать с поисками ракет, пока не выяснится метеорная опасность. Какой-нибудь шальной метеорит может наделать много бед, — забеспокоился Касымов.

— Вы правы, доктор, но никто из нас не заметил еще ни одного падения метеорита. Конечно, еще рано говорить, что пропулки на Луне совершенно безопасны, но, быть может, гипотеза о наличии на Луне небольшого количества атмосферы верна. А сейчас, товарищи, мы вер-

немся на корабль; передадим сводку и узнаем, когда ожидать прибытия новых автоматических ракет. Вам, Юсуп Габитович, придется остаться здесь и заняться хозяйством.

Рошин надел скафандр и направился к выходу. Вслед за ним вышли его спутники. Коваленко предложил понаблюдать в течение получаса за лунным небом.

— Если на больших высотах имеются следы лунной атмосферы, то мы должны обнаружить вспышки от сгорания метеоритов,— сказал он.

Трое астронавтов внимательно всматривались в лунное небо. Уже через несколько минут Лядов радостно вскрикнул, заметив в глубинах черного неба яркую вспышку. Вскоре и Рошин увидел в лунном небе несколько падающих звезд. В течение получаса они не обнаружили ни одного падения метеора на Луну.

— Ну, что ж, наше представление о якобы непрерывной бомбардировке лунной поверхности метеоритами оказалось ошибочным, — сказал Коваленко.

Наблюдения астронавтов подтвердили гипотезу, высказанную советским астрономом Липским, согласно которой на Луне имеется атмосфера с плотностью в десять тысяч раз меньше, чем на поверхности Земли. Практически это значит, что на поверхности Луны атмосфера отсутствует. Однако, если принять во внимание, что лунная масса в 81 раз меньше массы Земли, то скорость падения плотности лунной атмосферы с высотой намного меньше, чем земной. Расчеты показали, что плотности атмосфер обеих планет должны сравняться на высоте 50 километров над их поверхностями. А на больших высотах плотность лунной атмосферы даже превосходит плотность земной. Следовательно, на высотах больше пятидесяти километров должно происходить сгорание метеоритов в лунной атмосфере так же, как сгорают они в земной атмосфере на высотах 100—120 километров. Вот почему подтверждение этой гипотезы так обрадовало астронавтов.

— Так это же чудесно! Мы можем спокойно бродить по Луне до тех пор, пока хватит кислорода! — воскликнул Лядов.

Вскоре астронавты были уже в кабине корабля. Лядов связался с Землей и, передав радиограмму, переключился на «прием». По мере того как он слушал далекий го-

лос с Земли, лицо его выражало все большее изумление.

— Что там такое? — спросили заинтересовавшиеся астронавты.

Закончив прием и выключив питание, Лядов сообщил:

— Ракету с гелиостанцией вышлют завтра, а через два дня отправят ракету с кислородом и горючим. Но есть еще новости. От альберийских астронавтов нет никаких известий. В альберийской печати промелькнуло сообщение, что они отправились в космический рейс, не подозревая о смертельной опасности, которой подвергаются. Предполагают, что речь идет о ненадежной защите пассажиров корабля от радиоактивного излучения. Отсутствие известий от них вызвало сильную тревогу у акционеров общества по продаже лунных участков.

Новости с Земли произвели на путешественников сильное впечатление.

— Ничего не понимаю, — произнес Коваленко, задумчиво теребя свою бородку. — Почему альберийцы не подозревали об опасности? Почему ненадежная защита?

— Не знаю, что означают сообщения альберийских газет, — проговорил Рошин. — Но ясно одно: эта пресловутая компания была сильно заинтересована отправить на Луну ракету раньше, чем мы, с тем чтобы заявить о своих правах на спутник Земли.

— Но как мог Линье не знать о ненадежной защите против радиоактивного излучения? — удивился Лядов.

— Боюсь, что здесь какая-то афера, — ответил Рошин. — Возможно, их как-то заставили или обманули. Не думаю, чтобы Линье рисковал своей жизнью ради капиталов общества. Рошин помолчал и затем, поднявшись, решительно произнес: — Ну пойдете, Сергей Владимирович, продолжать наше дело. Рано или поздно станет известно, что там у них происходит. Петр Васильевич, останетесь на корабле держать с нами связь.

Рошин и Лядов надели скафандры и вышли в камеру шлюза.

Глава XXVIII

Перед отлетом «Циолковского» на Луну были посланы три автоматические радиоуправляемые ракеты. Первая из них была с танкеткой-лабораторией. Вторая ра-

кета содержала кислород и аппаратуру; в третьей имелись запасы воды и топлива.

Падение ракет было зафиксировано; при посадке их на Луну взрывался специальный пороховой заряд, дающий настолько яркую вспышку, что в телескоп она легко обнаруживалась.

На лунной карте командира корабля место падения ракет было отмечено: одна — у юго-западного, другая у юго-восточного склона кратера Архимеда. Рошин считал, что прежде всего необходимо найти ракету с кислородом.

Выйдя из корабля, Рошин и Лядов направились к кратеру Архимеда.

— Двадцать километров в час на Луне — сущие пустяки, — заявил Лядов.

— Да, на Земле мы были бы чемпионами мира. Впрочем, малая тяжесть проявляется здесь во многом. Обрати внимание, Сережа, на удивительные формы скал. Взгляни на ту скалу, — указал Рошин на громадный утес, который, имея незначительную точку опоры, повис всей массой в пространстве.

— Признаться, у меня нет желания пройти вблизи этой скалы.

— Это совершенно безопасно, — ответил Рошин. — На Земле сила тяжести давно бы обрушила его. А здесь сила тяжести недостаточна.

— Пожалуй, к этим особенностям лунного рельефа будет нелегко привыкнуть, — решил Лядов.

Неожиданно путникам перегородила дорогу глубокая черная пропасть, простирающаяся далеко за горизонт. К счастью, начало трещины было недалеко и астронавты обошли ее.

— А ведь в телескоп такая трещина едва заметна и кажется, что в лунном пейзаже она не играет никакой роли, — сказал Рошин. — Это еще одна из особенностей лунного рельефа. Наоборот, любой кратер в телескопе вырисовывается рельефно и резко благодаря длинным черным теням, которые он отбрасывает. Но взгляни на скаты кратера Архимеда: они настолько пологи, что не производят впечатления горы.

Путешественники взобрались на небольшую скалу и молча долго осматривали местность. К необычайной картине мрачного лунного ландшафта трудно было привык-

нуть. Позади и влево от них простиралась унылая равнина Моря дождей. На северо-востоке ослепительно сверкала вершина лунного кратера Тимохариса. На северо-западе тянулась грандиозная горная цепь Апеннин. Несмотря на значительное расстояние, горы казались из-за отсутствия дымки близкими. Прямо перед ними были исполинские громады цирка Архимеда.

— Какие, однако, нелепые эти названия лунных морей: Море Дождей, Море Влажности, Море Облаков, Море Паров, Море Плодородия, Океан Бурь! — воскликнул Лядов.

— Да, когда итальянский монах Риччиоли, живший в семнадцатом веке, давал эти названия, он не подозревал, какой насмешкой они будут звучать, — сказал Рошин. — Но надо связаться с «Циолковским». Вероятно, Коваленко уже волнуется.

В скафандре астронавтов имелась радиоаппаратура, позволяющая им поддерживать связь с кораблем.

В телефоне раздался обрадованный голос Коваленко.

— Это вы, Андрей Егорович? Я уже беспокоюсь. Не заходите слишком далеко. Здесь немудрено заблудиться. Не забывайте, что может не хватить кислорода.

— Не беспокойтесь, Петр Васильевич. Мы помним об этом. Будем держать связь через каждые 20 минут, — ответил Рошин.

Астронавты двинулись дальше. По мере того как они приближались к горам, местность постепенно изменялась. Все меньше становилось лунного песка, похожего на вулканическую пыль. Зато лунный щебень приобрел самые различные окраски. Встречались породы, напоминающие пемзу, серу, кварцевый порфир и даже базальт.

Неожиданно Лядов, всю дорогу «прощупывавший» лунную почву искателем, остановился и замер на месте. Звук в его наушниках заметно изменился. Неужели искатель что-то обнаружил? Он поспешно опускается на колени и просеивает сыпучую лунную пыль, словно старатель золотую россыпь. Но разве золотом можно измерить ценность того, что ищет Лядов? И он находит эту драгоценную крупинку. Да, это всего лишь капля оплавленного металла. Но это след. В их руках нить. Сквозь стекло скафандра Рошин видит сияющие голу-

бые глаза штурмана. Он также с восторгом рассматривает железную крупицу, лежащую на ладони Лядова. Принадлежит ли она последней ступени ракеты или контейнеру, упавшим на Луну с огромной скоростью — 3,3 километра в секунду и потому взорвавшимся и, по-видимому, испарившимся — пока еще неизвестно. Но ведь судьба вымпелов должна быть иная: к их сохранности были приняты специальные меры.

— Ну что ж, Сережа. Ты начал поиски — ты и будешь продолжать их, как только развернемся окончательно. Желаю удачи, а пока двинемся дальше, — сказал довольный Роцин.

Оба путешественника подошли к отрогам кратера Архимеда. Вся поверхность окаймлявших его гор была испещрена трещинами. Роцин развернул карту и некоторое время внимательно изучал ее.

— Да, где-то в этом районе, — сказал он после небольшого раздумья. — Вот что, Сергей Владимирович, будем двигаться в разных направлениях. Ты пойдешь на запад, а я на восток. Встретимся здесь. Вот ориентир, — указал Роцин на причудливой формы утес.

Они двинулись в путь, но уже через 15 минут Роцин услышал в наушниках радостный голос штурмана, сообщившего, что ракета найдена. Роцин направился к месту, указанному Лядовым, и вскоре увидел его, расположившегося недалеко от веретенообразного корпуса ракеты. Высокая и узкая скала отбрасывала резкую и черную тень, в которой Лядов укрылся от палящего зноя. Если бы не освещенные скалы, Роцин не мог бы видеть штурмана, ибо на Луне есть только свет или мрак и совсем отсутствуют полутени. Было жарко, хотя лунный день только что начался, а район высадки астронавтов находился близко к полюсу.

«Каково же сейчас на лунном экваторе?» — думал штурман, страдающий от мысли, что не может закурить в своем скафандре.

— Молодец, Сережа! — похвалил штурмана подошедший Роцин. — Я вижу, ты отличный разведчик. Какая же это ракета? — говорил профессор, разворачивая карту и делая на ней отметку. — Это вторая ракета с кислородом и аппаратурой. Ну, начало удачное, и у нас есть еще время поискать другую, — добавил он.

Окрыленные успехом, оба астронавта продолжали по-

иски ракеты в северо-восточном направлении. Однако на этот раз, пробродив около часа, они вернулись ни с чем. Рошин был расстроен неудачей.

— Возможно, ракета погрузилась в лунную пыль, — предположил он, — но тогда была бы заметна воронка.

— Найдем в следующий раз, Андрей Егорович, — успокоил его Лядов и предложил захватить по баллону с кислородом.

Рошин согласился. Открыв люк ракеты, они извлекли оттуда пятидесятикилограммовые баллоны. Взяв их на плечи, астронавты поспешили к «Циолковскому», откуда уже не раз их запрашивал Коваленко, обеспокоенный долгим отсутствием товарищей.

Баллоны, весившие на Луне около восьми килограммов, не мешали путешественникам возвращаться ускоренным шагом. Они прошли больше половины пути, когда Лядов неожиданно остановился и, сбросив баллон, стал всматриваться в небо.

Рошин недоуменно взглянул на своего спутника, заслонил рукой глаза от Солнца, стараясь рассмотреть, что заинтересовало штурмана. Однако он ничего не обнаружил.

— Смотрите внимательней, Андрей Егорович, — вскричал взволнованно Лядов, указывая на горизонт.

Далеко, на самом горизонте, появилась какая-то быстро перемещающаяся с юга на север точка. Станный предмет, поднявшись километров на пятьдесят над горизонтом, стал быстро опускаться. Изумленные путешественники не успели произнести и слова, как летящее тело снова исчезло за лунным горизонтом, который, вследствие большой кривизны поверхности Луны, значительно ближе, чем на Земле.

— Что это может быть? — воскликнул Лядов, придя в себя от изумления. — Ракета с Земли? Но ее вышлют только завтра, а прибудет она через два дня!

— Сергей Владимирович! — вскрикнул вдруг Рошин. — Готов поспорить, я знаю, что это было!

— Что же?

— Альберийская ракета!

— Альберийская ракета? — недоверчиво переспросил Лядов. — Но каким образом? Где же тогда она странствовала, если только что прибыла на Луну? Ведь альберийцы вылетели через два дня после нас.

— В том-то и дело, что она еще не прибыла на Луну. Ты обратил внимание, что ракета летела почти строго с юга на север, то есть в плоскости большого круга, проходящего через центр лунного шара? Если это так, то она летает вокруг Луны. Короче, я думаю, что альберийская ракета превратилась в спутник Луны.

Изумление Лядова возросло еще больше.

— Возможно, они не могут совершить посадку, — предположил штурман.

— Не будем сейчас гадать, — ответил Роцин. — Если мое предположение правильно, то часа через два ракета снова должна появиться здесь.

— А может быть, они совершат посадку?

— Возможно. Но, во всяком случае, не на той стороне Луны, где сейчас ночь. Если они сумеют совершить посадку, то самое удобное место на лунном меридиане, по которому они летят, — это в районе Моря Дождей.

Оба астронавта были настолько возбуждены, что даже не заметили, как оказались у «Циолковского». Поднявшись на корабль, Роцин и Лядов рассказали о своих успехах и наблюдениях Коваленко, ожидавшему с большим нетерпением их возвращения.

— Да, вероятней всего, что альберийская ракета сделалась спутником Луны, — согласился астроном с предположением командира корабля.

— Посмотрим, появится ли ракета снова, — сказал Роцин. — А сейчас надо перенести радиостанцию в пещеру и установить антенну где-нибудь на вершине. Работы еще много. Здесь уже невозможная жара. Зато, когда зайдет Солнце и наступит ночь, мы замерзнем здесь или потратим массу топлива для обогрева. Словом, надо устраиваться в пещере надежно.

Прежде чем размонтировать радиостанцию, Лядов связался с Землей и передал последние новости.

Вскоре все трое, опять нагруженные до предела, добрались до лунного дома. Касымов, решивший отпраздновать новоселье роскошным обедом, призвал на помощь все свои кулинарные способности. По случаю торжества на столе появилась бутылка «Советского шампанского». Доктор, попытавшийся наполнить вином стаканы, обнаружил новое неудобство на Луне.

— Как медленно здесь льется жидкость! Пока на

Луие нальется один стакан, на Земле можно выпить всю бутылку, — недовольно говорил он.

Обед прошел шумно и оживленно. Поведение альберийской ракеты не переставало занимать астронавтов.

— Петр Васильевич,— обратился Рошин к астроному, — не находите ли вы, что следует организовать наблюдение за альберийской ракетой?

— Да, непременно, но прежде нужно отдохнуть. Для высоты, на которой летит ракета, период ее обращения должен быть около двух часов. Поворот вокруг своей оси Луна делает за семьсот часов, следовательно, за один оборот ракета сместится на один градус, что для экватора составит тридцать километров, а для района, где находимся мы, немного меньше.

— Следовательно, за шесть — восемь часов нашего отдыха ракета совершит три-четыре витка и сместится километров на сто от нашего района! — сделал вывод Рошин.

— Да, я думаю, мы сможем ее еще видеть,— ответил астроном.

— Ну и прекрасно! В таком случае будем отдыхать!— решил Рошин.

И уставшие астронавты расположились на свой первый лунный «ночлег», хотя за пределами пещеры был ослепительный солнечный день.

Глава XXIX

Первым проснулся Касымов. Взглянув на часы, он убедился, что экипаж спит уже пять часов. Температура в лунном доме поднялась на два градуса. По-видимому, лунное утро кончалось, и температура поверхности Луны была уже не меньше 70 градусов. Воздух в лунном доме был не совсем свежим. Доктор проверил очистительные фильтры, где углекислый газ при температуре минус 78 градусов превращался в жидкость и удалялся. Автоматы, предназначенные для очистки и увлажнения воздуха, работали исправно.

«Кажется, что-то не в порядке с подачей озона», — подумал Касымов.

Действительно, автомат подачи озона оказался неотрегулированным. Отругав себя за недостаточную внима-

тельность, доктор быстро устранил неисправность. Небольшое количество поступившего озона тотчас же оказало свое благотворное действие. В тесной герметической палатке воздух стал свежим и приятным, как в лесу после грозы.

Пока Касымов готовил завтрак, проснулись все астронавты. Во время завтрака Рошин наметил план дальнейших действий.

— Прежде всего перетащим все баллоны с кислородом и сложим их здесь, в пещере. Помните, товарищи, что запас кислорода должен быть всегда точно известен.

— А не поискать ли мне пока ракету с водой и топливом? — предложил Рошину после завтрака Лядов.

— С водой не так срочно, Сережа. Поищем потом все вместе. Вот посмотри, как Юсуп Габитович делает воду. Доктор берется обеспечить нас водой.

— Ну, это вы преувеличиваете, Андрей Егорович, — отозвался Касымов, поставивший пластмассовую банку под кран какого-то бачка, из которого тонкой струйкой медленно вытекала вода. — Ты забыл, Сергей Владимирович, — пояснил доктор, — что человеческий организм выделяет больше воды, чем поглощает ее с питьем и пищей: И это нетрудно объяснить. В пище всегда содержится водород, который, соединяясь в организме с кислородом вдыхаемого воздуха, образует воду. Количество этой синтезированной воды доходит до 100 граммов в сутки.

— Так что же это за вода? — спросил Лядов.

— Эта вода, испаряемая нашими телами, извлечена из воздуха простой установкой — конденсатором. Если ее насытить кислородом и добавить некоторое количество солей, она будет вполне пригодна.

— Наши аккумуляторы скоро потребуют перезарядки, — сказал Рошин, обратив внимание на тусклый свет. — Займись-ка этим, Сергей Владимирович. Нужно снять с корабля батарею фотоэлементов и установить ее вблизи пещеры. Кроме того, необходимо установить антенну.

Выйдя из пещеры, Коваленко, Касымов и Рошин направились по маршруту, уже знакомому Рошину. Они решили вначале поискать ракету с топливом, а потом уже переносить баллоны с кислородом.

— Соберемся на этом месте через два часа. Позывные давать через каждые 30 минут, — закончил свои распоряжения профессор.

Все разошлись по указанным направлениям.

Между тем Лядов принес с корабля батарею из твердых полупроводниковых фотоэлементов на германиевой основе. Они преобразовывали световую энергию в электрическую с коэффициентом полезного действия до 16 процентов. Площадь освещаемой поверхности батареи составляла около двух квадратных метров, что давало возможность получить электрический ток мощностью 350 ватт. Этой мощности хватало только для зарядки аккумуляторов. В будущем потребности научной станции в электроэнергии должна была удовлетворять гелиостанция.

Солнце на Луне перемещается по небосводу очень медленно, и не требуется автоматов, чтобы поддерживать все время батарею фотоэлементов перпендикулярно к солнечным лучам: достаточно раз в несколько часов вручную поворачивать установку на нужный угол.

Лядов начал протягивать от батареи кабель в пещеру, когда его внимание привлекла точка, появившаяся на горизонте.

«Ракета», — мелькнуло у него в голове. Он бросил кабель и стал быстро взбираться на вершину ближайшей горы, где недавно установил антенну. Точка превратилась в полоску, которая, приближаясь, становилась все больше. И вдруг с ракетой произошло нечто необъяснимое: из сопла ее вырвался яркий столб пламени, и, плавно изменив направление, ракета устремилась ввысь. Светящаяся точка быстро удалялась от Луны. Неожиданно яркое пятнышко стало темным, как бы остановилось и постепенно стало увеличиваться в размерах. Сомнений не было — ракета падала на Луну.

Все ниже и ниже опускалась ракета: вот она повисла почти неподвижно и скрылась за горную цепь.

Итак, в ракете живые люди! Иначе как же объяснить эту искусную посадку. Но почему ракета вела себя так странно? Лядов заметил направление, в котором опустилась ракета, и стал спускаться с горы.

Вскоре возвратились астронавты, нагруженные баллонами с кислородом. Когда все зашли в лунный дом и, сняв скафандры, стали обмениваться впечатлениями, Лядов рассказал о своих наблюдениях.

— Где же они примерно совершили посадку? — спросил Рошин.

— К западу от нас, в направлении кратера Автолик.

— Как ты думаешь, Сережа, в скольких это километрах от нас?

— Не больше чем в тридцати — пятидесяти километрах, — ответил, немного подумав, Лядов.

— И все-таки я почему-то уверен, что у них что-то не в порядке, — произнес Рошин.

— Нам надо не теряя времени пойти к месту посадки альберийской ракеты и выяснить, что у них произошло. Возьмем медикаменты и все необходимое, чтобы оказать помощь людям.

Астронавты выбрались из дома и направились к кратеру Автолик. Вдали простиралась небольшая горная цепь, за которой, как уверял штурман, сразу будет виден альберийский корабль.

Прошел час, прежде чем они добрались до горной гряды. Это были сравнительно низкие горы, высотой не больше 300 метров. Впрочем, на Луне их нельзя было назвать горами, так как лунные горы значительно выше, чем земные. Многие из них достигают высоты 7 — 8 километров, а вершины гор Лейбница, расположенных почти у Южного полюса, возносятся на высоту почти 9 километров.

Астронавты без особого труда преодолели горную цепь, перегородившую им путь. Лядов, первым добравшийся до вершины, возбужденно замахал руками. Вскоре подошли остальные. На открывшейся перед ними равнине возвышался металлический сигарообразный предмет. Альберийская ракета, стоявшая вертикально на треногом шасси, ярко блестела в лучах Солнца. Корпус ее слегка накренился. Несколько минут астронавты молча наблюдали за ракетой.

— Людей как будто не видно, — сказал Рошин.

— Да, — подтвердил Лядов, — не видно.

— Ну что ж, двинемся дальше, — сказал Рошин и начал спускаться с горы.

Не прошло и пятнадцати минут, как астронавты стояли уже у металлической ноги ракеты. Альберийский корабль имел форму почти такую же, как и «Циолковский», только размером немного меньше. Длина его не превышала тридцати метров. На тускло блестящем металле выделялась надпись «Альберия». Одна сторона корпуса ракеты

была окрашена в черный цвет, другая имела светлую поверхность. По-видимому, на корабле не было электрического отопления, и нормальная температура в кабине поддерживалась за счет солнечных лучей. Черная часть окраски ракеты поглощала солнечные лучи, а светлая—отражала. Поворачивая в полете корабль различным образом относительно Солнца, пассажиры его поддерживали в кабине нужную температуру.

Астронавты обошли вокруг ракеты. У корабля не видно человеческих следов. Несомненно, что со времени посадки ракеты из нее никто не выходил. Хорошо бы заглянуть в стеклянное окно кабины. Но оно высоко—около 25 метров.

К счастью, вдоль корпуса корабля сделана шахта со скобами, идущими от кормы к люку кабины. Но и до нижней скобы не меньше шести метров.

Неожиданно Коваленко находит решение. Поблизости разбросаны крупные куски горной породы, что-то вроде вулканического туфа. Подняв громадную глыбу, он легко понес и сбросил ее у подножья ракеты. Его примеру последовали остальные. Вряд ли мировые рекордсмены по поднятию тяжестей смогли бы показать на Земле такую ловкость и неутомимость, какую обнаружили четверо советских ученых. Вот профессор Рошин поднимает огромный камень, весящий на земле не меньше 60 килограммов, и легко закидывает его на вершину быстро растущей кучи. Вслед за ним Касымов перекатывает огромную глыбу. Вскоре образовалась пирамида высотой больше трех метров.

С вершины ее нетрудно добраться до кормы корабля. Влезть на альберийскую ракету пожелал Лядов. Он встал на плечи Касымову, чтобы дотянуться до нижней скобы.

— Подымай меня на руках, Юсуп,— крикнул Лядов, обнаружив, что не достаёт до скобы на какие-нибудь тридцать сантиметров.

Касымов легко поднял его на вытянутых вверх руках, после чего Лядов мог схватиться за скобу.

Вскоре Лядов уже стоял на одном уровне с окном и мог заглянуть в него. Несколько минут он ничего не мог различить внутри кабины, казавшейся совершенно черной. Наконец, Лядову удалось рассмотреть трех человек:

двое из них сидели в креслах и казалось спали, третий растянулся на полу у выходного люка.

Штурман быстро спустился и рассказал товарищам о том, что он увидел в кабине. Все задумались. Чтобы помочь пострадавшим, если они еще живы, необходимо проникнуть в запертую изнутри кабину. Но как открыть герметически закрытую крышку люка, да еще на такой высоте?

— Рефлектор! — воскликнул Коваленко. — Нужно расплавить запор от люка кабины.

— Правильно! Люк выходит на солнечную сторону. Пожалуй, можно воспользоваться рефлектором, — согласился Роцин. — Придется вам, Петр Васильевич, вместе с доктором вернуться и принести зеркало. Вы, Юсуп Габитович, захватите аптечку и все необходимое для оказания срочной медицинской помощи. А мы тем временем соорудим из камней новую пирамиду.

— Не забудьте захватить веревку и пластырь для заделки отверстия, — крикнул Лядов удалявшимся гигантскими шагами астронавтам.

Когда спустя два часа астроном и доктор вернулись, они убедились, что Роцин и Лядов не теряли напрасно времени: рядом с ракетой возвышалась внушительная пирамида высотой около восьми метров. На ее вершине укрепили рефлектор. Вскоре тонкий пучок концентрированной солнечной энергии вонзился в металлическую броню корабля.

Роцин, направивший луч на запор люка, вырезал словно резцом около него отверстие. Не прошло и десяти минут, как работа была закончена.

Касымов, захватив сумку с аптечкой, стал подыматься на корабль тем же способом, каким до него это сделал Лядов. Добравшись до люка, он просунул руку в отверстие, вырезанное солнечным лучом, и, нащупав ручку, нажал на нее. Дверь легко поддалась, и доктор проник в тесную камеру шлюза. Здесь было совершенно темно. Касымов включил электрический фонарь и заделал отверстие пластырем из специальной пластмассы, обладающей свойством прочно прилипать к металлу.

Убедившись в надежной герметичности шлюза, Касымов нашел на стене щит с манометром и кнопку пуска мотора. Открыть дверь в пассажирскую кабину, где имелось нормальное давление, было невозможно, так как

в шлюзе не было воздуха. Для создания в камере шлюза нормального давления насосы перекачивали в него воздух из специальных резервуаров. Проникнуть в кабину можно было лишь при исправной работе воздушных насосов. Касымов включил рубильник и по дрогнувшей стрелке манометра убедился, что пневматическая система работает.

Медленно потянулись минуты ожидания. Стрелка манометра, казалось, едва перемещалась. Шум моторов становился все явственней по мере наполнения камеры воздухом. Прошло двадцать минут. Стрелка манометра подползла к цифре «1».

Доктор толкнул легко поддавшуюся дверь и шагнул в кабину.

Глава XXX

Касымов едва не споткнулся о человека, распростертого на полу. В руке он судорожно сжимал древко с флагом Альберии. Астронавт был в скафандре, и трудно было определить, жив ли он. Касымов снял с него скафандр и, опустившись на колени, взял его руку.

Слабые удары пульса свидетельствовали о том, что человек (это был Линье) жив.

Доктор поднял его и уложил в кресло.

Второй астронавт тоже был без сознания.

Третий смотрел на Касымова широко открытыми глазами, в которых выражались испуг и удивление.

— Вы из Советского Союза? — спросил, догадавшись, он.

Доктор, неплохо знавший альберийский язык, ответил утвердительно.

— Но что с вами? — спросил Касымов. — Я врач и хочу вам помочь.

Тот, с трудом произнося слова, объяснил:

— У всех нас лучевая болезнь. Я это хорошо знаю. Скажите, что с Линье и Альваресом, моими спутниками?

— Ваши товарищи живы. Сколько времени, как вы заболели?

— Мы почувствовали себя плохо, когда ракета уже начала падение на Луну.

Диас закрыл глаза.

— Не волнуйтесь, — сказал Касымов. — Думаю, что можно будет вам помочь.

Касымов открыл сумку с медикаментами и инструментами.

— Где у вас вода и электрическая плитка? — спросил он Диаса.

Больной открыл глаза и слабым движением руки указал на розетку и выключатель. Касымов включил свет и без труда нашел все необходимое. Пока на плитке кипятились инструменты, он распечатал коробку, в которой лежали ампулы с жидкостью. Это были ампулы с препаратом от лучевой болезни, открытым советскими учеными.

Хотя пассажирам «Циолковского» не грозила опасность подвергнуться на ракете радиоактивному облучению, тем не менее они могли попасть под ионизирующее облучение на Луне, поэтому в аптечке у них был препарат.

Сделав пострадавшим инъекцию, Касымов увеличил содержание кислорода в кабине. Затем подождал 15 минут и ввел всем троим один из сильнейших антибиотиков, появившихся недавно в Советском Союзе.

Тут доктор услышал сверху слабый стук. Подняв голову, он увидел Рощина, наблюдавшего за ним через окно кабины. Доктор дал знак, что собирается выходить.

Поставив перед больными воду и еду, Касымов одел скафандр и вышел к ожидавшим его товарищам.

— У них лучевая болезнь, по-видимому, третьей степени. Трудно определить дозу облучения, которой они подверглись, — сообщил он. — Я сделал все необходимое, но оставить их без ухода нельзя.

Некоторое время астронавты молчали, обдумывая положение. Работы было по горло. Еще до наступления лунной ночи необходимо найти ракеты с топливом, пищей и водой, найти и приспособить танкетку для передвижения по Луне, смонтировать гелиостанцию, которую через несколько дней должны прислать с Земли. Но нельзя оставлять пострадавших одних, без всякой помощи.

— Оставайтесь с ними, Юсуп Габитович. — сказал Рощин. — Попытаемся выполнить все работы втроем. Будем кулинарничать по очереди.

Астронавты попрощались с доктором и ушли, оставив его у альберийской ракеты.

Несмотря на предельную занятость, Лядов упорно продолжал поиски вымпелов. Он нашел уже много отдельных осколков, а однажды в его руках оказался кусочек меди и даже уцелевший каким-то чудом полупроводник, по-видимому, от радиопередатчика.

Теперь уже не было сомнений, что в этом районе упал контейнер с научной аппаратурой, а не последняя ступень ракеты. И, наконец, наступил момент, когда упорство штурмана было вознаграждено. Все произошло просто. Звук в телефоне резко изменился, и Лядов увидел под ногами небольшую воронку. Ему не пришлось отгребать долго лунную пыль, чтобы извлечь предмет, копии которого бережно хранятся на Земле в музеях многих стран. Он с гордостью поднял драгоценный шаровой вымпел, на пятиугольных элементах которого были выбиты герб Союза Советских Социалистических Республик и надпись «Сентябрь». 1959 г.». Он ярко блестел, отражая лучи Солнца.

Когда Лядов сообщил по радио о своей удаче Рощину, тот приказал ему не уходить с места находки и ожидать прихода всего экипажа. Вскоре появился Рощин, а затем Коваленко и Касымов. В руках доктора был киноаппарат. Пока астронавты рассматривали находку, Касымов успел запечатлеть этот волнующий момент на пленку.

В конце недели больные почувствовали себя значительно лучше, хотя были еще очень слабы. Касымов мог теперь оставлять их на некоторое время и принимать участие в работе экспедиции.

Когда состояние здоровья Линье не вызывало уже опасений, Касымов решил выяснить некоторые чрезвычайно странные обстоятельства космического рейса альберийских астронавтов.

— Должен признаться, господин Линье, — сказал он, — что весь наш экипаж не может понять, что заставило вас отправиться в космос на атомной ракете, не имеющей надежной защиты от радиоактивного излучения. Я, например, крайне удивлен, что вы не имеете даже препарата, разработанного вашим соотечественником, профессором Ренаром.

И тогда Линье рассказал, при каких обстоятельствах, уже известных читателю, он отправился в этот рискованный рейс.

— Перед отлетом мы сделали инъекцию препарата. Но, как видите,— вздохнул Линье,— действие препарата оказалось менее эффективным, чем мы предполагали. К тому же случилось так, что атомный двигатель работал значительно дольше, чем было предусмотрено. Боюсь, что двигатель сильно поврежден. Нам не удалось отрегулировать тепловой режим еще на стенде — и вот последствия. Ракета достигла скорости десять и пять десятых километра в секунду не через десять минут, как я рассчитывал, а лишь спустя пятнадцать минут. Только тогда мы выключили двигатель. Таким образом, двигатель при взлете проработал на пять минут больше. Каждая же лишняя минута была для нас губительна. Мы благополучно пролетели нейтральную зону и начали падение на Луну, когда почувствовали себя скверно. Да, до того чертовски скверно, что я стал опасаться, сумеем ли мы совершить посадку. Мои спутники лежали в бреду. Взглянув на спидометр, я с ужасом обнаружил, как стремительно растет скорость падения. По-видимому, до Луны было несколько сотен километров. Нельзя было больше терять ни одной секунды. Но я чувствовал, как становлюсь все слабее и слабее.

И тогда меня озарила мысль — превратить ракету в спутник Луны. Собрав последние силы, я с трудом дополз до щита управления и, включив двигатель, повернул ракету параллельно поверхности Луны. Как только ракета развила достаточную скорость, я выключил двигатель, и тотчас же силы оставили меня.

Не помню, сколько времени я пролежал без сознания. Когда я пришел в себя, то увидел Диаса, прикладывающего к моему лбу смоченную водой губку. Нам сделалось легче. Но мы знали, что это облегчение обманчиво, после него приступ болезни станет еще ожесточенней. Нельзя было терять времени, надо было совершить посадку, пока наше состояние позволяло это сделать. Я поднялся и выглянул в окно. Ракета летела над какой-то горной цепью. Казалось, нас отделяло от нее всего несколько километров. Это было непонятно. Я отлично помнил, что ракета превратилась в спутник на значительно

большой высоте. Если ракета опустилась, то только вследствие тормозящего действия атмосферы. Не значит ли это, что на Луне на большой высоте есть атмосфера?

— Вы угадали. Мы пришли к тому же выводу,— сказал Касымов.— Никто из нас не обнаружил до сих пор падения метеорита.

— Следовательно, метеорная опасность на Луне не больше, чем на Земле! — воскликнул конструктор.

Касымов ответил утвердительно.

— Итак,— продолжал Линье,— мы решили произвести посадку. Долгое время я не находил удобного места для посадки. Не успевала кончиться одна горная система, как начиналась другая. Прошло около часа, прежде чем мы увидели равнину и смогли опуститься. От сильного сотрясения Диас и Альварес потеряли сознание. Я же еще держался и попытался выйти. Но у меня хватило сил только надеть скафандр, а дальше я уже ничего не помню. Если бы не ваша неожиданная помощь, наша ракета превратилась бы в первую гробницу на Луне. Сумеет ли мы отплатить вам за все, что вы сделали для нас?!

— Но почему у вас в аптечке не оказалось препарата? — поинтересовался Касымов.

— О, это длинная история,— неохотно ответил Линье после небольшого молчания.— Я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

Касымов поспешил к своим товарищам и передал им рассказ Линье.

— Значит, Ренар ошибся в действии препарата? — задумчиво спросил Рошин.

— Нет, Андрей Егорович, он, оказывается, предупредил Линье, что препарат ненадежен,— заявил Лядов среди общего молчанья.

— Предупредил? — переспросил Рошин.— Откуда вам известны такие подробности?

— Да, я совсем забыл рассказать вам, какие получены новости с Земли.

— Ну, ну, рассказывай, в чем дело!

— Передают, что в Альберии в связи с этим космическим рейсом поднялась небывалая шумиха. Профессор Ренар возбудил дело против главы компании «Альберия — Луна», обвиняя этого господина в том, что он не передал Линье адресованную ему телеграмму.

В этой телеграмме Ренар предупредил Линье, что действие препарата недостаточно проверено, что человек, над которым проводились испытания, умер.

Сообщение Лядова вызвало негодование астронавтов.

— Значит, Линье даже не подозревает, какую «шутку» сыграл с ним этот негодяй? — спросил Коваленко.

— Да, для него это будет открытием. Пожалуй, не стоит пока рассказывать им об этом, — решил Касымов.

Весь экипаж согласился с мнением доктора.

Глава XXXI

Приближалась 14-суточная лунная ночь с ее 160-градусными морозами. Ночь на Луне, как и день, наступает из-за отсутствия воздуха внезапно, без перехода через сумерки. Так же быстро происходит переход от тепла к холоду. Палящий зной сменяется холодом межпланетного пространства. Лишь в лунных пещерах колебания температуры не так резки.

Ночевка на Луне требовала серьезной подготовки. Людям нужны были энергия, топливо, воздух, продукты питания. Все настоятельней ощущалась потребность в дополнительных источниках энергии. Мощности батарей фотоэлементов не хватало для полной зарядки аккумуляторов, которые постепенно разряжались. Немало энергии уходило на отопление, освещение, питание приборов, радиосвязь.

Астронавты с нетерпением ожидали с Земли ракеты с гелиоэлектростанцией. Наконец, на седьмые земные сутки прибыла автоматическая ракета с долгожданным грузом. Она была быстро найдена, так как имела периодически работающий радиопередатчик, позволивший запеленговать его.

В сборке гелиоэлектростанции приняли участие все астронавты. Зеркало диаметром в шесть метров установили на той же вершине, где стояла антенна. Специальное часовое устройство поворачивало изогнутое зеркало вслед за Солнцем. Сконцентрированные солнечные лучи падали на парообразователь, помещенный в фокусе зеркала. Полученный в нем пар высокого давления поступал в паровую турбину, вращающую электрогенератор. Энергетический баланс научной станции резко возрос. Теперь под сводами пещеры горело, отражаясь в

бесчисленных кристаллах, множество электрических лампочек. Мощность гелиостанции была достаточной не только для питания всех потребителей, но и для непрерывной зарядки множества аккумуляторов, накапливающих энергию на долгую лунную ночь.

До начала лунной ночи оставалось четверо земных суток. Альберийские астронавты к этому времени почувствовали себя настолько хорошо, что доктор разрешил им совершить первую лунную прогулку.

Почувствовав себя нормально, Линье прежде всего попробовал установить связь с Альберией. После многих попыток он, наконец, услышал знакомые позывные и коротко сообщил обо всем, что произошло. Дежурный радист долго не мог поверить, что они живы.

— В печати сообщают,— сказал он,— что экипаж альберийского корабля зверски уничтожен высадившимися на Луну русскими коммунистами. Можно ли быть уверенным, что у микрофона Линье?

— Откуда у вас такие сведения? — спросил Линье.

— Это утверждает господин Оливейра.

— Передайте ему, что это вздор,— закричал Линье.— Мы не знаем, что теперь делать...

На этом связь неожиданно оборвалась.

«Зачем понадобились господину Оливейра эти измышления, — подумал Линье, — ведь штурман Лядов регулярно сообщает все новости с Луны. О том, что мы обязаны русским своим спасением, вероятно, знает весь мир».

В тот же день он сообщил Касымову о своем разговоре с Альберией и о странном поведении председателя общества «Альберия — Луна».

— Оно покажется вам менее странным, если вы узнаете кое-какие подробности, касающиеся вас, — ответил Касымов и рассказал альберийским астронавтам об иске, предъявленном профессором Ренаром господину Оливейра.

Узнав о поступке Оливейра, Линье и Диас долго не могли прийти в себя. Конструктора охватил приступ бешенства, он задыхался от негодования, потом он впал в не свойственное ему состояние уныния. В глазах Диаса вспыхнул мрачный огонь.

— Если бы судьбе было угодно, чтобы мы встретились! — прошептал он и больше не проронил ни слова.

Один Альварес отнесся ко всему безразлично.

Экипаж «Циолковского» всячески старался рассеять мрачные мысли альберийских астронавтов.

— Ну, ну, не вешать носа, друзья, — говорил Рошин. — Побудете с нами, поработаете, а потом свезем вас на старушку-Землю. Здесь не оставим.

Осуществить космический рейс с Луны было гораздо проще, чем с Земли. В свое время Рошин очень неохотно согласился увеличить экипаж ракеты с трех человек до четырех. Ведь на каждый килограмм полезного груза приходилось девять килограммов ракетной оболочки и сто двадцать килограммов топлива. Таким образом, из-за одного человека приходилось брать лишних десять тонн топлива, не считая запаса пищи, питья и воздуха. Но при отлете корабля с Луны увеличение экипажа на три человека не представляло больших трудностей. Во-первых, ракета была теперь на много десятков тонн легче за счет израсходованного топлива, пищи и воздуха. Во-вторых, отсутствие атмосферы на Луне и меньшее притяжение, чем на Земле, намного облегчало старт. Поэтому скорость отрыва от Луны значительно меньше, чем от Земли. Чтобы добраться от Луны до точки равного притяжения, достаточно развить скорость два и четыре десятых километра в секунду.

После достижения этой скорости двигатель выключается. При этом траектория выбирается такой, чтобы корабль входил в земную атмосферу полого.

Узнав, что советские астронавты озабочены тем, что не нашли ракеты с топливом, Линье и Диас предложили разрешить им заняться поисками. Получив согласие Рошина, они отправились в район кратера Архимеда и после длительного отсутствия вернулись с радостной вестью о том, что ракета найдена.

В тот же «день» астронавты были обрадованы удивительным сюрпризом. Выйдя из пещеры, все остановились: навстречу им, искусно объезжая все препятствия, двигалась танкетка. Повинуясь командам «водителя» с далекой Земли, она остановилась поблизости от астронавтов. Поистине, даже в век автоматике это казалось чудесным. Космонавты с благодарностью подумали о предусмотрительности ученых на Земле, оставивших в танкетке достаточно горючего, чтобы провести ее через все препятствия. Как кстати оказался этот неожиданный подарок!

— Земля прислала нам «такси»! — с восторгом воскликнул Лядов и, открыв дверцу танкетки, пригласил всех воспользоваться транспортом.

С помощью танкетки содержимое ракеты, найденной альберийцами, было быстро перевезено в лагерь. Кроме топлива, в ней оказались аккумуляторы, оборудование для специальных научных наблюдений и ряд предметов для создания людям на Луне нормальных бытовых условий.

Участвуя в строительстве научной станции на Луне, альберийские астронавты отвлекались от мрачных дум.

Теперь затея господина Оливейра с продажей лунных участков представлялась Линье не столько бессмысленной, сколько бессовестной аферой. А еще совсем недавно продажа Луны казалась ему обыкновенной коммерческой операцией.

Ближе познакомившись с советскими учеными, которые ни разу не заикнулись о колонизации Луны Советским Союзом и о своих правах на спутник Земли, Линье был удивлен. Все их помыслы были устремлены только на научные исследования. Еще не развернув как следует станцию, они сделали множество ценных наблюдений и открытий.

Рошин и Лядов составляли подробные карты лунной поверхности. Доктор Касымов проводил многочисленные наблюдения, изучая человеческий организм в условиях Луны.

А профессор Коваленко успел собрать богатейшую коллекцию лунных пород и минералов, неутомимо вел астрономические наблюдения, составлял карты, фотографировал лунное небо. Его энтузиазм передавался всему экипажу, часто отказывающему себе в отдыхе.

— Мы должны изучить и сообщить как можно больше фактов,— говорил Коваленко.

Часто во время отдыха он развивал перед слушателями планы освоения Луны.

— Луну вполне можно освоить,— говорил астроном.— Метеоритная опасность отпала. Остается научиться добывать кислород и воду. Это трудно, но возможно. На Луне возникнет промышленность. Добыча топлива станет главной отраслью. Заводы по производству топлива для

ракет снабдят своей продукцией межпланетные корабли и искусственные спутники Земли и Луны. В энергии недостатка не будет. Гигантские солнечные электростанции покроют Луну. Они снабдят электроэнергией и теплом предприятия и жилища лунных поселений. А уж чего-чего, а солнечной энергии на Луне хоть отбавляй. С одного квадратного метра здесь можно получить мощность более полутора лошадиных сил. Мощные атомные электростанции обеспечат энергией в течение долгой лунной ночи. Потребуется много металла. Не возить же его с Земли. Я уверен, что мы найдем здесь залежи чистейшего железа. Появится металлургическая и машиностроительная промышленность. На Луне построят заводы и шахты, обсерватории и телевизионные станции! Человек превратит Луну в удобную пересадочную станцию на пути полетов в Космос.

Диас часто перебивал рассуждения Коваленко ироническими замечаниями. Он все время был в мрачном настроении, и оптимистические предсказания профессора часто раздражали его и вызывали у него желание противоречить.

— Ну откуда на Луне может быть вода и кислород, — говорил Диас. — Ваши поиски ископаемого льда — химера! Мы находимся на Луне достаточно времени, чтобы отказаться от этой вздорной мысли, профессор.

Однажды, когда астронавты отдыхали в лунном доме, Коваленко вынул с таинственным видом несколько кусков какого-то минерала и подошел к Диасу.

— А ну-ка, взгляните-ка на эти камни! — произнес он с торжествующим видом, обращаясь к физику.

Диас взял несколько камней и, равнодушно повертев их в руках, вернул Коваленко.

— Не понимаю, профессор, что вас так взволновало в них. Во всяком случае, на драгоценные камни они не похожи.

— Для будущего Луны они дороже драгоценных камней! — вскипел Коваленко. — Это же окись кремния, а вот окись магния. Конечно, свободного кислорода на Луне нет, но заводы будут добывать кислород из этих окислов. А в этом кристалле, уважаемый, вода. Кристаллизованная вода! Вы понимаете, что это значит! А затем мы окружим Луну искусственной атмосферой.

— Напрасный труд. Она все равно улетучится, — заметил Диас.

— Улетучится, но не сразу. Увеличить силу тяжести Луны мы, конечно, не в состоянии. Но если на Луне создать атмосферу, она способна удержаться на ней несколько тысяч лет, прежде чем улетучится. В масштабах мироздания это ничтожный срок, а для людей вполне достаточно. И когда-нибудь люди оживят Луну, ведь назначение человека в том и состоит, чтобы творить прекрасное! — произнес с энтузиазмом увлекшийся Коваленко.

Астронавты обступили спорящих и с интересом рассматривали минералы, найденные астрономом.

— Вы все слишком упрощаете, дорогой профессор, — возразил Диас. — И вообще, я прихожу к выводу, что даже то небольшое, что может завоевать человечество в космосе — ничего ему не даст. Не лучше ли обратить наши усилия на улучшение жизни на Земле?

— Позвольте, позвольте, батенька. О чем это вы? — несколько оторопел Коваленко. — Мы напрасно стремимся в космос?

— Вот именно, профессор. В завоевании космоса больше романтики, чем практической необходимости. Надеюсь, вы не станете возражать, что в пределах солнечной системы нет ни одной планеты, где люди могли бы жить без вспомогательных приспособлений. Давайте вспомним. На Меркурии нет атмосферы и воды. К Солнцу он обращен всегда одной стороной. Значит, на одном полушарии жара 400 градусов, на другом — страшный мороз — 270 градусов ниже нуля. Туда опасно высаживаться и в скафандрах.

Дальше — Венера. Густая облачная атмосфера скрывает ее поверхность. Фактически мы ничего не знаем о ней. Но и то, что известно, подтверждает, что жизнь на Венере имеет иные формы, чем на Земле. Человек не приспособлен к ней. В атмосфере Венеры нет водяных паров, зато много углекислого газа.

Теперь — Марс. О нем шумят больше всего. Но и атмосфера Марса также не годится для человека: в ней слишком мало кислорода и водяного пара. А какие суровые условия жизни: плюс пятнадцать градусов в самое теплое время года, минус сорок ночью и минус

сто градусов зимой. Ну, а дальше — планеты-гиганты. О них и говорить не приходится. Уж слишком они удалены от Солнца. На Юпитере средняя температура минус сто тридцать восемь градусов, на Сатурне — минус сто пятьдесят три, на Уране — минус сто семьдесят, на Нептуне — минус двести. Атмосфера их состоит из кристаллов аммиака и метана. И, наконец, ни один летательный аппарат не сможет совершить посадку и взлет из-за чудовищной силы тяжести. Человек на Юпитере весил бы в два и шесть десятых раза больше, чем на Земле, и едва волочил бы ноги.

Я не сомневаюсь, что в пределах Солнечной системы ни на одной планете мы не встретим существа, обладающего интеллектом. Итак, к чему мы стремимся?

— Позвольте, уважаемый, всё это известно,— начал Коваленко, снимая очки.

— Извините, я не кончил,— перебил его Диас.— Не сомневаюсь, что известно. Но я хочу довести до конца свою мысль. Перейдем к другим системам. Что из того, что даже в пределах только одной нашей Галактики могут быть миллиарды планет, на которых возможна цветущая и разнообразная жизнь, если они никогда не будут доступны человеку. Если бы даже наша ракета сумела достичь скорости света, что, конечно, невозможно, то и тогда мы не имели бы права считать себя победителями Вселенной. В самом деле, только до ближайшей звезды нам пришлось бы добираться четыре и три десятых года, а до остальных — десятки, сотни и тысячи лет. Лишь потомки астронавтов, покинувших Землю, смогут достичь более отдаленных звездных систем. Больше того, передвигаясь со скоростью света, путешественники не увидят на небесном своде ни одной звезды, ибо длины волн, идущих от звезд, к которым мы приближаемся, сделаются бесконечно малыми и бесконечно большими для звезд, от которых мы удаляемся. Мы не увидим ни одного небесного тела. Да, эффект Доплера сделает бесполезным все путешествие. Покорители Вселенной превращаются в слепых котят, их окружает черная, необъятная пустыня.

Нет, господа, мы можем более или менее освоить эту мертвую планету, но человечеству нет смысла пытаться проникать дальше в космос.

— Нет уж, позвольте, уважаемый, — произнес Коваленко и, надев очки, внимательно посмотрел на Диаса. — Удивительно! Оказавшись в числе первых астронавтов, вы стали рассуждать, как обыватель.

Нельзя не согласиться с вами в том, что в пределах Солнечной системы действительно нет планеты, кроме Земли, удобной для человека. Но не забывайте, что люди будут в состоянии активно вмешиваться в жизнь Солнечной системы. Человек покорит Вселенную и изменит порядки, существовавшие там миллиарды лет.

Да, потрясающей грандиозности дела будущих людей! Они изменят относительное расположение планет и создадут на них искусственным путем необходимую атмосферу; при помощи атомной энергии люди превратят планеты в гигантские космические корабли. Они отодвинут от Солнца Меркурий и приблизят к нему Марс и Юпитер. Люди создадут на планетах и их спутниках условия, сходные с земными, и заселят, как предсказывал мой великий земляк Циолковский, все около-солнечное пространство. И, кто знает, быть может, когда люди смогут обеспечить освещение и отопление Земли, помимо Солнца, они превратят свою планету в космический корабль и направят ее к далеким звездам для их изучения и использования на благо человечества. И разрешать такие задачи будет по плечу только объединенным усилиям ученых и тружеников всего мира.

Да, друзья мои, как ни велико значение первого полета на Луну, но по сравнению с делами будущих людей, оно лишь робкое начинание, первый шаг ребенка.

— Но вы просто мечтатель, — сказал Диас, пожимая плечами.

— Мы не «просто мечтатели», а реальные мечтатели, — строго поправил его Коваленко, и с воодушевлением продолжал. — Вы, Диас, утверждаете, что ракета не может достичь скорости света. А фотонная ракета? Мы уверены, что звездолет, использующий энергию атомов, превращенных в кванты света — создадут. И тогда человек будет вправе считать себя победителем Вселенной. Достигнут отдаленных звездных систем сами астронавты, покинувшие Землю, а не их потомки! Вы, физик, не желаете считаться с выводами теории относительности. Вам прекрасно известно, что при скорости,

близкой к скорости света, время на космическом корабле будет протекать значительно медленнее земного. Даже, если скорость звездолета будет меньше скорости света на одну сотую процента, то время на нем будет протекать примерно в семьдесят раз медленнее, чем на Земле. Жизнь астронавтов как бы удлинится, хотя сами они этого не заметят. Пространствуя по земному счету сто пятьдесят—двести лет и посетив отдаленные миры, они вернутся на Землю, постарев лишь на два-три года и, вероятно, уже не застанут в живых многих из тех, кто провожал их в этот полет.

— Вы недооцениваете, Петр Васильевич, успехи медицины в будущем, — запротестовал неожиданно доктор. — К тому времени сто пятьдесят — двести лет будет средним возрастом человека, и астронавты застанут всех своих современников живыми. Но не об этом хочу я сказать. Если фотонная ракета и не будет создана, то существует другой способ достичь отдаленных миров, например, на атомной ракете с небольшой скоростью, скажем, сто километров в секунду. И если путешествие продлится тысячу лет или больше, то пассажиры только выиграют от этого.

— Что еще за парадоксы! Вы, вероятно, шутите, Юсуп Габитович. А то наши спорщики выглядят чересчур серьезно, — заявил, улыбаясь, Лядов.

— Я не шучу, — ответил Касымов. — Вы слышали о работах по приостановке клеточных процессов? Если вся цитоплазма тканей пребывает в состоянии, названном «полной безжизненностью», то организм может находиться в самых суровых условиях неограниченно долгое время, после чего может быть снова возвращен к нормальной жизни. Но это не главное. Предполагают, что состояние полной безжизненности оказывает удивительное влияние на резервы биофизической энергии тканей тела. Если организм находится в состоянии полной безжизненности три года, то, обретя нормальную жизнь, он будет обладать дополнительным запасом биофизической энергии, достаточной для продления его жизни еще на три года.

Астронавты слушали с напряженным интересом.

— Все ясно, Юсуп, — перебил его Коваленко. — Вы хотите сказать, что если человек во время тысячелетнего путешествия на дальнюю планету находился в состоя-

нии полной безжизненности, то, прибыв на нее и очнувшись, пришелец с Земли сможет дополнительно прожить еще тысячу лет.

— Совершенно верно, Петр Васильевич, и это продление жизни можно повторять неограниченное число раз, — ответил Касымов.

— Следовательно, религиозные сказки о бессмертии и рае мы полностью поставили на научную основу, — резюмировал не без иронии Лядов.

— Не удивляйтесь! Наука способна на значительно большее, чем можно найти в любой сказке, — произнес подошедший Рощин. — Но вы слишком увлеклись, друзья мои! Не забывайте, что на носу лунная ночь! Или вы собираетесь прозевать заход Солнца на Луне?

Астронавты быстро надели скафандры и заторопились к выходу.

Солнце, стоящее на горизонте, казалось неподвижным. Закат Солнца на Луне очень медленен. Вот нижний край солнечного диска коснулся лунного горизонта; проходит 30 минут, но только половина диска скрылась в черной зияющей мгле. Жара резко спала. Еще полчаса, — и лучезарное светило исчезло в черной бездне. Зари нет. Но множество горных вершин, сияющих отраженным светом, еще долго будут светиться. Лишь спустя сутки, когда потухла последняя вершина, лунная ночь вступила полностью в свои права. Но что это за ночь! Как светло! Можно свободно читать книгу. Земной диск, висящий в лунном небе, кажется громадным: поперечник его в четыре раза больше, чем поперечник Луны в земном небе. А свет полной Земли освещает Луну в девяносто раз сильнее, чем полная Луна освещает Землю.

Жуткий холод начал сковывать планету. С наступлением лунной ночи Линье, Диас и Альварес переселились в лунный дом советских астронавтов. Жить в своей ракете альберийские астронавты уже не могли из-за очень низкой температуры. В пещере не было резких колебаний температуры, но тем не менее она понижалась. И тогда на выручку астронавтам пришла покоренная атомная энергия. Атомная энергетическая установка, не превышающая вместе с защитной оболочкой, размеров

обычного чемодана, поддерживала в громадном зале пещеры температуру выше нуля.

Профессор Коваленко не устал восхищаться чудесными фотографиями лунного неба. Усаживаясь в лунном доме за свое рабочее место, чтобы изучать необыкновенные фотографии, он говорил:

— Сколько, однако, неприятностей доставляет нашему брату-астроному земная атмосфера! Представляю, как завидуют мне мои коллеги на Земле. Здесь с моим, к сожалению, ослабевшим зрением, я вижу невооруженным глазом спутники Юпитера и уже несколько раз наблюдал их затемнения. С тех пор как я установил на Луне телескоп, Вселенная расширилась для нас в полтора раза. Взгляните-ка на это чудо, — сказал он, протягивая Линье фотографию.

Профессор Коваленко быстро сдружился с Линье, который помогал астроному обрабатывать материалы исследований. Впрочем, весь экипаж советского корабля полюбил отважного конструктора, активно участвовавшего в общей работе.

Среди деятельных, поглощенных своими занятиями людей Альварес был воплощением полного безразличия. Почти все время он неподвижно сидел, находясь в каком-то состоянии полусна. Казалось, что он решил освободить себя от всех жизненных забот. Только однажды, когда Коваленко, разбирая очередную партию добытых лунных пород, взволнованно объявил, что некоторые из них радиоактивны, Альварес неожиданно встрепенулся и проявил интерес к находке профессора.

Озлобленный и разочарованный, Диас также не мог найти себе занятия. Его угнетала мысль, что альберийская экспедиция спасена советскими астронавтами и оказалась в таком жалком, по его мнению, положении. Диас стал чуждаться команды и искать одиночества. «Утром» после завтрака он одевался и молча уходил. Скафандр с отоплением надежно защищал его от страшного холода. По-видимому, он находил какую-то прелесть в жуткой красоте мертвой планеты. Земля, почти неподвижно висевшая в небе, освещала неповторимые лунные ландшафты то слабее, то сильнее, в зависимости от того, какой стороной она обращалась к Луне — водной или материковой. Когда Земля поворачивалась к спутнику водной гладью Атлантики или Тихого океана, ярко освеще-

шала дикие контуры скал, трудно было представить более сказочную картину. Мрачное величие мертвой планеты подавляло Диаса. Казалось, он созерцал вечность, и человеческая жизнь представлялась ему мгновением. Еще недавно Диас мечтал о триумфальном возвращении в Альберию, о славе и богатстве, но судьба словно решила насмеяться над ним. Диас терзался из-за необходимости быть обязанным жизнью и возвращением на родину русским.

После длительных размышлений он расцепил свое выступление на митинге как ненужное и неблагоприятное. Решение лететь на Луну казалось ему теперь безумным.

Вид прекрасной, но недоступной Земли вызывал у Диаса тоску о семье. Траурное небо негостеприимной Луны обостряло это чувство до боли.

Глава XXXII

Лунная ночь подходила к концу. Наступил момент, когда вершины отдаленных гор неожиданно засияли на фоне бархатной черноты звездного неба. Так известило Солнце о своем близком появлении, и люди облегченно вздохнули. Не было ни брезжашего рассвета, ни чудесной игры красок. Солнце, окруженное ослепительной короной, появилось сразу, бросив на лунную поверхность знойные лучи. Настало утро вторых суток пребывания экспедиции на Луне.

С первыми же лучами солнца Рошин, Коваленко и Лядов отправились в район кратера Тимохариса, где Коваленко обнаружил образцы радиоактивных пород.

Альварес, спросив у Рошина разрешение, присоединился к небольшому отряду.

После длительного пребывания в лунном доме было особенно приятно размяться. Старая, морщинистая и немая Луна словно помолодела в это утро.

Прошло около двух часов, прежде чем они добрались до места, где Коваленко обнаружил руду, содержащую уран. Но здесь их ожидало разочарование: радиометры показывали ничтожную радиацию. Радиоактивные элементы обычно концентрируются в легких породах,

и залежи, обнаруженные Коваленко, находились на поверхности Луны. Профессор был обескуражен.

— Неужели я ошибся? — говорил он, внимательно осматривая местность. — Пройдемте в юго-западном направлении.

Прошел еще час безуспешных поисков. Астронавты уже потеряли надежду напасть на след урана, если бы не происшествие с Лядовым. Штурман настолько увлекся прыжками, что совсем потерял из виду товарищей. Получив по радио приказание Рощина вернуться, он поспешил найти группу и перелетал через бездонные пропасти, не раз рискуя свернуть себе шею. Дорогу ему пересекла широкая расщелина. Лядов разбежался и с силой оттолкнулся. Но увы... на Луне тоже есть свои пределы, и он оказался на дне трещины. К счастью, расщелина оказалась неглубокой. Рошин услышал по радио его ликующий крик:

— Петр Васильевич! Эврика! Скорей сюда!

Астронавты поспешили на зов Лядова и вскоре стояли уже у расщелины. Они зажгли фонари и начали осторожно спускаться вниз. Еще не дойдя до дна, все поняли, в чем дело. Радиометр давал всё большие показания, по мере того как исследователи спускались. Наконец, щелчки радиометра так участились, что слились в сплошной гул. Сомнений быть не могло — они попали на залежи урана.

— Вы не разбились, Сергей Владимирович? — встревоженно спросил Рошин, подходя к штурману.

— Кажется, цел, — ответил Лядов, подымаясь и ощупывая себя.

Астронавты прошли еще сотню метров, и все время интенсивность излучения не уменьшалась: в ушах по-прежнему стоял сплошной гул от счетчика радиоактивных частиц. Теперь они поняли, что оказались в настоящем лунном Эльдorado, сокровища которого во сто крат превышали богатства сказочной страны золота и драгоценных камней. Хотя на Земле уран встречается повсюду, и в среднем его содержится в земной коре больше, чем золота, платины, серебра или висмута, однако выгодных для эксплуатации месторождений мало. А с тех пор, как развилась атомная промышленность, этих месторождений становится все меньше и меньше.

— Таких залежей урана на Земле нет, — заявил после

осмотра Коваленко. — В этом карьере со временем возникнет рудник, который один даст больше урана, чем все разработки на Земле.

Профессор был в высшей степени доволен результатами поисков и несколько раз с благодарностью потряс руку штурмана.

— Однако здесь долго нельзя оставаться, — сказал Рошин.

Набрав образцы пород, астронавты поспешили вернуться из расщелины.

Выйдя из опасной зоны, отряд сделал небольшой привал. Коваленко вынул из сумки солнечный люминескоп. Этот прибор, снабженный светофильтром, позволял быстро определять наличие урана в руде. Под действием ультрафиолетовых лучей уран светится желтым и голубовато-зеленым светом. Большинство образцов при рассмотрении в люминескоп светилось ярко-зеленым светом.

— Похоже, что это отенит, минерал, довольно часто встречающийся на Земле, — объявил, наконец, профессор.

После небольшого отдыха астронавты отправились в обратный путь и вскоре благополучно добрались до пещеры. Около нее они увидели Линье и Касимова. Они уже знали об удаче исследователей — за это время Рошин несколько раз разговаривал с доктором.

В то время как все оживленно обменивались впечатлениями, Альварес отошел в сторону. Казалось, он погрузился в какие-то размышления, так как даже не слышал, как его окликнул Линье.

— Подготовьте все к переходу на корабль, — приказал тот. Конструктор был недоволен, что Альварес ушел утром без его разрешения, а Диас, как всегда, где-то бродит. И это, несмотря на то, что оба отлично знали, что с наступлением утра было решено уйти из лунного домика, где они стесняли русских астронавтов, и поселиться снова на ракете.

Альварес словно только и ожидал приказания. Он бегом бросился в пещеру и через несколько минут появился нагруженный ящиком с аккумуляторными батареями. Захватив еще кое-что из своих вещей, радист направился к ракете. Добравшись до ракеты, он втащил в нее груз; затем торопливо подключил к радиостанции источники питания. На его обычно равнодушно-меланхоличном лице появилось вдруг что-то хищное: мале-

кне тусклые глазки напряженно скользили по пульту управления, пальцы нервно сжимали ручки настройки.

Работает ли станция? Ведь последний раз связь оборвалась так неожиданно. А Линье с его причудами запретил держать связь с Альберией.

Альварес непрерывно передает позывные, но ответа нет. Да, Альберия молчит. Связь нарушена. Радист поднимается, полный досады. Вдруг его осеняет мысль, что Альберия, возможно, еще находится на стороне, не обращенной к Луне, и связи не может быть. Альварес решает подождать. Через час он снова включает радиостанцию. Да, так и есть. Альберия ответила. Альварес тотчас же узнал голос дежурного радиста инженера Кесада.

— Вызовите срочно к аппарату генерала Рамиреса, — потребовал он.

— Попытаемся разыскать, — ответил радист.

Спустя несколько минут Альварес услышал знакомый зычный голос.

— Алло, мой мальчик, у аппарата Рамирес. У вас есть новости?

— Да, — глухо ответил Альварес, зачем-то озираясь по сторонам. — Русские нашли урановую руду. Огромные залежи.

Радист почувствовал, что слова его произвели эффект. На минуту воцарилось молчание.

— Гм... — откашлялся Рамирес. — Вы отлично сделали, сообщив об этом. Ну что ж, вам представляется прекрасный случай загладить прежние ошибки, старина. Действуйте решительно, сообразно обстановке, и Альберия встретит вас, как героя. Надеюсь, вы меня поняли, дружище?

— Да, но Линье... — растерянно заговорил Альварес. — Вы же знаете его несговорчивость.

— Не ожидайте содействия Линье. Действуйте самостоятельно. Все зависит от вашей сообразительности и решительности. Не могу же я, черт возьми, указывать отсюда, что вам делать! Вам все ясно?

— Все.

— Тогда желаю успеха. А теперь передайте подробности вашего пребывания на Луне.

Альварес стал рассказывать, но в это время в кабину вошел Линье. Увидев, что радист ведет передачу, он на-

хмурился, и Альварес, не желая раздражать командира корабля, выключил радиостанцию.

— Уж не думаете ли вы, что за нами пришлют корабль?—с горькой усмешкой спросил Линье.

— Если не корабль, то не мешало бы потребовать, чтобы нам выслали автоматическую ракету с кислородом, водой и пищей. Неизвестно, сколько еще времени нам придется торчать на этой проклятой планете. Или вы надеетесь на помощь русских?—произнес недовольно Альварес.

— Да. Надеюсь на их помощь больше, чем на помощь Альберии. Впрочем, можете сообщить о наших потребностях и узнать, что там собираются предпринять, — сказал Линье, понимая, что он обязан сделать всё возможное для спасения экипажа.

Снаружи послышался шум: кто-то взбирался по нейлоновой лестнице. Вскоре вошел Диас. Сняв скафандр, он поздоровался и устало опустился в кресло.

— Где вы пропадаете? И что за привычка не только не спрашивать разрешения, но даже и не сообщать, где вы собираетесь шататься! — резко заметил Линье.

— Нам больше ничего не остается, как бродить по Луне и ждать очередной милости от наших спасителей, — зло ответил Диас.

Они замолчали, недовольные собой, друг другом, своим положением.

— Я требую соблюдения дисциплины. Отлучаться только с моего разрешения, — заговорил наконец Линье. — И почему такие упаднические настроения? Что с вами произошло, Диас? Вы же физик, ученый! Неужели, кроме бесцельного шатания, вы не можете найти себе занятия? Надо собрать коллекцию минералов. Быть может, мы найдем вещество, защищающее от радиоактивного излучения. Нужно составить подробную карту. Дел непочатый край.

— Да, вы правы, Себастьян, — подтвердил Диас. — Самое ужасное — это упасть духом. Но вы ошибаетесь, упрекая меня в том, что я потерял интерес к науке. Совершая свои прогулки, я, между прочим, обратил внимание, что во многих местах лунная поверхность покрыта мелкой минеральной пылью. Я думаю, что эта пыль — самый настоящий вулканический пепел.

— Вполне возможно, — ответил Линье. — Признаться,

я очень мало погрязен вашим открытием. Изучение альбедо* различных участков Луны и характера поляризации лунного света давно подтвердило, что лунные породы сходны с земными вулканическими породами.

— Но ученые спорят, образовался ли лунный рельеф в результате внутренних, то есть вулканических сил, или же причина образования лунных гор — падение крупных метеоритов. Теперь мы можем разрешить их спор, ибо вулканическая пыль, покрывающая планету, свидетельствует о вулканическом прошлом Луны.

— Bravo! — воскликнул Линье. — Я обвинял вас напрасно, уважаемый Диас, и рад своей ошибке. И не менее рад, что вулканическая деятельность Луны — дело прошлого.

— Боюсь, что вы преждевременно радуетесь. Именно этот вопрос и вызывает у меня сомнение.

— Уж не хотите ли вы сказать, что и сейчас на Луне существует вулканическая деятельность?! — воскликнул Альварес, проявив неожиданный интерес к беседе.

— А почему бы и нет?

— Да хотя бы потому, что астрономы никогда не замечали изменений на поверхности Луны.

— Это не совсем точно, Альварес, — ответил Диас. — За последнюю сотню лет непрерывного наблюдения лунной поверхности астрономы заметили четыре сравнительно небольших изменения на Луне. Во-первых, в районе кратера Линнея, который до 1866 года имел поперечник десять километров, а после 1866 года — не более четырех километров; во-вторых, появление у центра лунного диска около трещины Гигинуса нового кратера диаметром примерно в четыре километра; затем изменения отражательной способности участков дна на цирковой равнине кратера Платона и, наконец, исчезновение совсем недавно крупного кратера Альгацен диаметром в сорок километров. Но если говорить о незначительных катаклизмах и вулканических извержениях, то их, вероятно, и невозможно обнаружить в телескоп, хотя русский астроном Козырев и утверждает, что ему удалось заметить на Луне вулканическую деятельность.

— А все-таки достаточно убедительных доказательств нет, — сказал Линье задумчиво.

* Альбедо — число, характеризующее отражательную способность поверхности тела.

— А если я вам скажу, что в районе кратера Архимеда мною обнаружен вулканический пепел свежего происхождения, убедит ли вас это?

— Пожалуй, убедит, если вы докажете, что он действительно недавнего происхождения, — ответил Линье.

— В таком случае отправимся хоть сейчас!

* * *

Альварес остался в ракете под предлогом проверки радиостанции. Некоторое время он наблюдал за удалявшимися Линье и Диасом. Лицо его было озабочено. Наконец, что-то решив, он открыл люк в задней стенке кабины.

С трудом протиснув свое грузное тело через узкое отверстие, Альварес проник в среднюю часть ракеты, заполненную баками. Узкий аварийный проход, похожий на нору, не был рассчитан на массивную комплекцию радиста. Тем не менее он решительно двинулся вперед и осветил электрическим фонарем пространство между двумя баками. Здесь, в кружевном переплете ферм и трубопроводов, лежал небольшого размера чемоданчик из желтой кожи. Ему пришлось потратить немало усилий, прежде чем дотянуться до чемодана и извлечь его. Когда он вернулся со своей добычей в кабину, лицо его было бледно, а лоб покрылся испариной. Альварес открыл дрожащими руками чемоданчик. В нем было два десятка аккуратно уложенных атомных мин новейшего образца. Каждая из них, размером не больше лимона, превышала по силе взрыва 500-килограммовую бомбу, начиненную тротилом.

То был «подарок» Рамиреса. Предусмотрительный генерал уверял, что и на других мирах подобные «фрукты» так же необходимы, как и на Земле.

Закончив разговор со своим «лунным агентом», генерал пришел в сильное волнение. Да, теперь настала пора действовать решительно. До сих пор Рамирес делал все, что было можно. Он деятельно поддерживал версию о том, что альберийские астронавты уничтожены русскими.

Альберийская печать и радио призывали общественность к «единению перед беспримерным фактом красного межпланетного империализма». Непрерывно сообщались все новые подробности «зверского нападения русских» и «первого побоища на Луне».

Советский Союз обвинялся в стремлении захватить всё околосолнечное пространство, включая и все планеты. Даже гибель альберийской межпланетной станции приписывалась проискам русских. Утверждали, что болид, столкнувшийся со спутником, был ни чем иным, как советской ракетой, запущенной еще в начале 1959 года и ставшей первой искусственной планетой.

На политической арене снова появился сенатор Баррос. Пользуясь поддержкой некоторых влиятельных кругов, он решил попытаться спасти свою репутацию.

Баррос выступил с планом создания «Объединения стран против коммунистической агрессии в космосе». Его идея была одобрена. Спустя несколько дней предложение сенатора фигурировало в правительственной газете под официальным названием «Плана Барроса».

Сенатор Баррос старался не покладая рук, не без основания надеясь получить теплое местечко в «Объединении».

На пост Главнокомандующего Объединенных вооруженных сил намечали генерала Рамиреса, сам Кортез предложил его кандидатуру.

Рамирес потребовал навести вначале новый порядок на Земле, а лишь потом приступить к освоению космоса. Добиться нового порядка он предлагал способом, набившим всем оскомину: путем массированного обстрела со всех трехсот шестидесяти градусов территории противника баллистическими ракетами с водородным зарядом.

Военная истерия охватила всю страну. Альберия оцептенилась межконтинентальными ракетами, словно хищный зверь перед прыжком. Многочисленные эскадрильи самолетов бороздили небо далеко за пределами страны, якобы с целью предупредить нападение. Необычайно сложная и разветвленная система противовоздушной обороны была приведена в действие. Каждые пять часов устраивались учебные тревоги.

Бесконечные тревоги, сопровождаемые жутким воем сирен и условными разрывами водородных ракет, держали жителей в состоянии крайнего нервного напряжения. В воздухе висели тучи вертолетов; с диким ревом пронеслись куда-то летающие танки, бесшумно парили громадные платформы.

И в разгар этой вспышки военной истерии появились слухи о том, что альберийские астронавты живы и здо-

ровы. Вскоре слухи подтвердились, и часть законодателей, сохранивших еще способность трезво оценивать обстановку, предложила замять вопрос, что и было сделано.

Неудивительно, что и Рамирес, оказавшийся в затруднительном положении, не мог поступить иначе. Он решил срочно перестроиться, теперь надо было выработать другой, более конкретный план действий.

Глава XXXIII

Спустя полчаса Альварес уже покинул корабль и шагнул по направлению к лагерю советских астронавтов. Холодея при мысли, что его могут разоблачить, он передвигался гигантскими скачками.

«Удивительно кстати, однако, затеял Диас разговор о вулканах,—думал он.—Если они найдут этот дрянной пепел, то лучшего и желать не надо. Линье поверит. Интересно будет взглянуть на его физиономию, когда через несколько часов он увидит «вулканическую деятельность».

Альварес даже рассмеялся от удовольствия. Да, пока все идет прекрасно. Не дойдя километра до пещеры, где астронавты установили лунный дом, он остановился и внимательно осмотрелся. Радист опасался встречи с кем-нибудь из советских астронавтов. Убедившись, что поблизости никого нет, он стал, крадучись, укрываясь за каждым камнем, приближаться к пещере.

До пещеры оставалось метров триста, когда из нее вышел один из астронавтов. Это был Лядов. Альварес быстро зашел за ближайшую скалу.

«Черт возьми, уж не вздумал ли он отправиться куда-нибудь надолго, — подумал Альварес, закусывая с досады губу.— Это может сорвать весь план».

Между тем Лядов направился к батарее фотоэлементов. Повернув установку так, чтобы лучи Солнца падали на нее перпендикулярно, штурман не спеша возвратился в пещеру.

«Как узнать, все ли на месте?» — мучительно раздумывал Альварес. Конечно, проще всего зайти под каким-нибудь предлогом и убедиться, но этого бы ему очень не хотелось делать. Наконец, не видя другого вы-

хода, Альварес неохотно направился к пещере, уже не прячась. В этот момент он и заметил группу из трех астронавтов, спускающихся с ближайших отрогов на западе. Радист поспешно спрятался. Сердце его учащенно забилося. Не заметили ли его? Кажется, не заметили.

Через несколько минут астронавты подошли к пещере и скрылись под ее сводами. Альварес, выпрямившись, гигантскими прыжками помчался к пещере. Через несколько минут радист был уже у цели и с ловкостью вскарабкался на скалу, нависшую над пещерой. Скала эта отделялась от основной части горы узкой трещиной не больше тридцати сантиметров.

Альварес торопливо достал из сумки мину, взвел часовую механизм и положил ее на выступ в щели. Секунду он поколебался, затем вынул вторую мину и положил ее рядом с первой. Проложив это, Альварес стремительно бросился прочь, почти скатываясь с утеса, не замечая ударов об острые камни. Последний прыжок—и он на ровной поверхности.

«Скорее, скорее подальше отсюда!».

Вдруг он с ужасом почувствовал, как нога его, обутая в железный ботинок, застряла между камнями. Обливаясь холодным потом, Альварес пытается вытащить ногу. Ему кажется, что прошло уже много времени. В ушах его раздается тиканье часового механизма, неумолимо отсчитывающего секунды. Наконец, рывком он вытянул ногу и, не обращая внимания на боль, бросился бежать. Еще несколько мгновений, и он уже далеко. Альварес с облегчением вздохнул, и в тот же миг почувствовал, как под ногами у него задрожала почва.

Если вспомнить, что на Луне сила тяжести в шесть раз меньше, чем на Земле, то неудивительно, что взрыв атомной мины произвел здесь исключительно сильное действие. Обломки скалы и тучи лунной пыли, выброшенные взрывом, поднялись на огромную высоту, а крупные камни отлетали на расстояние нескольких километров.

Альварес не учел таких последствий взрыва и, вероятно, погиб бы от ударов камней, если бы не скала, за которой он укрылся. На Земле такой взрыв сопровождался бы страшным грохотом. А здесь было странно наблюдать, как вся масса обломков и песка поднялась вверх совершенно бесшумно и так же бесшумно стремительно па-

дала вниз. Альварес всем телом ощущал колебания почвы.

«Можно было ограничиться одной миной»,— подумал он, выходя из-за укрытия и направляясь к месту взрыва. Вход в пещеру был замураван гигантской скалой, а сместившийся в вертикальном направлении участок горы, по видимому, полностью завалил длинный коридор, ведущий к лунному дому.

«Самое главное сделано,— подумал Альварес.— Теперь остается убедить Линье и Диаса, что вулканизм Луны—реальный факт».

Альварес взобрался на вершину ближайшего утеса и внимательно осмотрел разрушения. Пожалуй, это действительно похоже на действие вулкана: повсюду обрушившиеся, расколотые скалы, беспорядочные груды обломков и камней, куски породы. Удовлетворенный осмотром, Альварес спустился с холма и быстрыми шагами направился к альберийской ракете.

Солнце, стоявшее еще на горизонте, заметно нагрело лунную поверхность. Становилось жарко. Добравшись до корабля, Альварес почувствовал сильную усталость и сел отдохнуть в тени ракеты. Мысли его лихорадочно метались, он неясно представлял себе дальнейшие действия. Вскоре он увидел Линье и Диаса.

Альварес пошел к ним навстречу.

— Ну, каковы успехи?—спросил он, подходя к ним.

— Вот лава, которую мы нашли,—ответил Диас, протягивая кусок породы.— Она еще не успела застыть. Но это не все. Мы заметили выходы природного газа!

Альварес взял в руку оплавленный кусок и сжал его. Порода была мягкой и рассыпалась.

— Нужно еще доказать недавнее происхождение этой лавы,— заметил Линье.

— Возможно, что это и нужно доказать,— ответил Альварес.— Но час тому назад я ощущал толчки и сотрясения.

Сообщение Альвареса произвело сильное впечатление даже на Диаса, не ожидавшего столь быстрого подтверждения своим предположениям.

— И вы уверены, что не ошиблись? — воскликнул он с сомнением.

— Абсолютно уверен.

— Просто поразительно! — недоверчиво проговорил

Линье.— Уж не вели ли вы опять разговора с вашей бутылкой?

— Даже глотка не сделал! — ответил радист обиженно.

— В таком случае надо немедленно повидать русских. Вероятно, они тоже что-то слышали, — сказал Линье.

Все трое быстро направились к лагерю советских астронавтов. Линье, идущий впереди, первым заметил обрушившуюся скалу.

— Взгляните! — взволнованно воскликнул конструктор. — Что за чертовщина! Альварес прав. Здесь было землетрясение.

— Это непостижимо! — вскричал Альварес, изобразив крайнее удивление. — Но все ли благополучно у наших русских друзей?!

— Да, да! Немедленно к ним! — и Линье бросился вперед.

Через несколько минут он добежал до пещеры, вернее, до места, где был в нее вход. Здесь он остановился, потрясенный увиденным. Следом за Линье подошли Диас и Альварес.

— Какая трагедия! — проговорил Линье.

— Возможно, в момент бедствия не все находились в пещере, — предположил Альварес.

— О, если их не было в тот момент, то значит, они родились под счастливой звездой. Но надо немедленно узнать, кто там находился. Если люди невредимы, они должны были бы вызвать нас по радио. Нужно попытаться связаться с ними, — предложил Линье.

— Они не могут этого сделать. Батарея фотоэлементов и кабель от нее повреждены, — указал Диас на опрокинутую недалеко гелиостанцию. — Радиостанция не имеет питания.

— У них есть аккумуляторы.

— Они все разряжены, а заряженные я одолжил недавно, чтобы проверить нашу радиостанцию, — сказал Альварес.

— Как это некстати, — проговорил огорченно Линье. — Попробуем связаться через наши передатчики в скафандрах!

— Также невозможно. Передатчики русских работают на другой волне и не перестраиваются, — возразил Диас.

— Проклятье! Нужно что-то предпринять. Мы обязаны им помочь. Попробуем прорыть ход к ним.

— У русских есть инструменты и они сами могут начать работу, если увидят в ней какой-нибудь смысл, — сказал Альварес.

Линье сурово взглянул на радиста и твердым голосом сказал:

— Надо взять комбайн русских, он где-то возле их ракеты, а впрочем, ведь гелиостанция разрушена!..

— У нас есть две лопаты и кирки. Немедленно принесите их сюда.

Альварес, пожав плечами, ушел.

— Пройдемте пока, посмотрим, нет ли поблизости кого-нибудь из экипажа «Циолковского», — предложил Линье.

Они разошлись с Диасом в разные стороны и, спустя час снова встретились у пещеры, никого не обнаружив. К этому времени вернулся Альварес.

— Вряд ли вся пещера завалена, — сказал Линье, беря в руки лопату. — Попробуем рыть ход под углом к направлению коридора. Быть может, нам удастся выйти где-нибудь сбоку. Рыть прямо нет смысла — здесь сплошная скала.

Линье энергично принялся работать. Диас и Альварес последовали его примеру. Прошел час. Работа продвигалась очень медленно. Лопаты то и дело натывались на твердую породу. Астронавты изнывали от жары, жадно глотали воздух, расход которого сильно увеличился.

Шел второй час работы, когда Альварес бросил лопату и сел.

— Что случилось? — спросил Линье.

— К чему заниматься напрасным делом, — ответил Альварес. — Неужели вы не видите, что все бесполезно.

— Так что же вы предлагаете? — едва сдерживая ярость, спросил Линье.

— Примириться со случившимся, как это ни тяжело, и подумать о своем спасении. Если мы так будем работать, то скоро израсходуем весь кислород.

— Русские тоже могли примириться со случившимся, когда ваша мерзкая душа уже собиралась проститься со своей оболочкой. Однако вы знаете, что они это не сделали. Впрочем, от вас много и нельзя было ожидать!

Линье отвернулся и молча продолжал работать. Альварес неохотно взялся снова за лопату.

Прошло несколько часов. Наконец, голод и жажда заставили астронавтов прекратить работу и вернуться на ракету.

После обеда конструктор тотчас же начал надевать скафандр. Но ни Альварес, ни Диас не спешили последовать его примеру. Приказав немедленно идти за ним, Линье вышел.

— Подождите, Диас, давайте обсудим положение, — сказал Альварес, заметив, что физик собирается идти за Линье. — Не находите ли вы, что мы занимаемся бесполезной работой?

— Да, шансов на спасение русских мало. Но мы должны сделать все, что можем.

— Но мы же не можем сделать того, что не в наших силах. И давайте будем откровенны, без излишней сентиментальности. Заинтересованы ли мы в спасении русских? Гибель советских астронавтов в результате вулканической деятельности Луны открывает для Альберии и для нас лично новые возможности. Во-первых, никто не помешает нам объявить о закреплении Луны за Альберией. А во-вторых, мы сможем вернуться на Землю, воспользовавшись русской ракетой. Спрашивается, есть ли смысл лезть из кожи вон, чтобы спасти русских? Линье — маньяк, его трудно переубедить, но вы-то можете трезво рассуждать.

Альварес высказал вслух то, о чем уже думал Диас. Доводы радиста, несмотря на их цинизм, казались ему неопровержимыми. Однако Диас колебался.

— Линье никогда не пойдет на это.

— В таком случае необходимо что-то предпринять. Не погибать же и нам из-за фанатизма Линье!

— Что же вы предлагаете?

Альварес помедлил.

— Если Линье не удастся уговорить, надо заставить его силой.

Некоторое время оба молчали. Диас чувствовал подавленность и смятение, как и всегда, когда ему предстояло решать вопрос, от которого нельзя уйти. Мысль о том, что есть возможность вернуться в Альберию с триумфом, не давала ему покоя.

— Я попытаюсь с ним поговорить, — сказал он, наконец, и, надев скафандр, вышел.

Когда Диас подошел к пещере, Линье работал с ожесточением человека, решившего не сдаваться.

— Где Альварес? — спросил он резко.

— Остался в ракете.

— Вот как! Бунт на Луне! Ну что ж, я поговорю с ним после. А теперь не будем терять времени.

Диас взял лопату. Он некоторое время работал молча, обдумывая, как лучше приступить к разговору.

— Послушайте, Линье, — наконец сказал он. — Я думаю, что наша работа бесполезна. Судьба посылает нам в руки спасенье, почему же не воспользоваться им.

— Как я должен вас понимать? — настороженно спросил Линье.

— Я имею в виду русскую ракету.

Линье прекратил копать и внимательно посмотрел на Диаса.

— Ах, вот вы о чем! Нет. На это я не соглашусь, — решительно произнес конструктор.

— Так вы предлагаете нам погибнуть здесь? Вы командир и обязаны думать о спасении команды.

— Я готов пожертвовать своей жизнью и жизнью экипажа, но не соглашусь совершить подлость. Мы будем работать до тех пор, пока не убедимся, что экипаж «Циолковского» погиб.

— Но неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы убедиться в этом.

Линье ничего не ответил.

Проработав еще несколько часов, они вернулись на корабль, не обменявшись в пути ни единым словом.

Альвареса в кабине не оказалось. Оба астронавта настолько устали, что сразу же заснули, едва легли в свои кресла.

Сон Диаса был тяжелым и тревожным. Ему снилось, что раскаленные лучи Солнца проникают сквозь скафандр, обжигая тело. Легким не хватает кислорода. Он жадно глотает воздух, протягивает руку к кислородному баллону, но кто-то неумолимо отводит ее. Диас не хочет уступить и настойчиво тянет шланг к себе и в этот момент просыпается.

Перед ним стоит Альварес, пытающийся освободить свою руку от пальцев Диаса.

— Что с вами? — проговорил он шепотом и знаком предложил ему выйти.

Диас вышел вслед за Альваресом в тамбур.

— Вы говорили с ним? — спросил нетерпеливо радист.

— Он упрям, как тысяча ослов.

— Что же делать?

— Остается принять ваше предложение.

Альварес удовлетворенно кивнул.

— Это надо сделать сейчас, — проговорил он. — Мы свяжем его ремнями и начнем немедленно готовиться к отлету.

Они вошли в кабину и осторожно приблизились к спящему. Линье спал крепким, здоровым сном хорошо потрудившегося человека. На минуту Диас заколебался и хотел отказаться от своего намерения, но Альварес уже опутал несколько раз тело Линье ремнями и прочно привязал его к креслу. Проверив надежность креплений, он громко сказал:

— А теперь не будем терять времени. Не забудьте, что у нас масса дел. Нужно изучить устройство советской ракеты, перенести туда все оборудование, забрать остаток кислорода, что в ракете у кратера Птолемея. Боюсь, что на все это понадобится несколько дней.

Глава XXXIV

Альварес, вызвав по радио Рамиреса, лаконично заявил:

— Русские погибли при извержении вулкана.

— О! — радостно воскликнул генерал, не решаясь более определенно выразить свои чувства. — Вы имеете возможность организовать свое возвращение, — прозрачно намекнул он после небольшой паузы.

— Да, появились некоторые перспективы, — ответил Альварес.

— Имеются еще новости?

— Да. Есть. Диас утверждает, что обнаружил выходы природного газа.

— Вот как! Это любопытно. Ну что ж, вы стоите на правильном пути, Альварес. Действуйте. Желаю успеха.

Благословив Альвареса, Рамирес решил не откладывая выяснить у специалистов, что могло бы означать открытие Диаса.

Сообщение генерала чрезвычайно заинтересовало комиссию экспертов. После длительной дискуссии все пришли к единому мнению: выход природного газа на Луне позволяет ожидать там наличие запасов нефти.

Бесстрастное и логичное заключение ученых вызвало у Рамиреса целую гамму переживаний. Военный теоретик уступил место дельцу.

Рамирес был совладельцем гигантских мясокомбинатов, и мясокомбинаты являлись источником его постоянных огорчений. Эти боины не раз использовались политическими противниками Рамиреса в качестве мишени для острот. Даже кровожадные призывы генерала объясняли спецификой его предприятий. Боины шокировали Рамиреса, и он страстно завидовал железным и нефтяным королям. Генерал мечтал владеть нефтяной империей и не мог, утешиться, что во главе ее стоит другой.

И вот теперь, когда он уже не надеялся осуществить свою мечту, она предстала перед ним, доступная и почти реальная. Не суждено ли именно ему основать на Луне могущественную нефтяную компанию, которая будет держать в своих руках космические трассы будущего?

— Да, нужно действовать, — произнес вслух Рамирес и тут же решил отправиться к «владельцу» Луны господину Оливейра.

Рамирес застал Оливейра в мучительном раздумье, вызванном усилившимися нападками разочарованных акционеров. Дела компании «Альберия — Луна» становились все плачевнее.

Последние недели Оливейра чувствовал себя выбитым из колеи; он потерял былую уверенность и решительно не знал, как действовать в дальнейшем.

— Добрый день, старина! — забасил вошедший Рамирес. — Я принес вам новость в миллион диархов. Но не пугайтесь: я сообщу вам ее бесплатно.

Оливейра, встав из-за стола, почтительно приветствовал неожиданного посетителя. Генерал шумно сел в кресло и, торжествующе взглянув на дельца, понизив голос, произнес:

— Русские астронавты погибли. Луна в руках Альберии. Что вы на это скажете?

Ликование, выразившееся на лице Оливейра, было красноречивей всяких слов.

— Но откуда вам это известно? — недоверчиво спросил делец.

— Только что я говорил с Луной, с Альваресом. Этот человек, как я и предполагал, сделал всё, что нужно. Как видите, я не напрасно настоял на включении его в состав экипажа! — ответил Рамирес, не упускавший случая похвастаться своей предусмотрительностью.

Оливейра потирал от удовольствия руки, хотя все еще сомневался в решительном повороте событий.

— Однако нужны доказательства, генерал. Боюсь, что без них я не смогу убедить клиентов в изменении положения дел общества «Альберия—Луна».

— Пустяки. О гибели русских станет известно в ближайшее время. Вот вам и доказательство.

— Возможно, что вы и правы. Несомненно, что такое известие произведет благоприятное впечатление на акционеров. Но сомневаюсь, чтобы оно изменило настроение многих скептиков. Они требуют возмещения убытков, — проговорил обиженно Оливейра.

— Да, да... Необходимы какие-то меры, чтобы воодушевить колонистов Луны, — согласился Рамирес. — Они начнут преувеличивать опасности на Луне. Нужно что-то придумать. Болтунов надо проучить!

Генерал задумался, показывая всем своим видом, что ничего так не желает, как помочь обществу «Альберия—Луна». Наконец, словно озаренный внезапной идеей, он произнес:

— Вы знаете, Оливейра, я всегда с симпатией и интересом следил за деятельностью общества, которое вы возглавляете. И сейчас, в трудную для вас минуту готов вам помочь. Акционерам нужен хороший патристический пример и, вместе с тем, необходимо проучить маловеров.

Генерал встал, заложил за борт мундира большой палец правой руки и, подойдя к громадной карте Луны, висевшей на стене, некоторое время ее рассматривал, словно оценивал диспозицию войск на спутнике Земли. Затем он резко повернулся к удивленно смотревшему на него дельцу и решительно произнес:

— Хорошо. Я куплю участки этих маловеров вместе с еще не проданными лунными областями. Я не пожалею денег для великого дела. Надеюсь, что мой поступок будет наглядным уроком для тех, которых следует подвергнуть суровому общественному порицанию.

Оливейра был весьма удивлен. Несмотря на свое восхищение деятельностью общества «Альберия—Луна», генерал до сих пор не приобрел ни одного участка на Луне. Неожиданная озабоченность Рамиреса делами общества вызвала у Оливейра подозрения, однако он не стал задумываться. Пример одного из руководящих деятелей альберийской армии мог только принести пользу компании, и потому он встретил предложение Рамиреса с восторгом.

Оба подошли к лунной карте, и Оливейра указал непроданные территории. Рамирес интересовался кратерами и областями, лежащими в районе Моря Дождей.

— В этом районе имеются участки, от которых отказываются многие акционеры,— сообщил Оливейра.

— Вот и отлично, — обрадовался Рамирес. — Я куплю их.

Генерал покупал огромные лунные территории. Сделка была необычна по своим масштабам, и оба потратили немало времени на обсуждение деталей. Контора общества «Альберия—Луна» в тот день работала в лихорадочном напряжении. Наконец, в кабинет вошла осунувшаяся за последние недели, но по-прежнему хорошенькая Мерседес. Она принесла целую кипу отпечатанных удостоверений на право владения Рамиресом лунными угодьями. Генерал по традиции получил поздравление по поводу вступления во владение лунными участками. Прощаясь с генералом, Оливейра благодарно пожимал ему руку; с лица его не сходила улыбка.

Прежде чем выйти, Рамирес задержался у дверей и, как бы вспомнив что-то, сказал:

— Да, чуть было не забыл... Есть основание предполагать, что на Луне имеется нефть. Сегодня будет опубликовано заключение экспертов по этому вопросу. Оно создаст у акционеров то воодушевление, которое им так необходимо. Обещайте, что в недалеком будущем на Луну отправятся армады кораблей. Ваши акционеры— первые колонисты Луны. Они должны освоить Луну и

превратить ее в собственность Альберии не только юридически, но и фактически.

Улыбка Оливейра становилась все более натянутой и, когда генерал вышел, превратилась в гримасу. Он только теперь понял, что, продав лунные участки по прежней цене, сильно продешевил.

Глава XXXV

Лунный дом качнулся, словно от порыва ветра. Со стола с грохотом попадали кастрюля и тарелки. Электрическая лампа, подвешенная к потолку, потухла.

Вслед за тем последовало несколько глухих, казалось, из глубины идущих ударов.

— Что произошло? — произнес подымаясь Рошин. — Похоже на землетрясение.

— Вот именно, на лунотрясение, — поправил Коваленко, проверяя, целы ли очки.

— Надо немедленно выходить наружу, — приказал Рошин. — Сергей Владимирович, дайте аварийный свет!

Лядов включил запасные источники света, питающиеся от аккумуляторов. Астронавты поспешно надели скафандры и собрались в тесной камере шлюза. Дверь камеры открылась, и астронавты вышли. В пещере была непроницаемая тьма. Электрические лампы потухли и здесь. Очевидно гелиостанция не работала или оборвалась кабель. Лядов включил электрический фонарь. Тонкий луч с трудом пробивал густую тьму. Штурман бросился бежать по коридору, ведущему к выходу. Еще минута, и там за поворотом блеснут звезды на черном небе и ярко освещенные горы. Но вот поворот, а выхода не видно. Сердце Лядова тоскливо сжалось.

Луч от фонаря упирается в стену, скользит по ней, беспомощно ища выхода.

Лядов медленно повернулся к подошедшим товарищам.

— Выход завален, — сообщил он.

Четыре луча еще раз ошупывают преграду. Да, к несчастью, штурман прав.

— Мы находимся примерно в тридцати метрах от выхода, — определил Рошин.

Все замолчали подавленные. Сделаться пленниками

этой мрачной пещеры — без всякой надежды на спасенье — едва ли не самое ужасное, что могло случиться. Трудно было ожидать какой-либо помощи — ведь радиостанция не работала из-за отсутствия электроэнергии, и связь с Землей отныне окончательно потеряна. Остается надеяться на помощь альберийских астронавтов. Но в состоянии ли они прокопать туннель к ним? И сколько уйдет на это времени?

Роцин осмотрел место обвала; яркий луч фонаря выхватывал из темноты бесформенное нагромождение глыб. Он долго стоял в раздумье.

— Однако все это очень странно,— проговорил он, наконец.— Обратите внимание на ограниченный характер разрушений, сосредоточенных в одном месте. В другом конце пещеры я не заметил следов обвала.

Роцина озарила страшная догадка. Его тревога передалась и остальным.

— Уж не думаете ли вы...— начал Касымов.

— Я пока ничего не думаю,— ответил Роцин.— Надо искать какой-то выход.

— Надо попытаться связаться с Линье,— предложил Коваленко.

— Ничего не выйдет. Наши скафандровые передатчики настроены на другую волну, чем у альберийцев,— сказал Лядов.

— А если изменить настройку?

— Я не знаю их волны,— ответил штурман.— Впрочем, можно попробовать, но потребуется время.

— Займитесь этим, Сергей Владимирович,— сказал Роцин и, обращаясь к Касымову, спросил:

— Юсуп Габитович, на сколько времени хватит нам кислорода, продуктов питания и воды?

Ответ последовал после небольшой паузы:

— С запасами кислорода и продовольствия положение неплохое: их хватит не меньше чем на три недели. Но с водой, Андрей Егорсвич, дело обстоит незажно. Вода, как вы знаете, хранится на ракете. Того количества, которое имеется здесь, хватит на два дня при соблюдении строгого питьевого режима.

— Ну что ж, товарищи, придется взглянуть правде прямо в глаза. Вернемся в дом и обсудим, что мы сможем предпринять,— сказал Роцин, и небольшая группа людей молча направилась за ним.

... Между тем в пещере произошло какое-то непонятное явление. Первым обратил внимание на него Лядов, заметивший, что контуры предметов стали видны не так ясно, как прежде.

— Что за чертовщина, — недоуменно проговорил штурман. — Похоже, что в пещере слабый туман.

— А ведь это и в самом деле туман, — вскрикнул удивленно Коваленко, протирая рукой запотевший стеклянный шлем скафандра.

Профессор Коваленко с несвойственной для его возраста живостью подбежал к гранитной стене пещеры и с удивлением рассматривал мельчайшие капельки жидкости, осевшие на камне.

— Вода! Нет сомнения, это вода! — возбужденно восклицал он.

Вода на Луне! Астронавты были поражены не меньше Коваленко.

— Откуда же мог возникнуть здесь туман? — спросил Рошин, убедившись, что Коваленко не ошибался. — Если есть пары воды, значит, где-то есть водный бассейн.

— Не слишком ли вы торопитесь с таким выводом, Андрей Егорович, — заметил Касымов. — Не забывайте, что при отсутствии атмосферного давления вода должна закипеть и превратиться в пар.

— Так бы и случилось, если бы пространство, в котором мы находимся, сообщалось с поверхностью Луны, — пояснил Коваленко. — Но, по-видимому, мы находимся в герметически замкнутом пространстве. Вспомните физику, уважаемый доктор. Испарение в пустом и замкнутом пространстве будет происходить до тех пор, пока пары при данной температуре не насыщены. Но как только произойдет насыщение пространства парами, дальнейшее испарение прекратится.

— Но почему же раньше мы не обнаруживали паров? — спросил Лядов.

— Возможно, что сотрясение почвы и привело к образованию трещины, соединившей нас с замкнутой областью подлунного мира, — предположил Коваленко.

— Так не проще ли поискать этот ход в недрах Луны, чем гадать? — предложил Лядов и, не дожидаясь согласия товарищей, принялся прощупывать лучом фонаря стены извилистого коридора.

Его примеру последовали остальные. Поиски увенча-

лись успехом быстрее, чем можно было ожидать. Не прошло и пяти минут, как у одного из поворотов коридора астронавты обнаружили отверстие, из которого клубился пар. Очевидно, здесь, в пещере, где температура была ниже, чем внизу, пар конденсировался в мельчайшие капли и превращался в туман. Таким образом, одна загадка как будто разрешалась, но теперь путешественники стояли перед другой. Куда ведет ход?

Астронавты вернулись в лунный дом и, не теряя времени, начали готовиться к походу в недра Луны. Запасы продовольствия, воды и кислорода разделили поровну между всеми астронавтами. Немалую долю багажа составляли коллекции и всевозможные научные записи.

Лядов тем временем перестроил передатчик в скафандре и попытался войти в связь с альберийскими астронавтами. Однако это ему не удалось, и он вынужден был оставить свои попытки.

Прежде чем отправиться в путь, Роцин приказал всем хорошо отдохнуть.

Спустя несколько часов четверо путешественников покинули лунный дом. У входа в черный, зияющий провал все молча остановились.

— Уж нет ли здесь надписи, как в Дантовом аду: оставь надежду навсегда, — попробовал пошутить Касымов и нерешительно остановился перед входом.

— Вперед! — спокойно сказал Роцин, начиная спускаться в черную бездну. И все астронавты последовали за ним.

* * *

В 13-00 по московскому времени радист межпланетной радиостанции на берегу Берингова пролива не принял с Луны очередной сводки. Это показалось странным: Лядов всегда был точен, а в его отсутствие сводки передавались кем-либо из дежуривших космонавтов. Радист немедленно сделал запрос, но Луна не ответила. Он проверил аппаратуру и предпринял еще несколько попыток связаться с астронавтами, но с тем же результатом. Обеспокоенный радист передал на Центральный пост сообщение: «С Луной потеряна связь». На это последовал ответ: «Не прекращайте попыток связаться. Организуйте непрерывное дежурство у аппарата».

Прошло свыше суток, в течение которых радисты безуспешно пытались наладить связь с Луной. Тревога за судьбу астронавтов нарастала с каждым часом.

Глава XXXVI

Астронавты молча спускались в казавшуюся бездонной пропасть. Довольно крутой спуск, под углом примерно в сорок пять градусов, облегчался многочисленными неровностями; то были какие-то неизвестные кристаллы или же вздутые, пористые пузыри вещества, напоминающего лаву.

Впереди осторожно шел Роцин, прощупывая лучом своего фонаря дорогу. Остальные шли с потушенными фонарями: электрическую энергию надо было беречь.

Если бы не сплошная тьма, ничто не напоминало бы им, что они под поверхностью Луны. Людям казалось, что они спускаются с горы в долину темной ночью: потолка уже давно не было видно, и, когда луч от фонаря направлялся вверх, он освещал белесоватый туман, словно над головами астронавтов клубились облака.

— Петр Васильевич! Ожидали вы обнаружить под поверхностью Луны что-либо подобное? Как можно объяснить возникновение таких необъятных пустот?—спросил Касымов.

Профессор Коваленко долгое время затруднялся ответить на этот вопрос. Наконец, после длительного раздумья, он произнес:

— Очевидно, это оттого, что отвердение Луны распространялось от поверхности. В ряде мест хорошо заметны следы опусканий огромных областей. Так вот, вероятно, мы и находимся в одном из гигантских провалов под поверхностью Луны. И, надо полагать, что таких пустот здесь немало.

Прошло свыше пяти часов. Спуск становился все более пологим. Температура заметно поднялась. Путешественники почувствовали усталость и голод.

В поклаже астронавтов имелась надувная палатка легкой конструкции. Найдя удобное место, Роцин дал знак устроить привал и установить палатку.

Развернуть ткань, опутанную тонкой сверхпрочной металлической сеткой, и надуть ее воздухом из баллонов,

оказалось делом десяти минут. Вскоре путешественники сидели внутри палатки и, сняв скафандры, с аппетитом завтракали. На завтрак Касымов выдал строго нормированное количество воды.

Вода! От нее зависело теперь, сколько времени люди смогут бороться.

После непродолжительного отдыха Рошин приказал снова двинуться в путь. Дорогу то и дело преграждали огромные трещины, зияющие провалы, беспорядочные нагромождения скал, которые приходилось обходить. Астронавты шли медленно, осторожно.

Темнота здесь казалась не такой густой, как наверху.

— Действительно ли мы видели наверху пар? — встревоженно спросил Лядов, обративший внимание на это обстоятельство.

— Мы не ошиблись, — ответил Коваленко. — Вы не замечаете, Сергей Владимирович, сейчас пара, и это вас тревожит. Не забудьте, что пар, как и воздух, прозрачен. Лишь сконденсировавшись в мельчайшие капли воды, он становится видимым. Ведь температура уже давно поднялась выше нуля, и здесь, внизу, мы не можем видеть насыщенный пар.

— И вы уверены, что где-то должен быть водный бассейн?

— Да, я в этом убежден, — решительно ответил Коваленко.

Следует заметить, что профессор не был так уверен, как заверял, но поддерживать надежду товарищей считал своим долгом.

Почва под ногами путешественников напоминала землю. По временам встречался песчаник, глины и даже известняки. В одном месте Коваленко обнаружил горную породу, напоминающую мергель.

— Если дать сюда солнечный свет и наполнить эту гигантскую пещеру воздухом, здесь расцветет жизнь, — заявил астроном.

— И то и другое вполне возможно, — добавил Рошин. — Поместите сюда искусственное солнце, использующее термоядерные реакции, и круговорот воды будет происходить так же, как на Земле. Нет никаких серьезных технических трудностей и для создания устойчивой искусственной атмосферы. Здесь, под поверхностью

Луны, можно построить завод, работающий на местном сырье. Он и будет вырабатывать все необходимые для атмосферы газы.

Рошин откопал своей киркой немного почвы и долго и внимательно рассматривал ее. Затем он высыпал ее в свою сумку и произнес:

— Вот, пожалуй, самое убедительное доказательство того, что Луна произошла от Земли. Эта глинистая почва ничем не отличается от земной и, по-видимому, эволюция Луны вначале, пока у нее еще не улетучилась атмосфера, напоминала эволюцию Земли.

— Вы, кажется, согласны с устаревшей теорией Дарвина—Джинса, Андрей Егорович?—вмешался в разговор подошедший Касымов.—Мне лично тоже всегда представлялась очень логичной мысль о том, что несколько миллиардов лет тому назад от Земли отделилась под действием центробежных сил, которые у остывающей и сжимающейся Земли были очень велики, значительная масса, превратившаяся в Луну.

— Нет, Юсуп Габитович, эта теория далеко не так убедительна, как вам кажется, — сказал уверенно Коваленко.— Не думаю, что наличие на Луне тех же веществ, что и на Земле является доказательством общности их происхождения. Гипотеза Дарвина несостоятельна, даже если и предположить, что Земля первоначально была огненно-жидкой. И Джинс и Дарвин допустили математические ошибки в своих работах по теории равновесия вращающихся жидких тел. Современная космогония, как вы знаете, считает, что Луна образовалась все-таки на известном расстоянии от Земли из относительно холодного газо-пылевого вещества. Впоследствии температура Луны сильно поднялась из-за радиоактивных элементов, которых на молодой Луне было так много, что недра ее, вероятно, разогрелись выше температуры плавления. А затем расплавленные вещества выносились к поверхности планеты, захватывая с собой и радиоактивные элементы. После этого началось постепенное охлаждение и затвердение Луны, так как количество радиоактивных элементов из-за распада уменьшилось. Около трех миллиардов лет тому назад затвердение наружного слоя Луны завершилось. Такова краткая история Луны, и множество фактов подтверждает эту точку зрения. Например, следы огромных лавовых излияний на

поверхности Луны, следы необычайной магматической деятельности, а также и тот факт, что на Луне и в настоящее время возможна вулканическая деятельность,— закончил профессор свои объяснения.

Термометр показывал плюс двенадцать градусов. Путешественники опять почувствовали сильную усталость и потребность в отдыхе. Все мучительней хотелось пить. После своей лекции о происхождении Луны профессор Коваленко стал молчаливым и устало шел сзади, замыкая шествие. По-видимому, он переносил путешествие тяжелее всех.

Вдруг Лядов, поднявшись на ближайший холм, изумленно вскрикнул. Все поспешили подняться вслед за ним. Перед ними простиралась гладкая равнина; горизонт ее пересекала яркая линия, от которой шло слабое сияние, напоминающее зодиакальный свет.казалось, что путь им преграждал стеклянный занавес, освещенный каким-то невидимым источником.

Необычное зрелище заставило путников забыть об усталости. Лядов сразу же предложил, не теряя времени, поспешить к таинственному свечению.

— Нет, Сергей Владимирович, — охладил его пыл Рошин. — Мы не доберемся до этого света, если не отдохнем. Разве вы не замечаете, как выбился из сил Петр Васильевич.

Они устроили привал и крепко заснули.

Когда Рошин проснулся и взглянул на часы, то обнаружил, что небольшой лагерь спит уже около девяти часов. Он разбудил товарищей. Подъем и завтрак заняли немного времени, и вскоре астронавты продолжали свой путь навстречу неизвестному свету.

Прошло еще несколько часов, но таинственный свет оставался таким же далеким, как и раньше. Непроглядная тьма неожиданно сменилась слабым загадочным свечением.

— Не наблюдаем ли мы эффект Вавилова — Черенкова? — рассуждал вслух Коваленко, стараясь не отставать от своих спутников.— Почему бы в самом деле здесь невозможна люминесценция, возбуждаемая в жидкости гамма-лучами радия! Теперь, после стольких часов пребывания в полной темноте, чувствительность глаза увеличилась в десятки тысяч раз. Вот почему так ясно

видно это удивительное свечение, несомненно, идущее от воды.

— Андрей Егорович,— воскликнул Коваленко, обрадованный своим выводом, подойдя к остановившемуся Рошину.— Вам ничего не говорит этот таинственный свет? Я уверен, что он вызван черенковским свечением. Вспомните природу этого явления. Оно возникает, если скорость заряженной частицы превышает скорость электромагнитных волн в том веществе, через которое пролетает частица. Но электрон или другая заряженная частица не могут двигаться со скоростью, превышающей скорость света в пустоте, то есть триста тысяч километров в секунду. Следовательно, излучение Черенкова невозможно в пустоте. В среде же, где скорость света меньше, чем в пустоте, например в воде, где она составляет двести двадцать пять тысяч километров в секунду, эффект Вавилова — Черенкова возможен. Другими словами, если заряженная частица со скоростью выше чем двести двадцать пять тысяч километров в секунду попадет в воду, неизбежно возникает черенковское излучение. Друзья мои! Впереди вода и спасенье!

Измученные люди чувствовали себя слабее с каждым часом.

— Что делать? Ведь мы прошли всего несколько километров, а больше топчемся на месте.— воскликнул с досадой Лядов.— Ведь по прямой мы бы уже давно дошли до цели.

Всё чаще отставал профессор Коваленко. Его спутники уже не раз замедляли движение, стараясь, чтобы ученый не обнаружил, что из-за него отряд задерживается. Однако Коваленко вскоре разгадал этот маневр.

— Андрей Егорович,— заявил он Рошину.— Нельзя терять времени из-за меня. Я останусь здесь и буду вас ожидать. Наши рации еще в порядке, и вы сумеете найти меня.

Рошин недовольно отклонил предложение астронома.

— Выпейте мою долю воды, Петр Васильевич, — сказал он.— Поверьте, что я переносу все довольно легко.

Но Коваленко не соглашался. Прошло еще несколько часов, когда стало ясно, что астроном идти дальше

не может. Теперь свет вдаль стал значительно ярче и, казалось, что цель совсем близка.

— Я останусь здесь,— твердо заявил Коваленко,— и буду ждать от вас известий.

— С вами останется доктор,— решил Роцин,— а я и Сергей Владимирович пойдем дальше.

Затем он приказал Касымову взять весь остаток воды и, поручив ему уход за профессором, отправился вместе с Лядовым продолжать поиски.

А в это время в Альберии происходили важные события. Акционерное общество «Альберия—Луна» переживало период неожиданного расцвета.

Предсказания Рамиреса полностью оправдались. Едва в газетах появилось заключение экспертов о наличии нефти на Луне, как тысячи людей осадили контору Оливейра.

Толпы людей на бирже не отходили от светящихся табло с непрерывно меняющимися ценами. Они росли буквально на глазах, и поэтому каждый торопился купить участок, пока еще возможно. Некоторые скептики, правда, предполагали, что, возможно, здесь дело не совсем чисто, что это умелый ход Оливейра.

Но когда стало известно, что генерал Рамирес приобрел огромную лунную территорию на общую сумму в миллион диархов, вся биржа пришла в страшное возбуждение.

Телефонные звонки к Оливейра ни на минуту не прекращались, и он вынужден был отключить все аппараты.

Для наведения порядка на бирже вызвали полицию, но она не решилась применить брандспойты в месте, которое в Альберии считалось священным, и потому оказалась не в состоянии справиться со своей задачей. Несколько полицейских, забыв о своих обязанностях, сами приняли участие в лихорадочной биржевой игре.

Перед обществом «Альберия—Луна» вплотную стал вопрос об организации массовых полетов на Луну. Предстояло разрешить практические вопросы, связанные с производством скафандров и другого оборудования.

Как известно, Оливейра не собирался организовывать массовые перелеты на Луну, и общество «Альберия—Луна» оказалось не подготовленным к решению

столь сложных задач. К тому же не был решен основной вопрос — надежная защита людей в атомных ракетах от ионизирующего излучения — и, что самое главное, все атомные двигатели, которые были сконструированы в последнее время, были далеко не совершенными, так что ракета, работающая на таком двигателе, в лучшем случае могла совершить посадку на Луну. На возвращение ее нечего было рассчитывать. Однако владельцы лунных «земель» не желали ни с чем считаться.

Вопрос об организации массовых полетов на Луну обсуждался в правительственных кругах. По предложению Рамиреса было решено вновь обратиться к профессору Ренару с просьбой наладить производство препарата «Комплексин» с учетом опыта русских.

Глава XXXVII

Прошло два часа. Рошину и Лядову стоило нечеловеческих усилий заставлять себя идти вперед. По временам их охватывала слабость, появлялось головокружение. Нестерпимая сухость в горле вызывала галлюцинации: светлая полоса на горизонте казалась гладью огромного водного бассейна.

Почва под ногами стала неровной. В одном месте им пришлось идти через россыпи какой-то руды, в которой ярко блестели металлы. То были жилы золота, платины и меди. В особенности много было золота. Его бесчисленные прожилки многократно отражали свет фонаря. Через час каскад огней исчез, и почва под ногами астронавтов приняла снова темную окраску.

Воды всё не было. К страданиям астронавтов прибавилось теперь самое страшное: в их сознании зародилось сомнение в необходимости дальнейших усилий и борьбы. Понадобилась сверхчеловеческая энергия Рошина, чтобы продолжать идти и подбадривать изнуренного Лядова.

И когда уже совершенно обессиленные и потерявшие надежду они вошли в странно светящуюся холодным светом полосу, оба увидели массу какой-то жидкости,

на поверхности которой местами виднелись черные пятна, напоминающие пролитый в воду мазут.

Не веря собственным глазам, Рошин и Лядов, собрав последние силы, ускорили шаги. Через несколько минут оба стояли на песчаном берегу.

Перед ними расстилалась неподвижная жидкая масса, казавшаяся совершенно черной, несмотря на излучаемое ею свечение. Плоские берега этого мрачного озера переходили вдали в дикое нагромождение скал, теснившихся у самой воды.

Но вода ли это? Не будет ли вероятнее предположить, что здесь, в недрах Луны, образовалась какая-то другая жидкость? Не ядовита ли она?

Рошин наклонился, зачерпнул в флягу жидкость и стал медленно выливать ее на песок.

Жидкость хотя и напоминала воду, но казалась маслянистой. Оставалось ввести ее под скафандр и попробовать. При помощи специального устройства, позволяющего пить, не снимая скафандра, Рошин попробовал неизвестную жидкость. Несколько холодных капель, упавших на губы, словно оживили его и вдохнули новые силы в ослабевающий организм. Вода!

— Это вода, Сережа! — крикнул он радостно и жадно прильнул к трубке.

И только утолив жажду, оба почувствовали, что жидкость имеет неприятный вкус и странный острый запах. Но какова бы она ни была, это была вода.

Рошин связался по радио с Касымовым и, сообщив ему радостное известие, спросил о состоянии здоровья Коваленко.

— Я еще держусь, а Петр Васильевич без сознания, — услышал он слабый голос доктора.

Спасти Коваленко могла лишь срочная помощь, и астронавты немедленно тронулись в обратный путь.

Рошин и Лядов шли молча. Обоих тревожили одни и те же мысли.

«Успеют ли они спасти Коваленко?»

Как ни спешили Рошин и Лядов, прошло пять часов, прежде чем они нашли оставленных товарищей. Рошин распорядился развернуть палатку и наполнить ее кислородом.

Несколько глотков воды привели в чувство Коваленко.

— Значит, искали не напрасно,— произнес он слабым голосом.— Вода на Луне—этому трудно поверить!

Вскоре он задремал, но через полчаса проснулся и сразу же попросил пить. Однако, сделав несколько глотков, Коваленко отставил стакан.

— Вы не находите, что у воды странный привкус? — произнес он, обращаясь к окружившим его товарищам.— Запах самой настоящей нефти. На Луне — не только вода, но и нефть!

Это открытие взволновало их не меньше, чем водный бассейн в недрах Луны.

— Нефть! Да ее можно было ожидать на Луне, скорее, чем воду! — взволнованно продолжал Коваленко.— Ведь еще Менделеев высказал гипотезу о неорганическом происхождении нефти. И она блестяще подтверждается. Подумайте, какие замечательные перспективы откроются для космической станции на Луне, если здесь окажется в большом количестве нефть.

Когда Лядов показал образцы найденных им на обратном пути металлов, Коваленко настолько заинтересовался, что попытался встать.

— Вот еще факты в пользу «холодного» происхождения Луны и других планет, — произнес он. — Космогонии нужны доказательства!

— Да не думайте ни о чем, Петр Васильевич,— произнес с досадой Рошин.— Принимайте факты, какими они есть, не пытайтесь их объяснить. Вам необходим полный покой!

— Нет, нет, Андрей Егорович, это очень важно,— не унимался Коваленко.— Если наша планетная система образовалась из холодного газо-пылевого облака, окружавшего Солнце миллиарды лет тому назад, то Луна как и Земля, на ранних стадиях своего существования была совершенно лишена атмосферы. Воздушная и водная оболочки Земли и Луны образовались несколько позже за счет выделения газов из недр планет, сквозь «поры» в коре. Только Луна, имея массу в 80 раз меньше земной, потеряла воздушную и водную оболочки. И если на Луне невозможно существование открытых водных бассейнов, то, как видите, они существуют в совершенно замкнутом пространстве.

— И в самом деле, Петр Васильевич? Ваши доводы очень убедительны, и мы имеем все основания считать

доказанной не только теорию Менделеева, но и «порочную» теорию, — сказал Лядов. — Но вот вопрос. Если нефть находится на дне лунного озера, то она должна была бы всплыть на поверхность. Между тем, мы видели лишь отдельные пятна.

— Я думаю, нам следует предоставить покой Петру Васильевичу, — вмешался доктор. — Что же касается вашего вопроса, Сергей Владимирович, то позвольте на него ответить мне, так как я немного знаком с ним. Нефть может находиться под водой и не всплывать. Вы забыли, что если она выделяется со дна озера, то на нее оказывает давление столб воды, не дающий ей всплыть. Для каждой жидкости существует так называемый «критический порог», выше которого она не должна всплывать, а ниже — тонуть. Для большинства жидкостей «критический порог» весьма велик: например, для спирта он выше пятидесяти километров, но зато для нефти он сравнительно небольшой — всего четыреста—пятьсот метров, а для некоторых сортов и значительно меньше. По-видимому, глубина лунного озера не больше пятисот метров, и некоторое количество нефти могло всплыть, а основную массу еще нужно поднять до «критического порога», и она всплывет на поверхность. Нет сомнений, что на дне лунного озера имеется еще озеро, на этот раз из нефти.

— Вы совершенно правы, Юсуп Габитович, — одобрительно сказал Коваленко и собирался что-то добавить, но неожиданный резкий толчок, казалось, идущий из центра Луны, помешал ему.

Все тревожно переглянулись и настороженно прислушались. Несколько толчков еще большей силы, чем первый, последовали один за другим.

— Это похоже на вулкан! — проговорил уверенно Рошин.

Спустя несколько минут путешественники отчетливо услышали шум, напоминающий свист воздуха, выходящего под большим давлением. Стенки палатки сжимались и вибрировали. Казалось, что сильный ветер треплет палатку и готов унести ее вместе с обитателями.

И вдруг палатка оторвалась и стала подыматься, словно воздушный шар, увлекаемая непонятной и неведомой силой.

— Черт возьми! Происходит что-то необыкновенное! — вскричал Лядов.

Скорость движения все нарастала. Роцин бросился к небольшому окну, но разобрав, что происходит снаружи, не было никакой возможности.

— Я, кажется, понял, что произошло! — воскликнул слабым голосом Коваленко.

— Так, что же это?! — в один голос произнесли астронавты, цепляясь за стены, чтобы не упасть.

— Друзья мои, мы... — но новый толчок не дал ему договорить.

Палатка на минуту остановилась, сделала несколько оборотов, словно попала в завихрение, а затем, выталкиваемая неведомой силой, снова стала подниматься.

— Мы спасены! Нас выталкивает на поверхность пар! Вы понимаете? — успел сообщить профессор в промежутке между толчками.

— Какой пар?! Где спасение? Мы разобьемся сейчас о скалы, — с досадой выкрикнул Касымов, пытаясь подняться после очередного падения.

— Море... — продолжал пояснять Коваленко, с трудом выговаривая слова и жестикулируя руками. — Море закипело! — произнес он наконец, когда движение палатки стало более плавным.

По-видимому, сотрясение, вызванное действием вулкана, соединило пустоту, в которой странствовали астронавты, с лунной поверхностью. И тогда водяной пар, находящийся в ней в ненасыщенном состоянии, мгновенно улетучился, а вода лунного моря при отсутствии давления превратилась в пар. Огромные массы пара и, вероятно, скопившихся газов устремились к поверхности Луны и по пути увлекли палатку астронавтов.

Непрерывный гул и свист ни на минуту не прекращались. По временам палатка приходила во вращательное движение, а затем с новой силой устремлялась вверх. Заявление Коваленко «мы спасены» астронавты встретили без всякого оптимизма. Перспектива быть выброшенными через несколько минут на поверхность Луны, возможно, с обломками скал, тучами шлака и пепла, казалась не особенно радостной.

— Нужно что-то сделать для ослабления удара при падении! — произнес Роцин, с трудом сохраняя равновесие.

Но времени уже не было. За окном вдруг блеснуло Солнце, едва различимое сквозь густые клубы белого пара. Палатка пролетела несколько минут по инерции в горизонтальном направлении, замедлила скорость и вдруг стала опускаться. Спуск, вопреки ожиданиям, проходил сравнительно медленно. Очевидно палатку поддерживали массы пара.

Спустя несколько минут астронавты почувствовали, как палатка ударилась обо что-то твердое и, подпрыгнув словно мяч, остановилась.

Глава XXXVIII

Первое, что ощутили астронавты,—было полное безмолвие. Облачившись в скафандры, они вышли из палатки. Яркий свет Солнца, сияющего на черном небе, на мгновенье ослепил всех.

Примерно в километре от них из кратера вырывался громадный клуб беловатого пара. Не отклоняясь никакими воздушными течениями, он поднимался отвесно вверх.

Несколько минут астронавты наблюдали это грандиозное зрелище.

— Сколько драгоценной воды пропадает зря,— заметил Лядов.

— Вот и объяснение явления, наблюдаемого Торнтоном в долине Геродота,— произнес Коваленко.— Десятого февраля тысяча девятьсот сорок девятого года он заметил в телескоп клуб беловатого пара, закрывающего детали лунной поверхности на протяжении десятка километров, в то время как окружающая местность оставалась совершенно чистой и хорошо видимой. Не объясняются ли той же причиной местные помутнения кратеров Платона, Шикард, Тимохариса и других, которые отмечали многие наблюдатели?

— Но если так,— воскликнул Лядов,— то таких пустот, как та, которую мы открыли, на Луне множество, и есть надежда найти еще водные бассейны в каком-нибудь внутрилунном пространстве.

— По-видимому, их должно быть много,— ответил Коваленко.

— Но где же мы все-таки находимся? — спросил Рошин, внимательно осматриваясь по сторонам.

— Андрей Егорович, — воскликнул Лядов, — мы же в районе кратера Птоломея. Взгляните! Мы искали здесь ракету. Не вы ли указали на тот утес как на ориентир.

Рошин взглянул на утес, напоминающий своей формой шпиль, и произнес:

— Да, вы, кажется, правы, Сергей Владимирович.

— Здесь где-то должна быть ракета с кислородом. Надо найти ее.

С этими словами Лядов громадными прыжками пересек небольшую равнину и скрылся за ближайшими отрогами гор. Наблюдательность штурмана делала честь его профессии: вскоре он уже обнаружил металлическую сигару, блестящую на Солнце.

Но что это? Возле ракеты виднелась фигура человека в скафандре. Человек вынимал баллон с кислородом из люка ракеты и неожиданно заметил Лядова. Он вздрогнул и выронил из рук баллон.

Судя по скафандру, это был один из альберийских астронавтов, но кто именно? Лядов приветственно махнул рукой, спрыгнул со скалы и побежал к неизвестному. Он пробежал сотню метров, когда заметил, как в руках альберийского астронавта блеснул металлический предмет. И в то же мгновение громадная скала поблизости от Лядова разлетелась на десятки кусков. Несколько камней пролетело над его головой; к счастью, ни один из них не задел штурмана.

Лядов быстро укрылся за соседней скалой.

«Кто бы это мог быть? — подумал Лядов, наблюдая из-за своего укрытия. — И почему он стреляет?»

Между тем человек у ракеты, захватив два баллона, стал быстрыми шагами удаляться.

Лядов связался по радио с Роциным и сообщил о случившемся.

— Надо во что бы то ни стало захватить его, — ответил Рошин.

— Я попытаюсь. Если пересечь большую трещину, то можно обогнуть его минут на пятнадцать, — сказал штурман и побежал по направлению к трещине, которую обходил удаляющийся альбериец.

Вскоре путь ему преградил широкий зияющий провал. Мрачный вид черной пропасти на минуту остановил

Лядова. Но время было слишком дорого. Отбросив колебания, штурман разбежался и решительно оттолкнулся. Опасность придавала ему силы, ибо подобный прыжок даже на Луне мог считаться рекордом.

Пробежав минут десять, Лядов решил подождать, укрывшись в одной из расщелин. Вскоре вдали показался альбериец с кислородными баллонами. Он прошел поблизости от Лядова.

И тогда Лядов, стремительно выскочивший из своей засады, набросился на противника. Сбитый с ног, тот успел вынуть пистолет, но штурман сильным ударом выбил его. Неизвестный упорно сопротивлялся. Ему удалось сбросить с себя Лядова и вцепиться в его скафандр. Поняв опасность, Лядов собрал все силы и резко рванул скафандр врага, разорвав прочную ткань. Судорожно сцепленные пальцы альберийца ослабли. Жадно хватая ртом улетающий воздух, он задышался.

Лядов поднялся тяжело дыша. Только теперь он рассмотрел своего противника. Это был Альварес.

На помощь Лядову уже спешили астронавты. Подбежав к месту схватки и убедившись, что помощь не нужна, все молча пожали руку мужественного штурмана.

— Альварес всегда вызывал у меня неприязнь,— сказал Рошин.— Надо узнать, что делают остальные, что они задумали. Прежде всего проверим, цела ли наша ракета.

Небольшой отряд снова двинулся в путь. Вскоре они вышли из-за гор на просторную равнину, в центре которой возвышалась ракета. Знакомый силуэт «Циолковского» вызвал у астронавтов теплое и радостное чувство.

В течение часа они наблюдали за ракетой. Наконец Рошин дал приказание приблизиться к кораблю. Добравшись до ракеты, они обнаружили около нее сложенные баллоны с кислородом и топливом. Несомненно, альберийцы заканчивали приготовления к отлету. Рошин первым решил подняться на ракету. Прошло несколько минут напряженного ожидания. Рошин сообщил, что на корабле никого нет, и предложил астронавтам подняться. В этот момент они заметили бегущего к ним человека, возбужденно машущего им рукой. Когда он приблизился, астронавты узнали Диаса. Диас остановился и поднял руки. Лядов немедленно обыскал альберийского астронавта, но никакого оружия не обнаружил.

Диас что-то возбужденно говорил, но его никто не мог слышать: передатчики альберийцев, как известно, работали на другой волне.

Лядов дал знак Диасу подняться на корабль. Вместе с Диасом поднялись остальные астронавты. В кабине все сняли скафандры и сели за стол.

— Где Линье? — сурово спросил Рошин.

Этот вопрос явно смутил Диаса и он, по-видимому, не знал, что отвечать.

— Как понять ваше молчание? — спросил удивленно Рошин.

— Хорошо. Я объясню всё. Постарайтесь только понять меня правильно,— начал, наконец, Диас, нервно постукивая пальцами по столу.— Сразу же после лунотрясения, когда мы обнаружили обвал в пещере, Линье организовал спасательные работы. Мы приступили к рытью хода. Работа шла медленно, и я не верил в ее успех. Когда Альварес стал доказывать мне бесполезность наших усилий, я согласился с ним. Но Линье категорически отказался прекратить работы и вернуться на Землю. И тогда мы решили заставить его сделать это силой.

— Что же вы сделали?

— Мы связали его и стали готовиться к отлегу.

Астронавты возмущенно переглянулись.

— Ну, Диас, я не ожидал, что вы могли принять участие в таком деле,— произнес, наконец, Рошин.

— Но Линье упрям до фанатизма, господа! Не могли же мы из-за его упрямства рисковать жизнью.

— А вы уверены, что обвал в пещере — результат вулканической деятельности? — спросил Рошин и испытующе посмотрел на Диаса.

— Какая же может быть еще причина? — недоуменно ответил Диас.

— А где ваш пистолет? — неожиданно спросил Лядов.

— Ваш вопрос мне не совсем понятен,— ответил Диас.— У нас ни у кого нет оружия.

— Но несколько часов тому назад Альварес стрелял в Лядова.

— Стрелял! — воскликнул Диас. — Но я вижу, к счастью, все обошлось благополучно.

— Только не для него. Он погиб.

Диас побледнел. Несколько минут он сидел молча и вдруг, охваченный неожиданной догадкой, произнес:

— Когда произошел обвал, меня и Линье не было поблизости. Насколько я понял, вы подозреваете Альвареса и всех нас в инсценировке лунотрясения?

— Да, мы сразу заподозрили что-то нехорошее,—подтвердил Рошин.

— Не считайте меня, господа, хуже, чем я есть,—пробормотал растерянно Диас.— Ни я, ни тем более Линье не могли быть сообщниками Альвареса.

— Ну что ж, в благородстве Линье мы не сомневались, и очень рады, что не ошиблись в нем,—сказал Рошин вставая.— Отправляйтесь, Юсуп Габитович, и вы, Сергей Владимирович, освободить Линье. Попросите его прийти к нам. А в отношении вас,—добавил он, обращаясь к Диасу,—решение примет ваш командир.

Лядов и Касымов охотно отправились выполнять поручение Рошина. Спустя два часа они возвратились с Линье, искренне обрадованным счастливым спасением советских астронавтов.

До наступления лунной ночи оставалось четверо земных суток. «Циолковский» в основном уже был готов к старту; об этом позаботились альберийские астронавты, перенесшие со своего корабля радиостанцию и кое-какое оборудование. Лядов связался с Москвой и передал сводку о необычайных событиях на Луне.

Было решено лунный дом не откапывать, а в оставшееся время произвести ряд исследований и готовиться к отлету.

Линье, принявший деятельное участие в работах астронавтов, тем не менее был озабочен какими-то мыслями.

Однажды он подошел к Рошину и обратился к нему со следующими словами:

— Господин профессор! У меня нет в Альберии ни семьи, ни родственников. После того, что произошло, я не хочу возвращаться в Альберию. Не смогли бы вы зачислить меня в штат вашей научной станции? После возвращения на Землю я буду просить разрешения остаться в Советском Союзе.

— Лично я не возражаю,—ответил начальник советской экспедиции,—но, к сожалению, этот вопрос я не могу решить самостоятельно. Нужно запросить Москву.

В тот же день Лядов запросил Москву. Ответ пришел через несколько часов. Линье, согласно его желанию, зачислялся в штат научной станции Академии наук СССР. Это известие было встречено Линье и всей экспедицией с энтузиазмом.

И лишь один Диас не разделял радости астронавтов. Сознание вины перед Линье и советскими астронавтами тяготило его. Он стал еще более молчаливым и замкнутым.

Глава XXXIX

Деятельность общества «Альберия—Луна» напомнила температуру больного лихорадкой: она переходила от внезапных скачков к столь же неожиданным спадам. Бурный подъем, связанный с очередной сенсацией по поводу нефтяных запасов на Луне, должен был, как и предполагал Оливейра, смениться опасным затишьем.

Компания, возглавляемая Оливейра, оказалась не в состоянии решить проблему массовых полетов на Луну. Согласие Ренара вернуться к работе над препаратом комплексин могло в какой-то степени вывести общество из тупика. Однако после инцидента с телеграммой Оливейра не решался вступить с Ренаром в переговоры. Роль парламентаря взял на себя генерал Рамирес, отправившийся для ведения переговоров с ученым в Эскалон.

Ренар принял генерала неохотно. Последнее время здоровье его сильно пошатнулось: допросы, пребывание в камере Центрального сыскного бюро и гибель любимого ученика Педро Гаррета не прошли бесследно. Войдя в кабинет, Рамирес увидел за письменным столом сгорбленного старика с усталым взглядом и дрожащими руками. Ренар кивком головы указал на кресло.

— Я слушаю вас, господин Рамирес,— произнес ученый.

Генерал, не имевший обыкновения смущаться, на этот раз замялся, почувствовав всю трудность своей миссии.

— Мне хорошо известны неприятности, которые пришлось вам испытать, профессор,— начал он после небольшой паузы.— Поверьте, что общественность Альберии глубоко сожалеет обо всем, что произошло. Я явился к вам, профессор, от имени будущих пионеров освоения

Луны. Именно они, наши славные колонисты, положат начало массовому освоению космоса и понесут в просторы Вселенной знамя Альберии. Но нам нужен ваш препарат. Он понадобится срочно и в больших количествах, и мы не сомневаемся, что вы приложите все силы во славу Альберии, чтобы улучшить его защитное свойство.

Ренар, получивший накануне письмо из Правительственной канцелярии с аналогичной просьбой, без труда догадался о цели приезда Рамиреса и теперь терпеливо слушал напыщенную речь генерала.

— С некоторых пор,— продолжал Рамирес,— препарат потерял военное значение, поскольку противник также обладает им, и потому, я полагаю, у вас нет причин отказываться от нашего предложения.

— В настоящее время я не считаю возможным продолжать работу над препаратом,— ответил Ренар.

— Но почему же?

— Из сообщений советской печати мне, как и вам, известно, что с нашими астронавтами произошло то, чего я опасался и что пытался, к сожалению безуспешно, предотвратить—они заболели лучевой болезнью. Вам также известно, что перед отлетом всему экипажу была сделана инъекция комплексина. Как видите, препарат им не помог.

— Но массовая колонизация Луны—вопрос ближайшего будущего. Мы не имеем права откладывать ее,— неуверенно возразил Рамирес.

Ренар, взглянув насмешливо на собеседника, произнес:

— Я не владелец лунных участков и потому не могу вам посочувствовать. К тому же достижение Луны — теперь пройденный этап; я не вижу причин так спешить. Не лучше ли, чем рисковать жизнью людей, усовершенствовать наши космические корабли. Ведь на русской ракете не было излучения.

— Но в настоящее время у нас нет иного выхода,— попробовал доказать Рамирес.— А вы могли бы улучшить свойство препарата и сделать его более надежным.

— Если даже это и удастся, что мало вероятно, то потребуются длительные исследования.

— Ну что ж, профессор, вы отказываетесь и только подтверждаете вашу недостаточную лояльность,— про-

изнес Рамирес, убедившись в неудаче своей миссии, и, холодно попрощавшись, вышел.

В тот же день Оливейра постиг и второй удар—сообщение московского радио о том, что после трехдневной потери связи с Луной удалось снова услышать советских астронавтов, которые оказались живы и здоровы. Вслед за тем было передано, что советская экспедиция забирает на свой корабль и альберийских астронавтов.

Полный самых мрачных предчувствий, Оливейра удалился в свой кабинет. После тяжелых размышлений он пришел к выводу о неминуемом крахе общества «Альберия—Луна» и решил, что настало время уйти со сцены.

Глава XL

Первая советская космическая экспедиция пробыла на Луне два дня и одну ночь, что в переводе на земное время означало полтора месяца. В течение этого сравнительно короткого срока астронавты установили множество фактов, имевших неизмеримую ценность для науки. Они собрали богатейшие коллекции лунных пород и минералов. Даже вынужденное странствование в недрах Луны, к счастью, закончившееся благополучно, подтвердило пословицу, что нет худа без добра: оно позволило им сделать неожиданные и исключительно важные открытия.

11 января в небо Луны стремительно взвился корабль с шестью путешественниками. Быстро достигнув скорости 1,7 километра в секунду, «Циолковский» перешел на горизонтальный полет и превратился в искусственный спутник Луны. Путешественники не могли отказаться от представившейся возможности совершить полет вокруг Луны и осмотреть ее обратную сторону, большая часть которой освещалась в тот момент Солнцем. Они вылетели ночью и вскоре пересекли терминатор—временную границу света и тени.

С высоты 50 километров астронавты любовались панорамой обратной стороны Луны, хорошо, впрочем, знакомой по фотографиям и кинофильмам. Но наблюдение лунной поверхности непосредственно с борта космического корабля производит несравненно более силь-

ное впечатление. Бросается в глаза преобладание в этой части Луны горных районов и малое количество крупных кратеров. Резко выделяется на обратной стороне нашего спутника исполинский горный хребет Советский. Да, явная асимметрия лунной поверхности налицо!

Но множество научных данных, которые везут с собой астронавты, помогут разрешить и эту загадку. Путешественники без труда находят лунные моря, горные хребты, кратеры и с гордостью произносят их названия: «море Москвы», «залив Астронавтов», «кратер Циолковского», «кратер Ломоносова», «кратер Жюлио Кюри», «горный хребет Советский», «море Мечты». Ведь эти названия напоминают о великом научном подвиге советских людей, впервые сфотографировавших обратную сторону Луны. Пройдут века, но драгоценный снимок останется свидетельством триумфа советской науки.

Осмотрев невидимую сторону Луны, астронавты включили двигатель и направили корабль к родной планете.

Когда ракета достигла скорости 2,4 километра в секунду, двигатель выключили, и космический корабль, выходя из зоны притяжения Луны, начал двигаться со все возрастающей скоростью под действием земного притяжения.

Несколько сложнее обстоял вопрос с посадкой на Землю. На высоте около тысячи километров корабль при помощи включенного двигателя затормозили и уменьшили скорость падения до 5 километров в секунду. Затем «Циолковский» повернулся носом к Земле и с выключенным двигателем помчался вокруг земного шара. Чтобы лучше погасить скорость, корабль летел против вращения Земли, то есть с запада на восток. Совершив кругосветное путешествие и значительно понизив скорость, «Циолковский» опустился в более плотные воздушные слои. Однако скорость его была слишком велика для посадки, и корабль пошел на «второй круг», то есть снова обернулся вокруг Земли.

Такой метод посадки позволил ракете постепенно погасить огромную скорость и избежать опасности сгореть в земной атмосфере, подобно метеориту.

Наконец корабль совершил посадку на Черном море, недалеко от Крымского побережья. Наполненный воз-

духом и с пустыми баками из-под горючего, он не затонул, а лишь немного погрузился в воду. Специально дежурившие суда быстро извлекли его и благополучно доставили космических путешественников на берег, где их восторженно встречали тысячные толпы людей.

Так закончилась первая в мире космическая экспедиция.

Дальнейшая судьба наших героев сложилась по-разному.

Линье принял гражданство СССР и остался в Советском Союзе.

Диас после кратковременного пребывания в Советской стране вернулся в Альберию, где его с нетерпением ожидали жена и сын. Падкие на сенсацию альберийцы гонялись за его автографом. За каждое выступление Диасу предлагали огромные деньги. Пользуясь этой популярностью, он мог бы выгодно заработать, но Диас редко выступал и старался спастись от бесчисленных интервью. Однако написанная им книга «Мое пребывание на Луне» быстро составила ему состояние.

Встреча его с господином Оливейра так и не состоялась.

Предприимчивый делец увильнул от судебной ответственности. Вначале он полностью отрицал получение телеграммы от профессора Ренара, возбудившего против него иск. Но Мерседес, питавшая еще надежды на Линье, подтвердила, что действительно телеграмма была получена. И тогда господин Оливейра исчез. По этой вполне уважительной причине иск, предъявленный профессором Ренаром, не мог быть удовлетворен, а следствие по требованию некоторых лиц было прекращено.

Среди этих лиц, по-видимому, был генерал Рамирес. Не желая иметь влиятельного врага, Оливейра перевел на текущий счет Рамиреса миллион диархов, которые тот недавно уплатил за лунные территории.

Вместе с исчезновением господина Оливейра исчезли и крупные суммы с текущего счета «Общества». Разразившийся вслед за этим скандал, к сожалению, ничем не помог бывшим владельцам лунных угодий, требовавшим возвращения своих денег.

Выступая на собрании акционеров, возмущенных исчезновением Оливейра, Рамирес призвал пострадавших

перенести все потери с тем стоическим спокойствием, с каким это делает он сам. В заключение генерал пояснил, что система свободного предпринимательства таит в себе колоссальные возможности. Деятельность господина Оливейра символизирует эту систему, и общество не вправе сковывать ее искусственными ограничениями. Тот факт, что предприниматель Оливейра избежал суда, только подтвердил, что Альберия — страна наилучшей демократии, в которой образцовое законодательство и судопроизводство всегда являлись предметом гордости ее граждан.

Высказав столь глубокомысленную сентенцию, генерал поспешил покинуть собрание, предоставив слушателям постигать ее сущность.

Так бесславно закончилось существование общества «Альберия—Луна».

Однако печальная судьба акционерного общества не послужила уроком для людей, поддерживавших Оливейра. Генерал Рамирес и сенатор Баррос с упорством маньяков по-прежнему призывают к борьбе с коммунизмом в космосе. «План Барроса» при поддержке могущественных магнатов удалось претворить в жизнь. Пресловутое «Объединение по борьбе с коммунизмом в космосе» было создано, и его первое заседание проходило с большой помпой.

Под предлогом борьбы с коммунизмом в космосе «Объединение» повело борьбу с прогрессивными силами на Земле.

В Ареопаге обсуждался проект закона о запрещении деятельности Коммунистической партии. И как всегда, в те дни звучал голос Гонсало, возглавившего борьбу с «Объединением». И хотя закон был принят, Гонсало неутомимо продолжает бороться, ибо нет в мире силы, которая заставила бы его сложить оружие.

Спустя два года после описываемых событий Советский Союз отправлял очередную космическую экспедицию. Ей предстояло совершить посадку на той стороне Луны, которая скрыта от взоров людей, и обстоятельно ее исследовать.

К тому времени Линье успел обзавестись семьей, но неутомимое сердце астронавта манят просторы Вселенной. И когда Линье предложили участвовать в новой экспедиции на Луну, он с радостью согласился. Среди

экипажа из десяти человек были и наши старые знакомые — энтузиасты астронавтики и опытные «космические волки» — профессор Рошин, штурман Лядов и доктор Касымов.

Перед отлетом ракеты Рошин, выступая по телевидению, произнес следующие замечательные слова:

— Я думаю, технический прогресс и нравственный уровень людей будут неотделимы друг от друга. Придет время, когда человечество изучит не только около-солнечное пространство, но и множество неизвестных и несомненно прекрасных планет нашей Галактики. И если когда-нибудь людям придется встретиться в просторах Вселенной с разумными существами, они будут представлять единую дружную семью — **ЗЕМНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Харьковское книжное издательство просит
присылать отзывы об этой книге по адресу:
Харьков, ул. Дзержинского, 3.*

Кнопов Абрам Ефимович

ПРОДАННАЯ ЛУНА

Редактор С. В. Михайлова
Художник В. К. Уманец
Художественный редактор Н. П. Тяпков
Технический редактор М. И. Лиманова
Корректор П. Я. Бронштейн

Сдано в набор 7/IX-59 г. Подписано к печати 3/VI-60 г. Бумага 84 x 108^{1/2}.
Бум. лист. 3,5. Печ. лист. 7. Усл.-печ. лист. 11,48. Уч.-изд. лист. 11,4.
Изд. № 131. Тираж 65000. БЦ 06256. Зак. 4-1212. Цена 5 руб.

Харьковская областная типография Облиздата, Харьков, Сумская ул., 13.

ХАРЬКОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Харьков, ул. Дзержинского, 3

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Игорь МУРАТОВ. «Жила на свете вдова».

Повесть. Язык украинский. 250 стр. Цена 4 руб. 50 коп.

Кость ГОРДИЕНКО. «Семья Остапа Тура».

Повесть. Язык украинский. 264 стр. Цена 3 руб. 80 коп.

Иван ШУТОВ. «Перед жатвой».

Роман. Язык русский. 500 стр. Цена 7 руб. 85 коп.

Борис СИЛАЕВ. «Человеку нужны звезды».

Сборник рассказов. Язык русский. 150 стр. Цена
2 руб. 50 коп.

Василий БОНДАРЬ. «Заря моя неугасимая».

Стихи. Язык украинский, 96 стр. Цена 2 руб.

Виктор КОЧЕВСКИЙ. «Мастера радости».

Стихи. Язык украинский. 59 стр. Цена 1 руб.

Иван МИРОШНИКОВ. «Ветер дальних дорог».

Стихи. Язык русский. 45 стр. Цена 1 руб.